

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 4 (13) 2021

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Чуева Арина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Дзидзов Руслан Мухарбекович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Долива-Клепацкая Анна, доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет, г. Белосток, Республика Польша

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университета им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Копецкий Мартин, доктор юридических наук, профессор, Карлов университет, г. Прага, Чешская Республика

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Мешко Горазд, доктор права, профессор, Мариборский университет, г. Марибор, Республика Словения

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Прапиестис Йонас, доктор права, профессор, Вильнюсский университет, г. Вильнюс, Литовская Республика

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Пиц Анна, доктор права, профессор, Белостокский университет, г. Белосток, Республика Польша

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Соловьев Юрий Петрович, ректор, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естественных наук, вице-президент Евразийской академии административных наук, Сибирский юридический университет, г. Омск, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Стариков Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Фунта Ростислав, доктор права, Высшая школа Данубиуса, г. Комарно, Словацкая Республика

Шмейкал Вацлав, доктор права, доцент, Университет «Шкода авто», г. Млада-Болеслав, Чехия

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493 ISSN: 2078-5836.

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по отрасли науки – Юридические науки (группа специальностей – 12.00.00 Юридические науки; научные специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – Уголовный процесс; 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; 12.00.14 – Административное право; административный процесс; 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 20.12.2021. Дата выхода в свет: 29.12.2021.

Усл. печ. л. 9,9. Тираж 100 экз. Заказ № _____

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2021.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 4 (13) 2021

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and International Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Arina S. Chueva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Ruslan M. Dzidzoev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina B. Dobrobaba, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

Anna Doliva-Klepatskaya, Dr. of Sci. (Law), Professor, Bialystok University, Bialystok, Republic of Poland

Alexey N. Zharebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyshansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Elena Y. Kireeva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Martin Kopecky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Charles University, Prague, Czech Republic

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Denis N. Lozovskiy, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Gorazd Meshko, Doctor of Law, Professor, University of Maribor, Maribor, Republic of Slovenia

Lidiya A. Nudnenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Jonas Prapiestis, Doctor of Law, Professor, Vilnius University, Vilnius, Republic of Lithuania

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anna Pisch, Doctor of Law, Professor, Bialystok University, Bialystok, Republic of Poland

Yulia A. Popova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Yuri P. Solovey, Rector, Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Vice-President of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Rastislav Funta, Doctor of Law, Danubius High School, Komarno, Slovak Republic

Vaclav Shmeikal, Doctor of Law, Associate Professor, Skoda Auto University, Mlada Boleslav, Czech Republic

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "**Legal Bulletin of the Kuban State University**" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493 ISSN: 2078-5836.

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science - Legal sciences (group of specialties - 12.00.00 Legal sciences; scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state; 12.00.02 – Constitutional Law; constitutional litigation; municipal law; 12.00.03 – Civil Law; business law; family law; private international law; 12.00.08 – Criminal Law and Criminology; criminal executive law; 12.00.09 - Criminal procedure; 12.00.12 – Criminalistics; forensic expert activity; operational investigative activity; 12.00.14 – Administrative law; administrative process; 12.00.15 - Civil procedure; arbitration process).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 20.12.2021. Release date: 29.12.2021.

Usl. pech. l. 9,9. Edition of 100 copies. Order No. ____.

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

An image from the resource is used on the cover of the magazine <https://crello.com>

© "Legal Bulletin of the Kuban State University", 2021.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Семенцов В.А.</i> Конституционные основы правозащитной деятельности в аспекте организации бесплатной юридической помощи.....	7
---	---

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Босых А.И., Короткий Ф.В., Курин И.Ю., Симонян К.Р.</i> Правовой статус кредитора, требования которого обеспечены залогом имущества в делах о банкротстве должника (по материалам практики Верховного Суда РФ).....	16
<i>Зарапина Л.В., Белокопытова Н.Ю.</i> Правовое регулирование полетов беспилотных летательных аппаратов: перспективы, новации, проблемы.....	29
<i>Рыженков А.Я.</i> О тенденциях и перспективах развития в России экологического туризма как элемента «зеленой» экономики.....	38

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Асланян Р.Г.</i> Юридическое содержание института особенной части уголовного права.....	46
<i>Дремлюга Р.И., Коробеев А.И.</i> Применение искусственного интеллекта для сбора и анализа доказательств.....	55
<i>Сидорова Е.З.</i> Экстремизм и терроризм в образовательной среде как угроза криминологической безопасности системы образования	64

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Гладышева О.В., Хмыров Р.В.</i> Представитель адвокатской палаты и его доступ в уголовное судопроизводство: современные проблемы и пути их решения	72
---	----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Лупарев Е.Б., Епифанова Е.В.</i> Футуризм медицинских биотехнологий и административная правосубъектность	82
---	----

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Мазуренко М.А.</i> Роль общеизвестных фактов в современном арбитражном судопроизводстве.....	89
---	----

CONTENTS

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LITIGATION; MUNICIPAL LAW

<i>Vladimir A. Sementsov</i> Constitutional foundations human rights activities in the aspect of organizations of free legal aid	7
--	---

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

<i>Andrey I. Bosykh, Philipp V. Korotkiy, Igor Yu. Kurin, Kristina R. Simonyan</i> The legal status of a creditor whose claims are secured by a pledge of property in cases of bankruptcy of the debtor based (on the materials of the practice of the Supreme court of the Russian Federation).....	16
<i>Lydia V. Zarapina, Natalia Yu. Belokopytova</i> Legal regulation of flights of unmanned aerial vehicles: prospects, innovations, problems.....	29
<i>Anatoliy Y. Ryzhenkov</i> About trends and prospects of development in Russia ecological tourism as an element "green" economy.....	38

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL EXECUTIVE LAW

<i>Ruslan G. Aslanyan</i> Legal content of the Institute of the special part of criminal law.....	46
<i>Roman I. Dremluiga, Alexander I. Korobeev</i> The use of artificial intelligence to gather and analyse evidence.....	55
<i>Ekaterina Z. Sidorova</i> Extremism and terrorism in the educational environment as a threat to the criminological security of the education system.....	64

CRIMINAL PROCEDURE

<i>Olga V. Gladysheva, Rostislav V. Khmyrov</i> Representative of the bar chamber and his access to criminal proceedings: modern problems and ways to solve them.....	72
---	----

ADMINISTRATIVE LAW; ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Evgeniy B. Luparev, Elena V. Epifanova</i> Futurism of medical biotechnology and administrative legal personality.....	82
---	----

CIVIL PROCEDURE; ARBITRATION PROCESS

<i>Maksim A. Mazurenko</i> The role of common knowledge facts in modern arbitration litigation.....	89
---	----

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО;
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ
ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

**CONSTITUTIONAL LAW;
CONSTITUTIONAL LITIGATION;
MUNICIPAL LAW**

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-7-15>

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АСПЕКТЕ ОРГАНИЗАЦИИ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

В.А. Семенцов

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Семенцов В.А. Конституционные основы правозащитной деятельности в аспекте организации бесплатной юридической помощи. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(4):7–15. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-7-15>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 04.10.2021

Статья принята к печати: 04.11.2021

Дата публикации: 29.12.2021

Аннотация: Правозащитная деятельность выступает особым направлением в сфере исследований публично-правовой науки. С принятием Конституции Российской Федерации правозащитная деятельность приобрела солидную правовую основу в виде отдельных положений, выполняющих роль принципов в конкретных областях и сферах защиты гражданских и иных прав. На современном этапе, с учетом развития и существенной модернизацией многих аспектов правовой деятельности, особенно в свете имеющихся проблем, связанных с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, возникла необходимость в постановке перед наукой новых задач, решение которых необходимо для повышения уровня правовой защиты граждан.

Цель исследования – развитие конституционных основ правозащитной деятельности в аспекте организации бесплатной юридической помощи в условиях пандемии.

Задачи исследования: проведение комплексного исследования конституционных положений, определяющих принципы правозащитной деятельности; адаптация отраслевого законодательства в части организации оказания бесплатной юридической помощи к условиям пандемии; определение перспективных направлений дальнейшего совершенствования правил и условий оказания такой помощи; выработка и обоснование авторских предложений по изменению категорий граждан, пользующихся бесплатной юридической помощью и перечня вопросов, в рамках которых, такая помощь должна быть оказана.

Проведенное исследование основано на традиционных общенаучных и частнонаучных методах, в числе которых диалектика, анализ, синтез, обобщение, логический, системно-структурный, системно-функциональный, сравнительно-правовой, формально-юридический и др.

Результатами исследования стала совокупность новых положений, расширяющих научные представления о конституционных основах правозащитной деятельности и особенностях их реализации в условиях пандемии.

Выдвигается и обосновывается мнение о необходимости расширения перечня категорий граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, а также о целесообразности изменения круга правовых вопросов, в связи с которыми юридическая помощь должна оказываться на бесплатной основе.

Ключевые слова: Конституция, правозащитная деятельность, права и свободы, квалифицированная юридическая помощь, бесплатная юридическая помощь.

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS HUMAN RIGHTS ACTIVITIES IN THE ASPECT OF ORGANIZATIONS OF FREE LEGAL AID

Vladimir A. Sementsov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Sementsov V.A. Constitutional foundations human rights activities in the aspect of organizations of free legal aid. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(4):7–15. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-7-15>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 04.10.2021

The article has been accepted for publication: 04.11.2021

Date of publication: 29.12.2021

Annotation: Human rights activity is a special direction in the field of public law research. With the adoption of the Constitution of the Russian Federation, human rights activities have acquired a solid legal basis in the form of separate provisions that serve as principles in specific areas and areas of protection of civil and other rights. At the present stage, taking into account the development and significant modernization of many aspects of legal activity, especially in the light of the existing problems associated with the unfavorable epidemiological situation, it has become necessary to pose new tasks to science, the solution of which is necessary to increase the level of legal protection of citizens.

The purpose of the study is to develop the constitutional foundations of human rights activities in the aspect of organizing free legal aid in a pandemic. Research objectives: conducting a comprehensive study of the constitutional provisions defining the principles of human rights activities; adaptation of sectoral legislation regarding the organization of free legal aid to the conditions of the pandemic; identification of promising areas for further improvement of the rules and conditions for providing such assistance; development and justification of author's proposals to change the categories of citizens using free legal aid and the list of issues within which such assistance should be provided.

The conducted research is based on traditional general scientific and private scientific methods, including dialectics, analysis, synthesis, generalization, logical, system-structural, system-functional, comparative legal, formal legal, etc.

The results of the study were a set of new provisions that expand scientific ideas about the constitutional foundations of human rights activities and the specifics of their implementation in a pandemic.

The opinion is put forward and justified on the need to expand the list of categories of citizens entitled to receive free legal aid, as well as on the expediency of changing the range of legal issues in connection with which legal aid should be provided free of charge.

Keywords: The Constitution, human rights activities, rights and freedoms, qualified legal assistance, free legal assistance.

Введение

Правозащитная деятельность представляет собой объединение всех форм активности государственных и негосударственных структур по защите прав и свобод человека и гражданина от нарушений и посягательств. О создании условий защиты прав и свобод человека и гражданина речь идет уже в преамбуле Конституции Российской Федерации, а конкретизация нравственных позиций, придание им нормативного качества осуществлено в самом тексте Основного закона.

Научные исследования правозащитной деятельности проводятся по многим направлениям [13, с. 265]. Отмечая их высокую значимость, выделим в числе этих направлений организацию бесплатной юридической помощи, включая ее оказание в условиях пандемии. Эта сфера, а также специфичность отмеченного условия особенно повышает актуальность исследования организации бесплатной юридической помощи в связи с нестандартностью обстоятельств и множеством вопросов, которые появляются как в теоретическом, так и в практическом отношении. Достаточно указать на возникающие масштабные проблемы экономического характера, с которыми сталкиваются граждане и вынуждены решать их в правовом поле, не имея возможности получить надлежащую юридическую помощь в бесплатном режиме. Возникает проблема квалификации лиц, оказывающих бесплатную юридическую помощь. Особенно значимым видится вопрос о соотношении конституционных положений о праве каждого на квалифицированную юридическую помощь и условиями ее оказания, определенными в отраслевом законодательстве в сочетании с почти экстремальными условиями существования нынешнего общества.

Отметим, факт, полезный в аспекте нашего исследования, что в мировой правовой науке оказание бесплатной юридической помощи гражданам, попавшим в непростые жизненные условия, также привлекает повышенное внимание ученых. Так, например, рассматриваются вопросы оказания бесплатной юридической помощи лицам, получающим убежище в Великобритании, и делается вывод, что организация такой помощи нуждается в существенном совершенствовании [15]. Соответственно проблемы организации правозащитной деятельности и оказания бесплатной юридической помощи не являются уникальными, порожденными исключительно российскими условиями, а присущи многим странам. Поэтому поиск ответов на возникающие вопросы должен проходить с учетом мировых достижений правовой науки.

Методы исследования

Проведенное исследование благодаря применяемым методам позволило получить новые результаты, способные существенно повлиять на имеющиеся представления о содержании и условиях оказания бесплатной юридической помощи в свете имеющихся конституционных основ.

Диалектический метод позволил выявить наиболее острые противоречия, существующие в правовом регулировании порядка организации и оказания бесплатной юридической помощи. Результаты, полученные благодаря этому методу, позволили сделать более заметными несоответствия отраслевых законодательных актов конституционным положениям. Выявленные противоречия стали основой для применения иных методов, в первую очередь аналитического характера.

Системно-функциональный анализ позволил выделить подсистему оказания правовой помощи в системе правозащитной деятельности. В свою очередь оказание правовой помощи включает такой элемент как оказание бесплатной юридической помощи. Благодаря отмеченному принципу была установлена их системная взаимосвязь и выявлен функционал каждого элемента указанных систем.

Посредством метода синтеза были сформулированы предложения по совершенствованию имеющихся правил оказания и организации бесплатной юридической помощи.

Обобщение позволило определить масштабность возникших в исследуемой области проблем и наглядно продемонстрировать потребность в изменении существующих правил.

Формально-юридический метод позволил получить новые данные о содержании и смысле конституционных положений и правил, закрепленных в отраслевом законодательстве, уяснить правовой смысл понятий «правозащитная деятельность», «квалифицированная юридическая помощь», «бесплатная юридическая помощь», определиться с их соотношением, условиями и правилами оказания.

Методом сравнения выявлены различия в подходах к оказанию бесплатной квалифицированной юридической помощи, как важной области публичных обязательств государства.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило получить достаточно многочисленные результаты, содержание которых затрагивает в основном такой аспект как круг лиц, имеющих право на

получение бесплатной юридической помощи и перечень вопросов, в связи с которыми эта помощь может быть оказана.

Основной вывод заключается в том, что повысить уровень социальной защищенности граждан, сформировать дополнительные механизмы обеспечения, гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и законных интересов возможно в случае существенной модернизации правил организации оказания бесплатной юридической помощи. В числе направлений такого совершенствования видится:

1) уяснение точного правового смысла понятий «правозащитная деятельность», «квалифицированная юридическая помощь», «бесплатная юридическая помощь», определения их соотношения, условий и правил оказания;

2) формирование дополнительных механизмов, обеспечивающих гарантированные Конституцией Российской Федерации права и законные интересы.

Научная дискуссия

Правозащитная деятельность в современных условиях представляет собой весьма разнородное явление, содержание которого составляет стремление к достижению положительных изменений ситуаций с нарушениями прав человека.

«В настоящее время, – пишут Ю.В. Анохин и Е.В. Красилов, – остается неутешительная тенденция нарушения прав человека, в связи с чем государственным органам необходимо направить все усилия на качественное выполнение своих правозащитных полномочий» [1, с. 171].

24 октября 2018 г. в Совете Федерации прошли парламентские слушания на тему «Правозащитная деятельность: современное состояние и перспективы развития». В своем выступлении Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова сообщила, что в 2018 г. к ней поступила 41 тыс. обращений, были восстановлены права 250 тыс. граждан. Подчеркнуто, что большинство жалоб относится к сфере уголовного судопроизводства, когда потерпевшие не могут добиться возбуждения уголовного дела, либо если это касается длительного содержания под стражей обвиняемых. Наряду с этим обращено внимание на проблему соблюдения закона в следственных изоляторах и местах лишения свободы, в связи с чем возникает вопрос об усилении общественного контроля.

Т.Н. Москалькова безусловно права, считая необходимым продолжить поиск новых форм и способов защиты прав и свобод человека и гражданина, расширить на основе комплексного подхода развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие, разработать федеральную национальную стратегию государственной политики в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, разработать индикаторы устойчивого развития прав человека и критерии оценки эффективности правозащитной деятельности [3].

Особую актуальность эффективная организация правозащитной деятельности приобрела в условиях стремительного распространения COVID-инфекции, поскольку многие меры, предпринимаемые органами государственной власти по борьбе за спасение людей от заражения коронавирусом, напрямую касаются реализации прав и свобод человека и гражданина.

В условиях борьбы с коронавирусной инфекцией, отмечается в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 г., в стране создана принципиально новая система прав на социально-экономическую поддержку, которую установило государство для широких слоев населения на время пандемии и в посткарантинный период: отсрочки по налогам, кредитам и страховым взносам, льготные кредиты, арендные каникулы, мораторий на банкротство, социальная поддержка семей с детьми и тех, кто потерял работу, субъектов малого и среднего предпринимательства, застройщиков и туроператоров, и многие другие [5].

Представляется, что важным направлением организации правозащитной деятельности, повышения ее эффективности, служит обеспечение права на получение квалифицированной юридической помощи – одного из основных прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Часть 1 ст. 48 Конституции гласит: «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно»¹.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2004 г. указано, что данное конституционное положение означает конституционную обязанность государства обеспечить каждому желающему достаточно высокий уровень любого из видов предоставляемой

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

юридической помощи, одним из которых является представление (защита) интересов доверителя в различных видах судопроизводства¹.

Буквальное толкование конституционных предписаний, изложенных в 1 ст. 48, позволяет утверждать, что квалифицированная юридическая помощь все же оказывается не каждому, поскольку в бесплатном ее варианте речь идет просто о юридической помощи (без упоминания слова квалифицированная).

В связи с этим следует согласиться с предложением П.П. Глущенко и В.В. Цмая, обосновывающих необходимость устранения названного разночтения в Основном законе за счет изложения ч. 1 ст. 48 Конституции в новой редакции: «1. Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, а в случаях, предусмотренных законом, она оказывается бесплатно» [4, с. 134].

Для нас очевидно, что наиболее квалифицированная форма организации юридической помощи – это адвокатура, на которую возложена основная нагрузка по ее оказанию. Под адвокатурой традиционно понимается организованное особым образом объединение юристов-профессионалов, перед которыми поставлены задачи по содействию охране прав и законных интересов всех физических и юридических лиц, отправлению правосудия, соблюдению и укреплению законности и правопорядка. Порядок организации и деятельности адвокатуры определяются Федеральным законом от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и иными законодательными актами.

Вызывает интерес законопроект от 2 декабря 2021 г. № 01/05/12-21/00123062, разработанный Минюстом России, о комплексных изменениях в Законе об адвокатуре, согласно которым предусматривается повышение гарантированности реализации права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, оптимизации взаимодействия органов юстиции и адвокатских палат, совершенствования регулирования адвокатской деятельности и организации адвокатуры исходя из задач современного этапа развития института адвокатуры и др. [2].

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 г. отмечалось, что адвокатура гарантирует оказание именно квалифицированной юридической помощи, реализуя правомочия по обеспечению подготовки обладающих необходимыми профессиональными навыками юристов и устанавливая с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования к адвокатам, а также условия допуска юристов и других лиц в качестве защитников и представителей в судебных процедурах².

Но по-прежнему актуальна проблема обеспечения высокого качества юридической помощи, позиционируемой как квалифицированная, при решении многочисленных правовых вопросов в тех процедурах, что предусмотрены отечественным законодательством.

Так, в случае производства по делам об административных правонарушениях адвокаты выступают в качестве защитников и представителей. В соответствии с ч. 1 ст. 25.5 КоАП РФ для оказания юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, может участвовать защитник, а для оказания юридической помощи потерпевшему – представитель.

А вот текстуальное содержание ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации убеждает в его направленности на защиту от уголовного преследования, начиная с момента задержания лица по подозрению в совершении преступления или при наличии иных признаков направленной против него обвинительной деятельности. Причем оказание юридической помощи лицу, совершившему преступление, не единственная форма участия адвоката в уголовном судопроизводстве. Согласно предписаниям УПК РФ и позициям Конституционного Суда Российской Федерации правом пользоваться услугами адвоката наряду с подозреваемым, обвиняемым обладают и другие лица (независимо от их процессуального статуса), испытывающие потребность в оказании им юридической помощи.

¹ По жалобе гражданки Ивкиной Валентины Оноприевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 45 и статьей 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2004 г. № 25-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 г. № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 7. Ст. 871.

В современной научной литературе высказываются суждения об оказании юридической помощи в такой специфической деятельности государства, которая основана на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств, несмотря на то, что Федеральный закон от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», Федеральный закон от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» и Кодекс профессиональной этики адвоката запрещают сотрудничество адвокатов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [9, с. 24–28].

Еще одна область публичных обязательств государства – обеспечение права на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи в предусмотренных законом случаях применительно к отдельным видам судопроизводства. Национальные особенности бесплатной (субсидируемой государством) юридической помощи определяются на основе Федерального закона от 21 ноября 2011 г. «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹, а ее финансирование осуществляется за счет федерального бюджета, а также за счет бюджета субъектов Федерации.

Бесплатная юридическая помощь выражается в правовом консультировании в устной и письменной формах, составлении правовых документов, защите и представлении интересов граждан в судах, государственных и муниципальных органах, организация в случаях и в порядке предусмотренных законодательством.

По мнению Т.Г. Морщаковой, право на получение субсидируемой государством юридической помощи принадлежит сравнительно небольшому числу субъектов из социально уязвимых групп населения [7, с. 65].

Думается, именно поэтому 24 ноября 2020 г. в Государственную Думу представлен проект закона № 1061502-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г., в котором предлагалось дополнить перечень субъектов, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, за счет:

- 1) граждан предпенсионного возраста (в течение пяти лет до наступления возраста, дающего право на страховую пенсию по старости, в том числе назначаемую досрочно);
- 2) неработающих пенсионеров, являющихся получателями страховой пенсии по старости.

Однако законопроект не был поддержан Правительством Российской Федерации, поскольку это увеличит финансовую нагрузку на бюджетную систему². В заключении Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству от 26 января 2021 г. предлагается предусмотреть условие оказания бесплатной юридической помощи рассматриваемой категории граждан – если они обращаются за ее оказанием по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких граждан³.

По проекту закона № 1061502-7 проведена общественная экспертиза с публичным обсуждением ее результатов 11 марта 2021 г. В итоге Общественной палатой Российской Федерации дано заключение от 31 августа 2021 г., в соответствии с которым констатируется актуальность предлагаемых новелл и разделяется стремление его авторов по реализации конституционных, социально значимых функций государства в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью. Вместе с тем в ходе общественной экспертизы сформированы отдельные предложения по законопроекту: 1) о создании юридических клиник в научных организациях; 2) о расширении категорий граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи (например,

¹ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (с изм. по сост. на 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6725.

² Заключение Правительства РФ от 10 сентября 2020 г. на проект федерального закона № 1061502-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», вносимый в Государственную Думу депутатами Государственной Думы Е.В. Марковым, К.И. Черкасовым и А.В. Андрейченко // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству от 26 января 2021 г. по проекту федерального закона № 1061502-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», внесенному депутатами Государственной Думы Е.В. Марковым, К.И. Черкасовым и А.В. Андрейченко (первое чтение) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

члены многодетных семей); 3) о цифровизации баз данных граждан, которые могут рассчитывать на оказание бесплатной юридической помощи, и др.¹

Наряду с проблемой определения категорий граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, необходимо учитывать, что законодательством установлен ограниченный перечень вопросов, для решения которых граждане могут воспользоваться системой оказания такой помощи. В основном это те вопросы, что связаны с повседневными потребностями граждан – социальное и пенсионное обеспечение, сфера трудового, жилищного и семейного (включая опеку и попечительство) права.

А вот в проекте процессуального КоАП предлагается закрепить возможность оказания квалифицированной юридической помощи бесплатно в случаях, когда за совершение административного правонарушения может быть назначено административное наказание в виде административного ареста [8]. Нарушение права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, пользоваться юридической помощью будет считаться существенным нарушением процессуальных требований, что приведет к отмене постановления [10].

О необходимости выработки рекомендаций по повышению эффективности государственного управления системой бесплатной юридической помощи, с выявлением сильных и слабых сторон системы, определения эффективности взаимодействия государственных учреждений и неправительственных организаций при оказании такой помощи пишут и другие ученые [11, с. 277].

В литературе предлагается усовершенствовать стандарты качества оказания бесплатной юридической помощи за счет отражения таких навыков и умений как интервьюирование, консультирование клиентов, анализ правовых позиций, составление процессуальных документов, соблюдение профессиональной этики [6, с. 444].

Для примера, в округе Дейн, штат Висконсин (США) при рассмотрении дел по семейному праву ни одна из сторон не представлена адвокатом, и юридическую помощь в судебном процессе стороны получают от студентов в Клинике семейного суда Юридической школы Университета Висконсина [14], а в Калифорнии юридическую помощь истцам оказывают не только адвокаты, что по мнению большинства судей расширяет доступ к правосудию [12].

Базируясь на указанных положениях, можно утверждать, что расширение перечня лиц, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи и совершенствование правил ее предоставления позволит повысить уровень социальной защищенности граждан, сформировать дополнительные механизмы обеспечения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и законных интересов.

Список использованной литературы:

1. Анохин Ю.В., Красилова Е.В. К вопросу о правозащитных полномочиях Президента Российской Федерации. *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2021;(3):171–176. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2021_3_171
2. Арстанова А. Минюст разработал комплексные изменения в Закон об адвокатуре. *Адвокатская газета*. 2021. 3 декабря.
3. В Совете Федерации обсудили статус правозащитной деятельности в России. *Адвокатская газета*. 2018. 3 декабря.
4. Глущенко П.П., Цмай В.В. Конституционные основы оказания юридической помощи и правовые механизмы её реализации. *Ученые записки СПб филиала РТА*. 2015;(4):134–151.

References:

1. Anokhin Yu V., Krasilova E.V. [On the issue of human rights powers of the President of the Russian Federation]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(3):171–176. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2021_3_171 (In Russ.)]
2. Arstanova A. [The Ministry of Justice has developed comprehensive amendments to the Law on Advocacy]. *Advocate Newspaper*. 2021. December 3. (In Russ.)]
3. [The Federation Council discussed the status of human rights activities in Russia]. *Advocate Newspaper*. 2018. December 3. (In Russ.)]
4. Glushchenko P.P., Tsmay V.V. [Constitutional foundations of legal aid and legal mechanisms of its implementation]. *Uchenye zapiski SPb filiala RTA = Scientific notes of the SPb branch of the MOUTH*. 2015;(4):134–151. (In Russ.)]

¹ Заключение Общественной палаты РФ от 31 августа 2021 г. по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 1061502-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (о расширении перечня лиц, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи)» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год. *Российская газета*. 2021. 1 апреля.
6. Кулькова К.К., Шумов П.В. Проблемы оказания бесплатной юридической помощи. *Бюллетень науки и практики*. 2019;5(6):444–448.
7. Морщакова Т.Г. Конституционные основы организации и реформирования системы квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2015;(5):58–72.
8. Самтынова Е. Разработан проект Процессуального КоАП РФ [сайт]. Портал Гарант.Ру; 2020. Доступно: <https://www.garant.ru/news/1325207/>
9. Семенцов В.А. О возможности участия адвоката в гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятиях. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2018;(3):24–28.
10. Шестакова М. Проект процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях. Как изменится процесс на практике? *ЭЖ-Юрист*. 2020;(08).
11. Aleksandrov A.Y., Barabanova S.V., Vereshchak S.B., Ivanova O.A., Aleksandrova Z.A. Legal basis of free legal aid state system administration in the Russian federation. *Journal of Sustainable Development*. 2015;8(3):277–284. <https://doi.org/10.5539/jsd.v8n3p277>
12. Ebbinghouse C. The people's law: Free legal help and legal research on the web. *Searcher: Magazine for Database Professionals*. 2006;14(4):38–44. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-33646044720&partnerID=40&md5=a9962dd81c039c6a4a0c11d4f7c1480>
13. Kazun A. Institutional Determinants for Representation of Indigent Defendants: Evidence from Russia. *Review of Central and East European Law*. 2021;46(2):265–295. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85108212346&doi=10.1163%2f15730352-bja10035&partnerID=40&md5=>
14. Mansfield M.M. Litigants without lawyers: Measuring success in family court. *Hastings Law Journal*. 2016;67(5):1389–1425. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85018352879&partnerID=40&md5=914a3edca1eb20486862cdbfd99ad34>
15. Charitonos K., Rodriguez C.A., Witthaus G., Bossu C. Advancing social justice for asylum seekers and refugees in the UK: An open education approach to strengthening capacity through refugee action's frontline immigration advice project. *Journal of Interactive Media in Education*. 2020;(1). <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85084814718&doi=10.5334%2fjime.563&partnerID=40&md5=183fcb2b2>
5. [Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2020]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2021. April 1. (In Russ.)]
6. Kul'kova K.K., Shumov P.V. [Problems of providing free legal aid]. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and practice*. 2019;5(6):444–448. (In Russ.)]
7. Morshchakova T.G. [Constitutional foundations of the organization and reform of the system of qualified legal aid in the Russian Federation]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional review*. 2015;(5):58–72. (In Russ.)]
8. Samtynova E. [The draft Procedural Code of the Russian Federation has been developed] [website]. Garant portal.Roo; 2020. Available: <https://www.garant.ru/news/1325207/> (In Russ.)]
9. Sementsov V.A. [About the possibility of participation of a lawyer in public and secret operational search activities]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2018;(3):24–28. (In Russ.)]
10. Shestakova M. [Draft Procedural Code of the Russian Federation on Administrative offenses. How will the process change in practice?] *EHZH-Yurist= EJ-Lawyer*. 2020;(08). (In Russ.)]
11. Aleksandrov A.Y., Barabanova S.V., Vereshchak S.B., Ivanova O.A., Aleksandrova Z.A. Legal basis of free legal aid state system administration in the Russian federation. *Journal of Sustainable Development*. 2015;8(3):277–284. <https://doi.org/10.5539/jsd.v8n3p277>
12. Ebbinghouse C. The people's law: Free legal help and legal research on the web. *Searcher: Magazine for Database Professionals*. 2006;14(4):38–44. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-33646044720&partnerID=40&md5=a9962dd81c039c6a4a0c11d4f7c1480>
13. Kazun A. Institutional Determinants for Representation of Indigent Defendants: Evidence from Russia. *Review of Central and East European Law*. 2021;46(2):265–295. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85108212346&doi=10.1163%2f15730352-bja10035&partnerID=40&md5=>
14. Mansfield M.M. Litigants without lawyers: Measuring success in family court. *Hastings Law Journal*. 2016;67(5):1389–1425. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85018352879&partnerID=40&md5=914a3edca1eb20486862cdbfd99ad34>
15. Charitonos K., Rodriguez C.A., Witthaus G., Bossu C. Advancing social justice for asylum seekers and refugees in the UK: An open education approach to strengthening capacity through refugee action's frontline immigration advice project. *Journal of Interactive Media in Education*. 2020;(1). <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85084814718&doi=10.5334%2fjime.563&partnerID=40&md5=183fcb2b2>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенцов Владимир Александрович
доктор юридических наук, профессор, профессор

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Sementsov
Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department

кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1127-5603>
Author ID: 57194869679

of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State
University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1127-5603>
Author ID: 57194869679

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО;
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

**CIVIL LAW;
BUSINESS LAW;
FAMILY LAW;
PRIVATE INTERNATIONAL LAW**

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-16-28>

ПРАВОВОЙ СТАТУС КРЕДИТОРА, ТРЕБОВАНИЯ КОТОРОГО ОБЕСПЕЧЕНЫ ЗАЛОГОМ ИМУЩЕСТВА В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ ДОЛЖНИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ)

А.И. Босых, Ф.В. Короткий, И.Ю. Курин*, К.Р. Симонян
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Босых А.И., Короткий Ф.В., Курин И.Ю., Симонян К.Р. Правовой статус кредитора, требования которого обеспечены залогом имущества в делах о банкротстве должника (по материалам практики Верховного Суда РФ). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(4):16–28. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-16-28>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Курин Игорь Юрьевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (918) 408-34-34
E-mail: Loveboks@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 15.10.2021

Статья принята к печати: 15.11.2021

Дата публикации: 29.12.2021

Аннотация: Стабильность экономики страны в целом и гражданского имущественного оборота в частности зависит, в том числе, от экономической состоятельности каждого его участника. Нередко случаются ситуации, при которых экономическая стабильность участников гражданского оборота снижается и им, равно как и их контрагентам необходима соответствующая защита. Институт банкротства призван обеспечить баланс интересов участников гражданского оборота, имеющих финансовые сложности, и их контрагентов – кредиторов. Такой баланс может достигаться как путем установления законодателем императивным норм и правил, требующих неукоснительного соблюдения, так и предоставления участникам определенной свободы при реализации ими своей правосубъектности в рамках процедуры банкротства. Статья посвящена проблемным вопросам правоприменительной практики Верховного суда РФ, посвященным институту залога как наиболее востребованного способа обеспечения исполнения обязательств. Авторами исследуется изменившийся вектор правоприменительной практики арбитражных судов судебной системы России к институту залога без изменения действующего законодательного регулирования исследуемых правоотношений. Авторами проанализирован и критически оценен новый подход Верховного Суда РФ к вопросам института залога в делах о банкротстве.

Целью исследования является анализ материалы судебной практики Верховного суда Российской Федерации с выявлением новых подходов к залогом как способу обеспечения исполнения обязательств и возможных последствий соответствующих выводов высшей судебной инстанции для всего института банкротства в целом.

Методы. При подготовке настоящего исследования авторами были использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, в том числе: анализ, сравнительно-правовой и формально-догматический методы.

Ключевые слова: залог, обеспечение исполнения обязательств, баланс интересов, кредитор, должник, налоговый орган, распределение расходов, очередность удовлетворения требований.

THE LEGAL STATUS OF A CREDITOR WHOSE CLAIMS ARE SECURED BY A PLEDGE OF PROPERTY IN CASES OF BANKRUPTCY OF THE DEBTOR BASED (ON THE MATERIALS OF THE PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Andrey I. Bosykh, Philipp V. Korotkiy, Igor Yu. Kurin*, Kristina R. Simonyan
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Bosykh A.I., Korotkiy Ph.V., Kurin I.Yu., Simonyan K.R. The legal status of a creditor whose claims are secured by a pledge of property in cases of bankruptcy of the debtor based (on the materials of the practice of the Supreme court of the Russian Federation). *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(4):16–28. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-16-28>

CONTACT INFORMATION:

Igor Yu. Kurin*, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 408-34-34

E-mail: Loveboks@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 15.10.2021

The article has been accepted for publication: 15.11.2021

Date of publication: 29.12.2021

Annotation: The stability of the country's economy in general and civil property turnover in particular depends, among other things, on the economic viability of each of its participants. There are often situations in which the economic stability of participants in civil turnover decreases and they, as well as their counterparties, need appropriate protection. The Institute of bankruptcy is designed to ensure a balance of interests of civil turnover participants with financial difficulties and their counterparties – creditors. Such a balance can be achieved both by establishing mandatory norms and rules by the legislator that require strict compliance, and by providing participants with a certain freedom when they exercise their legal personality within the framework of the bankruptcy procedure. The article is devoted to problematic issues of law enforcement practice of the Supreme Court of the Russian Federation, dedicated to the institution of collateral as the most popular way to ensure the fulfillment of obligations. The authors study the changed vector of law enforcement practice of arbitration courts of the judicial system of Russia to the institution of collateral without changing the current legislative regulation of the legal relations under study. The authors analyzed and critically evaluated the new approach of the Supreme Court of the Russian Federation to the issues of the institution of collateral in bankruptcy cases.

The purpose of the study is to analyze the materials of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation with the identification of new approaches to collateral as a way to ensure the fulfillment of obligations and the possible consequences of the relevant conclusions of the supreme court for the entire institution of bankruptcy as a whole.

Methods. In preparing this study, the authors used general scientific and private scientific methods of cognition, including: analysis, comparative legal and formal dogmatic methods.

Keywords: pledge, enforcement of obligations, balance of interests, creditor, debtor, tax authority, distribution of expenses, ranking of the claims.

Введение

Институт несостоятельности (банкротства) призван регулировать правоотношения, возникающие при неплатежеспособности одного лица – должника, и его кредиторами, о порядке их взаимодействия в целях восстановления платежеспособности и исполнения должником принятых на себя обязательств.

Процедура банкротства представляет собой сложный многоуровневый механизм, сосредоточивший в себе различные правовые институты и нормы; вовлекающий в себя огромное количество субъектов, обладающих эгоистичными интересами [10].

В связи со значительным количеством дел о банкротстве, рассматриваемых арбитражными судами, как в отношении юридических лиц, так и граждан, массив правоприменительной практики в данной сфере является внушительным. Так, количество граждан, включая индивидуальных предпринимателей, признанных банкротами только в январе-сентябре 2021 года, составило 137 485 человек. Всего за период существования процедуры потребительского банкротства, с октября 2015 года по 30 сентября 2021 года несостоятельными стали уже 419 765 граждан¹.

Количество корпоративных банкротств за аналогичный период 2021 года составило 7 409, а всего за период 2015-2021 годы 81 992 юридических лиц признаны банкротом².

В связи с этим, участниками гражданских правоотношений в данной сфере крайне востребовано полное и сбалансированное нормативно-правовое регулирование института банкротства. При этом институт несостоятельности (банкротства) необходим не только для защиты финансовых интересов участников гражданского оборота, но и выполняет более глобальную цель – оздоровление экономики России.

Одной из особенностей, свойственных процедурам банкротства является конкуренция или даже конфликт интересов его участников. С одной стороны, его участником является должник и контролирующие его лица, с другой – его кредиторы, в числе которых зачастую представлены публично-правовые образования. Полное удовлетворение требований всех кредиторов должника при его банкротстве является исключительно редким явлением, если не сказать невозможным. Более же распространенной является ситуация с низким показателем погашения требований кредиторов.

Так, средний процент погашения требований кредиторов в процедурах банкротства юридических лиц за 2019 год составил всего 5,2 %, в 2020 году – 5,2 %. Еще более низкие показатели в процедурах банкротства граждан: 2019 год – 4,5 %, 2020 год – 3,8 %³.

Таким образом, всегда остается как минимум одна сторона (как правило, это конкурсные кредиторы и уполномоченный орган), интересы которой не соблюдены, а права не восстановлены в полной мере. Конкурсные кредиторы при рассмотрении судами дел о банкротстве обладают рядом правовых возможностей, которые составляют основу их правового статуса. Положение кредиторов в процессе банкротства сводится к возможности получения наиболее полного удовлетворения своих требований.

Методы исследования

При проведении исследования был осуществлен анализ имеющихся в науке и судебной практике арбитражных судов подходов к институту залога, а также к приоритету удовлетворения требований залоговых кредиторов и налогового органа. Сравнительно-правовой метод позволил проследить не только изменившийся вектор правоприменительной практики, но и выявить вектор ее дальнейшего развития. Использование формально-догматического метода сделало возможным изучение действующего правового регулирования института залога и пределы его реализации при рассмотрении судами дел о банкротстве.

¹ Банкротства в России: итоги 9 мес. 2021 года, статистический релиз Федресурса [сайт]. Федресурс; 2021 [обновлено 06 октября 2021; процитировано 10 октября 2021]. Доступно: <https://fedresurs.ru/news/a0f63046-bc8e-4f8b-9ac5-1c970748d291?attempt=1>

² Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 года [сайт]. Федресурс; 2021 [обновлено 25 января 2021; процитировано 10 октября 2021]. Доступно: <https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc>

³ Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 года [сайт]. Федресурс; 2021 [обновлено 25 января 2021; процитировано 12 октября 2021]. Доступно: <https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc>

Результаты исследования

В результате проведенного исследования, связанного с последовательным принятием судебной коллегией по экономическим спорам Верховного суда РФ определений, посвященных вопросу очередности погашения требований по текущим налоговым обязательствам, были сформулированы некоторые важные, на наш взгляд, выводы:

1. При неизменности нормативно-правового регулирования института залога, его содержание и роль изменились посредством судебного правотворчества Верховного суда РФ. Оценка эти изменений может разниться, но нам представляется, что положительными такие изменения охарактеризовать сложно.

2. Верховный суд РФ сместил баланс частного и публичного интереса в пользу последнего. Мотивировка, содержащаяся в рассмотренных определениях суда, о необходимости, с помощью такого регулирования, соблюдения интересов всех кредиторов через сохранение конкурсной массы, сформированной от реализации иного, не залогового, имущества, де факто единственным выигравшим в данном случае лицом является налоговый орган, т.е. государство.

3. Расширительное толкование п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве представляется явно противоречащим концепции законодателя. Распространение Верховным судом РФ его применение в ситуациях уплаты НДС за сдачу имущества в аренду, ведет к игнорированию вопроса о различной правовой сущности расходов на обеспечение сохранности предмета залога и налоговых платежей.

Полагаем, что налоговый орган, как кредитор, априори не должен получить какого-либо преимущества перед залоговыми кредиторами: законодательное обеспечение интересов казны разных уровней осуществляется предоставлением налоговым органам новых механизмов для пополнения бюджета, что далеко не всегда видится справедливым по отношению к иным участникам гражданского оборота.

4. Сложившаяся за длительное время судебная практика, отрицающая приоритет налогового органа в части погашения налоговых обязательств над преимущественным правом залогового кредитора на получение денежных средств от реализации предмета залога, теперь в прошлом. Изменения судебной практики в данном вопросе уже произошло, и арбитражные суды будут руководствоваться новым подходом, продиктованным высшей судебной инстанцией.

5. Не продуманы все правовые последствия применения расширительного толкования п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве. Остается подвешенным вопрос оценки действий арбитражных управляющих в делах о банкротстве, в которых расчеты с кредиторами осуществлялись до вынесения хотя бы определения Верховного суда РФ от 08.04.2021 г. Изменения в нормы закона не вносились, соответственно сам закон остался неизменным, правило об обратной силе в данном случае неприменимо.

Фактически, Верховным судом РФ заложена бомба замедленного действия, которая при должной воле со стороны налогового органа может привести к оспариванию всех расчетов с кредиторами во всех процедурах банкротства (в пределах трехлетнего срока исковой давности), где реализовывался предмет залога. Возможные правовые последствия: массовое взыскание убытков с арбитражных управляющих, страховых компаний и саморегулируемых организаций, коллапс системы саморегулирования арбитражного управления; опять же поголовное привлечение арбитражных управляющих к административной ответственности, и, как следствие, неминуемое кратное увеличение количества их дисквалификаций.

6. Возможность дальнейшего формирования судебной практики о взыскании с кредиторов, воспользовавшимся механизмом оставления предмета залога за собой (п. 4.3 ст. 138 Закона о банкротстве), сумм текущих налоговых обязательств, неразрывно связанных с предметом залога. Основная доля таких кредиторов приходится на банки, что повлечет дополнительную нагрузку на банковскую систему.

7. Принятие нового порядка распределения расходов при проведении процедур банкротства на содержание предмета залога, с учетом текущих налоговых обязательств должника, неразрывно связанных с объектом залогового правоотношения, вступает в диссонанс с нормативно-правовым регулированием порядка обращения взыскания на предмет залога вне процедур банкротства, в которых отсутствует механизм принудительного изъятия части стоимости имущества при его реализации.

8. Границы применения норм п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве становятся размытыми, поскольку применение системного и телеологического толкования к данным нормам может повлечь дальнейшее расширение перечня расходов, не ограничиваясь только налоговыми обязательствами.

Научная дискуссия

Обеспеченность залогом требований кредиторов при банкротстве должника существенно повышает вероятность их удовлетворения по сравнению с кредиторскими требованиями, не имеющими такого обеспечения. Равным образом любой залоговый кредитор в целях полноты удовлетворения своих требований заинтересован в исключении залогового статуса у требования любого иного кредитора, конкурирующего с ним за конкурсную массу должника, которой, как правило, недостаточно для полного погашения требований кредиторов [9, с. 5–18].

По сути, в научной литературе широко распространена точка зрения, согласно которой истинная сущность и «обеспечительная сила» залога в полном объеме реализуется исключительно благодаря особому приоритету в делах о банкротстве [3, с. 1; 8; 13, с. 1143]. По мнению зарубежных исследователей института залога, последнему свойственны две функции – приоритет и контроль [12, с. 1–2; 14, с. 901–977; 16, с. 795–862].

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) под конкурсными кредиторами понимают кредиторов должника по денежным обязательствам, за исключением уполномоченных органов, граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, морального вреда, имеет обязательства по выплате вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности, а также учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия¹.

Вышеуказанная дефиниция неизбежно указывает, что текущее понятие конкурсных кредиторов в значительной степени отличается от традиционного. Это различие, прежде всего, связано с тем, что действующее законодательство, по сути, не признает в качестве конкурсных кредиторов должников, права требования которых вытекают из трудовых, налоговых и иных правоотношений.

Множественность лиц на стороне кредиторов зачастую приводит к возникновению проблемы конкуренции предъявляемых к несостоятельному должнику требований, которая выражается в стремлении получения преимущества при удовлетворении своих требований [13, с. 1143–1182]. В данном случае, преимущество находится на стороне конкурсных кредиторов, права требования которых обеспечены залогом имущества должника. Особенности правового положения кредиторов, требования которых обеспечены залогом имущества должника, закреплены в статье 18.1 Закона о банкротстве.

Нормативно-правовое регулирование правового положения кредитора, права требования которого обеспечены залогом имущества должника, осуществляется, в том числе, параграфом 3 главы 23 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). В соответствии с нормами ст. 334 ГК РФ закреплено право кредитора по обеспеченному залогом обязательству, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя).

Специальное нормативно-правовое регулирование вышеуказанной ситуации обеспечено нормами Закона о банкротстве. Так, последний наделяет кредитора правом самостоятельно определять порядок реализации предмета залога и его начальную стоимость (п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве), а также закрепляет право оставления предмета залога в счет погашения требований такого кредитора (п. 4.2 ст. 138 Закона о банкротстве).

В соответствии с нормами ст. 18.1 Закона о банкротстве, при продаже заложенного имущества требования конкурсного кредитора по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника, подлежат удовлетворению за счет средств, вырученных от продажи заложенного имущества. Согласно алгоритму, приведенному в п. 1 ст. 138 Закона о банкротстве, кредитор, получает удовлетворение от 70 до 95 процентов от стоимости реализации обремененного залогом имущества.

Не удовлетворенные за счет стоимости предмета залога требования конкурсного кредитора по обязательствам, которые были обеспечены залогом имущества должника, удовлетворяются в составе требований кредиторов третьей очереди. На практике такое преимущество выражается в более полном, относительно общего уровня, погашения требований кредиторов. Так, в 2019 году погашено 29,5% от общего объема требований кредиторов, в 2020 году – 21,6 %.

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Важно отметить, что расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах покрываются за счет средств, поступивших от реализации предмета залога, до распределения этих средств и направления на погашение требований кредиторов, права которых обеспечены залогом реализованного имущества (п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве).

Перекладывание данных расходов на незалоговых кредиторов (на заявителя по делу о банкротстве) не согласуется с целями законодательного регулирования отношений несостоятельности [8, с. 57–67].

Указанная весьма обоснованная норма появилась в 2014 г.¹ и позволила законодателю обеспечить баланс интересов всех кредиторов в деле о банкротстве, фактически отнеся затраты на обеспечение сохранности и реализацию предмета залога на кредитора, обладающего правом залога на данное имущество [7, с. 114–139].

До появления указанного пункта подобные расходы относились к текущим платежам должника и удовлетворялись за счет 5 или 10 процентов от денежных средств, вырученных после продажи предмета залога. В силу абз. 2 п. 15 постановления Пленума ВАС РФ от 06.12.2013 г. № 88 «О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве»² к этой категории текущих платежей относятся также расходы, связанные с продажей заложенного имущества (оплата издержек и вознаграждения организатора торгов и т.п.).

Однако нормы п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве оказались недостаточными. По-прежнему возникает значительное количество проблемных ситуаций, касающихся должника-залогодателя при его банкротстве. Как следствие, оказываются в недостаточной степени защищенными интересы кредитора по обязательству, обеспеченному залогом имущества несостоятельного должника.

В итоге нормативно-правовое регулирование механизма определения объема денежных средств, подлежащих погашению кредитору, права которого обеспечены залоговым имуществом, оказалось недостаточным. В частности, актуальными и все более значимыми стали вопросы соотношения баланса интересов между кредиторами, обладающими правами залога на имущество должника, и государства в лице федеральной налоговой службы в части налоговых обязательств, связанных с владением, пользованием и реализацией предмета залога.

Нормы п. 6 ст. 138 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», с одной стороны, не содержат указания на необходимость изъятия и уплаты в бюджет сумм налогов, как связанных с владением (налог на имущество, земельный налог, транспортный налог), пользованием (налог на прибыль, налоги и взносы, связанные с начислением и выплатой заработной платы), так с распоряжением данным имуществом (например, налог на прибыль). Таким образом, основания для изъятия сумм перечисленных налогов из общей суммы реализации предмета залога, а, следовательно, изъятия их у залогового кредитора, отсутствовали. Денежные средства направлялись на погашение требований залоговых кредиторов.

С другой стороны, наблюдалась все более активная позиция ФНС России в делах о банкротстве в части необходимости приоритетного погашения всех текущих налоговых обязательств, возникших в деле о несостоятельности (банкротстве) до начала расчетов с кредиторами, права которых обеспечены залогом.

Логическим обоснованием требований налогового органа при этом является неразрывная связь предмета залога с суммами возникших налоговых обязательств и недопустимости получения залоговыми кредиторами необоснованного преимущества в виде игнорирования соответствующих обязательств перед бюджетом. Длительное время судебная практика по данному вопросу складывалась не пользу налогового органа.

В целом, проблема налогообложения предмета залога не является новой. Первоначально много споров вызывал вопрос о том, за чей счет должен погашаться НДС при продаже заложенного имущества. Высший Арбитражный суд РФ встал на сторону залогодержателей. Так, в Постановлении Пленума ВАС № 11 «Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом»³ прямо указывалось, что НДС в связи с реализацией предмета

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 06 декабря 2013 г. № 88 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³ Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом: Постановление Пленума ВАС РФ от 25 января 2013 г. № 11 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

залога учитывается в четвертой (в настоящее время пятой) очереди текущих платежей. То есть требование налогового органа об уплате погашается позднее, чем требование залогодержателя, и, следовательно, погашается за счет оставшейся конкурсной массы.

Затраты, например, на охрану предмета залога компенсируются только из денежных средств, вырученных от реализации этого предмета залога, при этом направление денежных средств, вырученных от продажи имущества должника, находящегося в залоге у одного кредитора, на компенсацию затрат на охрану иного имущества должника, находящегося в залоге у других кредиторов и нереализованного, противоречит указанному принципу [1, с. 17–30].

Данный подход в литературе подвергался критике. Так, Суворов Е.Д. указывает, что уплата НДС, равно как и иных налогов, связанных с предметом залога, должна быть отнесена к издержкам, связанным с предметом залога и его реализацией. Представляется, что издержки должны покрываться за счет стоимости залога, а не относиться на третьих лиц [11, с. 16–24].

Зарубежные правовые порядки, например, параграфы 170-171 Положения ФРГ о несостоятельности, исходят из того, что НДС от продажи движимой вещи, обремененной залогом, платится за счет такого залогового кредитора [15, с. 340].

В дальнейшем законодатель решил изменить этот подход: от обложения НДС была освобождена реализация предмета залога, путем изменения в 2015 году статьи 146 НК РФ. Несмотря на то, что правовая позиция Высшего Арбитражного суда РФ не применяется на практике, ее сущностное обоснование не утратило своей актуальности: урегулирование очередности требований кредиторов должника направлено, в том числе, на создание возможности защиты от банкротства путем установления залога и развитие тем самым кредитных отношений.

С введением п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве на других кредиторов более не возложена обязанность оплаты за реализацию предмета залога и за его охрану – это признано исключительным интересом залогодержателя. Однако вышеуказанное законодательное решение применялось лишь к ограниченному перечню случаев – платы за сохранность имущества и платы за торги.

Полагая, что указанный недостаток длительное время представлял собой вакуум в правоприменительной практике, высший судебный орган активно принялся за толкование имеющихся правовых норм. Так, судебной коллегией по экономическим спорам Верховного суда РФ последовательно были вынесены определения № 305-ЭС20-10152 от 19.10.2020 г.¹, № 305-ЭС20-10152 от 08.04.2021 г.², № 308-ЭС18-21050 (41) от 08.07.2021 г.³, которые посвящены разрешению споров между налоговым органом, с одной стороны, и кредиторами, чьи права обеспечены залоговым имуществом с другой.

Указанные определения во многом неожиданно сформировали диаметрально противоположную позицию высшей судебной инстанции по отношению к уже сложившемуся ранее подходу.

Хронологически первое определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 19.10.2020 г. посвящено разрешению спора об обязанности должника-банкрота платить до начала расчетов с залоговым кредитором налог на добавленную стоимость, образовавшийся вследствие передачи предмета залога третьему лицу по договору аренды. Непосредственным предметом спора являлся спор между конкурсным управляющим и банком, в котором был открыт специальный расчетный счет должника, предусмотренный п. 3 ст. 138 Закона о банкротстве. Однако в контексте данного исследования нас интересует именно позиция суда о порядке уплаты налога, непосредственно связанного с распоряжением предметом залога.

Первоначально банком было отказано в осуществлении расчетных операций в пользу бюджета, ввиду несоответствия платежных документов особому режиму счета. Позиция банка была поддержана судами трех инстанций. Отказывая в удовлетворении иска, суды исходили из того, что расходы, связанные с уплатой НДС, не отвечают признакам затрат, упомянутых в п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве. Уплата обязательных платежей из средств, размещенных на залоговом счете,

¹ Картотека арбитражных дел. Дело № А40-46117/2019 [сайт]. Электронное правосудие; 2021 [процитировано 10 октября 2021]. Доступно: <https://kad.arbitr.ru/Card/fb5ed9e2-8995-4d6b-a024-254d413d9eae>

² Картотека арбитражных дел. Дело № А40-48943/2015 [сайт]. Электронное правосудие; 2021 [процитировано 10 октября 2021]. Доступно: <https://kad.arbitr.ru/Card/bc0af0f2-17fe-4fdd-b968-060b124fcb2d>

³ Картотека арбитражных дел. Дело № А53-32531/2016 [сайт]. Электронное правосудие; 2021 [процитировано 10 октября 2021]. Доступно: <https://kad.arbitr.ru/Card/2ec0e57b-2ffe-4a7b-b0e0-0c27a9b5383e>

противоречит установленной законодательством о банкротстве очередности удовлетворения требований кредиторов, нарушает права залогового кредитора.

Вынося определение от 19.10.2020г., Верховный суд РФ отменил судебные акты, применив нормы п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, которые регламентируют правило о приоритетном погашении издержек. Расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах покрываются за счет выручки от реализации предмета залога до распределения конкурсным управляющим этой выручки в порядке, предусмотренном п.п.1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве, то есть до начала расчетов с залоговым кредитором.

По мнению суда, данное правило подлежит применению и тогда, когда в силу п. 2 ст. 334 ГК РФ залогодержатель обращает свои требования не к самой заложенной вещи, но к доходам от ее использования по договору аренды. При ином толковании положений п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве текущие расходы, возникающие в связи с передачей в аренду заложенного имущества, будут относиться на все гражданско-правовое сообщество кредиторов (удовлетворяться за счет продажи незаложенного имущества, уменьшая тем самым общую конкурсную массу), а выручка от той же аренды – направляться только одному члену названного сообщества – залоговому кредитору, создавая явный дисбаланс в объеме прав залогодержателя и остальных кредиторов.

Второе определение судебной коллегии по экономическим спорам от 08.04.2021 г., на наш взгляд, в значительной степени развивает подход Верховного суда РФ к толкованию п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, что повлечет в дальнейшем существенные изменения не просто в судебной практике об очередности погашения требований кредиторов, но и коренным образом повлияет на развитие института залога в российском правопорядке.

По содержанию спора, между конкурсным управляющим должника и налоговым органом возник спор относительно распределения денежной массы, вырученной при реализации залогового имущества, т.е. о порядке применения норм п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве.

Конкурсный управляющий, основываясь на п.п. 2 и 6 ст. 138 Закона о банкротстве, настаивал на следующей последовательности распределения вырученной суммы. В первую очередь, из вырученной суммы погашаются расходы на проведение торгов по реализации залогового имущества должника (без учёта налога на имущество и земельного налога). Далее, из оставшихся денежных средств 95 процентов направляется на удовлетворение требований залогового кредитора. И только после этого погашаются судебные расходы по делу о банкротстве.

Доводы налогового органа сводились к тому, что в первую очередь, в соответствии с п. 6. ст. 138 Закона о банкротстве должны быть погашены текущие налоговые платежи, связанные с имуществом, обремененным залогом. В данном случае это земельный налог и налог на имущество.

Три судебные инстанции поддерживали правовую позицию конкурсного управляющего, т.е. применили нормы п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве руководствуясь его буквальным толкованием. При разрешении спора, они исходили из того, что реестровое требование залогового кредитора приоритетно при погашении относительно требований об уплате текущих налоговых обязательств; денежные средства, вырученные от реализации залогового имущества, не представляют собой самостоятельную налогооблагаемую базу и, как следствие, не могут быть распределены в составе расходов на проведение торгов. Иной подход, по мнению судов, нарушил бы право приоритетного удовлетворения требований залогового кредитора.

Не отрицая наличие преимущества залогового кредитора, Верховный суд РФ применил расширительное толкование п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, фактически сформировав новый подход к определению перечня издержек, подлежащих изъятию из стоимости реализации предмета залога до начала расчетов с залоговым кредитором.

Расходами, связанными с обеспечением сохранности и реализацией залогового имущества, исходя из системного и телеологического¹ толкования норм права, суд посчитал «всяческие издержки, связанные с этим имуществом», в том числе и обязательства должника по уплате имущественных налогов, начисленных на залоговое имущество за период нахождения должника в банкротных процедурах.

Таким образом, по мнению суда, при крайне ограниченных возможностях должника-банкрота по удовлетворению всех предъявленных к нему денежных требований в большей степени реализуется соблюдение баланса интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве должника, и

¹ Телеологическое толкование – способ толкования, суть которого состоит в выяснении целевой направленности нормы права. Цель нормы объединяет содержание нормы единой направленностью на достижение определенного результата.

принцип соразмерного удовлетворения требований кредиторов при соблюдении прав залогового кредитора.

Прежде чем переходить к анализу правовых последствий телеологического толкования судом норм закона о банкротстве, и его влияния на залог как основной способ обеспечения исполнения обязательств в российском правопорядке, а вместе с тем и грядущие изменения в правоприменительной практике, полагаем необходимым проанализировать заключительное на данный момент определение судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 08.07.2021 г. № 308-ЭС18-21050 (41), посвященное данному вопросу.

Данный судебный акт последовательно развивает уже примененный расширительный подход к толкованию норм п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, распространив его на налоговые обязательства, возникшие в результате эксплуатации предмета залога при осуществлении хозяйственной деятельности должника в ходе процедур банкротства.

Таким образом, судебной практикой Верховного суда РФ за непродолжительный срок был сформирован иной правовой подход к определению порядка соблюдения баланса интересов кредиторов, требования которых обеспечены залогом имущества должника, иных кредиторов и государства в лице налогового органа. Де факто полностью изменен порядок распределения денежных средств от реализации предмета залога, что в значительной степени отразилось на правах кредиторов, которые обеспечены залогом имущества должника.

Однако появление новых механизмов, происходящих из определений судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ по конкретным делам, привело и к появлению новых спорных правовых ситуаций, в настоящее время не разрешенных ни на законодательном уровне, ни правоприменителем, ни доктриной.

Сложно оценить весь массив правовых (и не только, поскольку экономический эффект подобных разъяснений является весьма существенным) последствий подобного судебного «правотворчества», и смены направления судебной практики в данном вопросе. Однако возникает целый ряд правовых проблем, которые, по нашему мнению, уже сейчас требуют скорейшего разрешения.

С момента своего появления, залог всегда выступал как наиболее ценный и эффективный способ обеспечения исполнения обязательств [4, с. 26–37; 2, с. 10–44; 6; 5]. Исследуемая судебная практика позволила прийти к неизбежному выводу о снижении ценности института залога как способа обеспечения исполнения обязательств. Залог имущества должника в некоторой степени утратил свою эффективность, повышая риски кредитора, т.к. рост потенциальных издержек при банкротстве снижает (иногда весьма значительно) возможность погашения требований кредитора. Как следствие, это приведет к росту стоимости и цены кредитования. Едва ли это развивает экономику, банковский сектор в целом и кредитование в частности. Таким образом, те цели, а также правовой и экономический эффект, о которых указывал еще Высший Арбитражный суд РФ, становятся нереализуемыми.

Далее, непосредственный правоприменитель, т.е. арбитражные суды, рассматривающие дела о банкротстве, будут поставлены в непростое положение, пытаясь совместить новый подход Верховного суда РФ к вопросу о порядке распределения денежных средств от реализации предмета залога с уже существующей судебной практикой и делами о банкротстве, в которых расчеты с кредиторами осуществлялись до «смены курса».

Нормы п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве не изменились, и вряд ли законодатель будет менять его существующую редакцию. Таким образом, закон остался неизменным, а определения судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ по конкретным делам раскрывают какой именно смысл в данные нормы, по мнению суда, вложил законодатель, и каким образом указанные нормы подлежат применению.

Следовательно, с момента появления норм п. 6 ст. 138 в Законе о банкротстве в 2014 году, механизм распределения денежных средств от реализации предмета залога оставался неизменным, но предполагал преимущественное удовлетворение требований налогового органа в части налоговых обязательств, связанных с этим имуществом, и возникшие в период после возбуждения дела о банкротстве должника. Основания для различного применения норм п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве в зависимости от даты вынесения рассмотренных выше определений, объективно отсутствуют.

Вместе с тем, процедуры банкротства, в которых имущество должника обременено залогом в пользу кредитора или кредиторов, являются распространенными, их количество весьма значительно. На момент формирования Верховным судом РФ «новаторского подхода» к пониманию механизма распределения денежных средств от реализации предмета залога, во многих процедурах банкротства

денежные средства уже были распределены полностью или частично, а сами процедуры банкротства или завершены, или в силу разных обстоятельств еще длятся.

Необходимо оценить, какие правовые последствия должны наступить для кредиторов и арбитражных управляющих, в процедурах банкротства, в которых распределение денежных средств осуществлялось без учета текущих налоговых обязательств в виде имущественных налогов и налогов, связанных с владением и использованием предмета залога.

Полагаем, что новая судебная практика открывает для налогового органа ничем не ограниченную возможность заявлять о нарушении арбитражными управляющими закона в части соблюдения очередности погашения требований кредиторов при распределении денежных средств от реализации предмета залога, если такое погашение осуществлялось без учета приоритетного погашения налоговых обязательств. Под этот критерий попадают все без исключения процедуры банкротства, в которых фигурирует залог имущества должника, начиная с 2014 года.

Нарушение очередности погашения требований кредиторов является, по сути, нарушением арбитражным управляющим норм ст. 134 Закона о банкротстве, что приводит к возникновению на стороне кредитора (в нашем случае налогового органа) убытков. Убытки, причиненные арбитражным управляющим в деле о банкротстве, являются мерой его гражданско-правовой ответственности и подлежат возмещению в порядке норм ст. 20.4 Закона о банкротстве, т.е. за счет страхования ответственности арбитражного управляющего, его личного имущества, а также средств компенсационного фонда саморегулируемой организации, членом которой он является.

Срок исковой давности по требованиям о взыскании убытков в данном случае является общим, то есть составляет три года. Сказанное приводит нас к выводу о том, что государство в лице налогового органа обладает возможностью обращения с заявлением о взыскании убытков по всем делам о несостоятельности (банкротстве) осуществляемым или уже завершенным, в которых расчеты с кредиторами за счет реализации предмета залога завершены в пределах трех лет.

Последствия такого развития событий – повсеместное взыскание убытков с арбитражных управляющих, которое приведет к неминуемому коллапсу системы антикризисного управления, банкротству страховых компаний, которыми застрахована гражданская ответственность арбитражных управляющих, без преувеличения, краху механизма саморегулирования арбитражного управления вследствие истощения компенсационных фондов саморегулируемых организаций арбитражных управляющих.

Вряд ли подобное развитие событий отражает цели государства в области регулирования института банкротства, и надеемся, что нам не придется наблюдать такой пессимистичный сценарий в действии. Однако мы оцениваем в основном правовые последствия нового «телеологического» толкования п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве.

Как уже было сказано, нарушение очередности погашения требований кредиторов в делах о банкротстве, является нарушением, в частности, норм ст. 134 Закона о банкротстве. Нарушение арбитражным управляющим норм Закона о банкротстве, влечет не только гражданскую, но и административную ответственность в соответствии с нормами КоАП РФ.

В соответствии с нормами ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ неисполнение арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), если такое действие (бездействие) не содержит уголовно наказуемого деяния, влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 3 настоящей статьи, если такое действие не содержит уголовно наказуемого деяния, влечет дисквалификацию должностных лиц на срок от шести месяцев до трех лет (ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ).

Арбитражные управляющие, распределявшие в последние три года денежные средства от реализации предмета залога без учета приоритета налоговых обязательств, подлежащих изъятию из стоимости реализации предмета залога до начала расчетов с залоговым кредитором, могут быть привлечены к административной ответственности. С учетом формального состава п. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, и отсутствия альтернативного наказания в случае повторного (в течение одного года) нарушения, последствием может быть значительное снижение количества арбитражных управляющих в виду их массовой дисквалификации (временный запрет на профессиональную деятельность).

Полагаем, что подобное развитие событий не отражает интересы государства и участников рынка антикризисного управления, но с сугубо правовой точки зрения, такой вариант является вполне реализуемым, следовательно, несет потенциальные риски для всех участников данных правоотношений и системы в целом.

Помимо изложенного, новый подход к механизму распределения денежных средств от реализации предмета залога в ходе процедур банкротства закономерно вызывает вопросы о единстве нормативно-правового регулирования института залога в российском правовом порядке. Данное единство мы видим, прежде всего, в тождестве механизма реализации участниками данных правоотношений своих прав и выполнения обязанностей, независимо от обстоятельств, при которых кредитор обращает взыскание на предмет залога.

Помимо процедур несостоятельности (банкротства), обращение взыскания на предмет залога урегулировано параграфом 3 главы 23 ГК РФ, ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ, ФЗ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ.

В соответствии с нормами ст. 337 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, залог обеспечивает требование в том объеме, какой оно имеет к моменту удовлетворения, в частности проценты, неустойку, возмещение убытков, причиненных просрочкой исполнения, а также возмещение необходимых расходов залогодержателя на содержание предмета залога и связанных с обращением взыскания на предмет залога и его реализацией расходов.

Обращение взыскания на предмет залога урегулировано нормами ст.ст. 350-350.1 ГК РФ, которыми предусмотрен как внесудебный и судебный порядок, а также закреплено право залогодержателя оставить имущество за собой в счет погашения долга. Аналогичные нормы продублированы в ст. 55 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

Статья 4 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» устанавливает, что в случаях, если залогодержатель уже понес расходы на погашение задолженности залогодателя по связанным с этим имуществом налогам, сборам или коммунальным платежам, возмещение залогодержателю таких необходимых расходов обеспечивается за счет заложенного имущества.

Далее единственное упоминание об удержании сумм от реализации предмета ипотеки встречается только в нормах ст. 59 вышеуказанного закона и применяется при реализации предмета залога по соглашению сторон – удержанию подлежит лишь сумма вознаграждения организатора торгов.

При обращении взыскания на предмет залога в судебном порядке, предмет залога подлежит реализации в соответствии с правилами ФЗ «Об исполнительном производстве». Денежные средства от реализации предмета залога направляются для погашения требования кредитора, чьи права обеспечены залогом реализованного имущества, после погашения расходов на проведение торгов (п. 4 ст. 78 Закона «Об исполнительном производстве»).

Как видно, механизм принудительного удержания сумм налогов и сборов из суммы вырученных от его реализации денежных средств, приведенными нормами не предусмотрен.

Нормы Закона о банкротстве не препятствуют залоговому кредитору нести затраты на обеспечение сохранности залогового имущества должника или его реализацию, поскольку это соответствует его материальному интересу. Вместе с тем не допускается возложение на кредитора обязанности по несению расходов по уплате имущественных налогов и сборов, неразрывно связанных с обремененным залоговыми правами имуществом.

Необходимо также выяснить последствия ситуации, при которой размер текущих обязательств перед бюджетом равен или превышает стоимость реализации предмета залога. Следуя анализируемой нами правовой позиции Верховного суда РФ, залогодатель в данном случае не получает погашения своих требований даже в части, что по сути обесценивает сам институт залога.

Закономерен и вопрос, каким образом подлежат реализации нормы о первоочередности текущих налоговых обязательств, если залогодатель воспользовался своим правом на оставление имущества за собой (п. 4.2 ст. 138 Закона о банкротстве). Допустим, стоимость имущества на момент оставления имущества за собой, ниже размера текущих налоговых обязательств. Возникает ли в данном случае у залогового кредитора обязательство уплаты (компенсации в пользу конкурсной массы) текущих налогов, и в каком объеме? А как быть, если кредитор оставил имущество за собой до вынесения Верховным судом РФ определения 08.04.2021 г. и не предполагал несение дополнительных затрат? Реализовывал бы он право на оставление имущества за собой в том случае, если такое действие повлекло бы для него необходимость компенсировать в конкурсную массу денежные средства в размере текущих налоговых обязательств, неразрывно связанных с предметом залога?

Полагаем, что в подобном случае ничто не препятствует налоговому органу взыскивать суммы текущих налогов с таких кредиторов в порядке возмещения конкурсной массе той части стоимости предмета залога, которая должна была обеспечить преимущественное удовлетворение требований налогового органа.

Список использованной литературы:

1. Автонова Е.Д., Карапетов А.Г., Матвиенко С.В., Мороз А.И., Сафонова М.В., Фетисова Е.М. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за октябрь 2020 г. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020;(12).
2. Бевзенко Р.С. Оправданность приоритета, предоставляемого кредитору вещным обеспечением: Очерк догмы, теории и политики права. *Вестник гражданского права*. 2017;(4).
3. Бевзенко Р.С. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в сфере залогового права: Комментарий к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге». М., 2012.
4. Бевзенко Р.С. Понятие и возникновение права залога. *Закон*. 2016;(3).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» / А.В. Барков, А.В. Габов, М.Н. Илюшина и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М., 2016 // СПС «Консультант Плюс».
6. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017.
7. Егоров А.В. Конкурсное производство: комментарий ключевых моментов. *Вестник гражданского права*. 2019;(1).
8. Карапетов А.Г., Матвиенко С.В., Мороз А.И., Сафонова М.В., Фетисова Е.М. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за апрель 2019 г. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2019;(6).
9. Негодяев В.В. Актуальные вопросы практики применения учетной регистрации уведомлений о залоге движимого имущества в нотариальном реестре. *Нотариальный вестник*. 2021;(7).
10. Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве): монография / под ред. О.А. Беляевой. М., 2020.
11. Суворов Е.Д. Потенциальные конфликты между залоговыми и иными кредиторами при банкротстве должника: попытка установления баланса // *Вестник ВАС РФ*. 2013;(10).
12. Armour J. The Law and Economics Debate About Secured Lending: Lessons for European Lawmaking? *Centre for Business Research. University of Cambridge Working Paper*. 2008;(362).
13. Jackson T.H., Kronman A.T. Secured Financing and Priorities Among Creditors. *Yale Law Journal*. 1979;88.
14. Scott R.E. A Relational Theory of Secured Financing. *Columbia Law Review*. 1986;86(5).
15. McBryde W.W., Flessner A., Kortmann S.C.J.J. Principles of European Insolvency Law. *Series Law of*

References:

1. Avtonova E.D., Karapetov A.G., Matvienko S.V., Moroz A.I., Safonova M.V., Fetisova E.M. [Review of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on private law issues for October 2020]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2020;(12). (In Russ.)]
2. Bevzenko R.S. [Justification of the Priority granted to the Creditor by Real security: An Essay on Dogma, Theory and Policy of Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2017;(4). (In Russ.)]
3. Bevzenko R.S. [Legal positions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation in the field of pledge law: Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated February 17, 2011 No. 10 «On some issues of application of the legislation on pledge»]. М., 2012. (In Russ.)]
4. Bevzenko R.S. [The concept and emergence of the right of pledge]. *Zakon = Law*. 2016;(3). (In Russ.)]
5. [The Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary on section III "The general part of compulsory law"] / A.V. Barkov, A.V. Gabov, M.N. Ilyushina, etc.; edited by L.V. Sannikova. М., 2016 // SPS "Consultant Plus". (In Russ.)]
6. [Contractual and obligation law (general part) article-by-article commentary on Articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation] / V.V. Baibak, R.S. Bevzenko, O.A. Belyaeva, etc.; ed. by A.G. Karapetov. М., 2017. (In Russ.)]
7. Egorov A.V. [Bankruptcy proceedings: commentary on key points]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2019;(1). (In Russ.)]
8. Karapetov A.G., Matvienko S.V., Moroz A.I., Safonova M.V., Fetisova E.M. [Review of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on private law issues for April 2019]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019;(6). (In Russ.)]
9. Negodyaev V.V. [Topical issues of the practice of applying the registration of notices of pledge of movable property in the notary register]. *Notarial'nyj vestnik = Notary Bulletin*. 2021;(7). (In Russ.)]
10. Osmanova D.O. [Abuse in insolvency (bankruptcy)]: monograph / edited by O.A. Belyaeva. М., 2020. (In Russ.)]
11. Suvorov E.D. [Potential conflicts between collateral and other creditors in case of debtor bankruptcy: an attempt to establish a balance]. *Vestnik VAS RF = Bulletin of the Supreme Arbitration Court*. 2013;(10). (In Russ.)]
12. Armour J. The Law and Economics Debate About Secured Lending: Lessons for European Lawmaking? *Centre for Business Research. University of Cambridge Working Paper*. 2008;(362).
13. Jackson T.H., Kronman A.T. Secured Financing and Priorities Among Creditors. *Yale Law Journal*. 1979;88.
14. Scott R.E. A Relational Theory of Secured Financing. *Columbia Law Review*. 1986;86(5).
15. McBryde W.W., Flessner A., Kortmann S.C.J.J. Principles of European Insolvency Law. *Series Law of*

Business and Finance. 2003;4.

16. Westbrook J.L. The Control of Wealth in Bankruptcy.
Texas Law Re-view. 2004;2(4).

Business and Finance. 2003;4.

16. Westbrook J.L. The Control of Wealth in Bankruptcy.
Texas Law Re-view. 2004;2(4).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Курин Игорь Юрьевич*

кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3711-2845>

Босых Андрей Игоревич

кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6523-2927>

Короткий Филипп Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8918-4218>

Симонян Кристина Романовна

преподаватель кафедры гражданского права ФГБОУ
ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4140-0812>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor Yu. Kurin*

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the
Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State
University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3711-2845>

Andrey I. Bosykh

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the
Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State
University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6523-2927>

Philipp V. Korotkiy

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the
Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State
University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8918-4218>

Kristina R. Simonyan

Lecturer of the Department of Civil Law of the FGBOU
VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4140-0812>

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-29-37>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛЕТОВ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ, НОВАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ

Л.В. Зарапина*¹, Н.Ю. Белокопытова²

¹ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия»
(Новочерёмушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418)

²Пятигорский институт (филиал) ФГАО ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
(40 лет Октября пр., д. 56, г. Пятигорск, Россия, 357500)

Ссылка для цитирования: Зарапина Л.В., Белокопытова Н.Ю. Правовое регулирование полетов беспилотных летательных аппаратов: перспективы, новации, проблемы. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(4):29–37. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-29-37>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Зарапина Лидия Владимировна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия»

Адрес: Новочерёмушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418

Тел.: +7 (495) 332-53-29

E-mail: ouf@rsuj.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 06.10.2021

Статья принята к печати: 06.11.2021

Дата публикации: 29.12.2021

Аннотация: Целью данной статьи является исследование нормативно-правового регулирования правового статуса нового для российского законодательства объекта прав – беспилотных летательных аппаратов. Для достижения указанной цели ставятся такие задачи, как анализ содержания понятия «беспилотный летательный аппарат» и его отграничение от терминов «дрон», «квадрокоптер»; рассмотрение проблем правового регулирования процедуры государственной регистрации беспилотных летательных аппаратов в России; исследование зарубежного опыта и практики правового регулирования эксплуатации беспилотных летательных аппаратов. В статье использованы современные методы научного познания такие, как общенаучные и частно-научные методы исследования, которые в совокупности позволили охарактеризовать правовой статус беспилотных летательных аппаратов и выявить правовые проблемы эксплуатации указанных объектов на российской территории.

Новизна исследования предопределяется новизной самого объекта прав – беспилотных летательных аппаратов, впервые получивших законодательное признание в России. К результатам исследования можно отнести формулирование научно-практических предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования эксплуатации беспилотных летательных аппаратов в России с учетом сложившейся юридической практики в зарубежных странах.

Исследование сопровождается выводами, вытекающими из анализа законодательного регулирования использования беспилотных летательных аппаратов как объектов прав. Сформулированы предложения о целесообразности снизить массу беспилотных летательных аппаратов, которые подлежат учету и регистрации (ниже 30 килограммов), поскольку это может снизить риск получения серьезных травм при потере управления ими; предложено ввести страхование для коммерческих съёмок (по примеру Великобритании), но страхование не должно отрицательно сказываться на деятельности и доходах населения; разработано предложение ведении отдельного сайта, который будет посвящен правовому регулированию полетов беспилотных

летательных аппаратов, направленного на повышение уровня правосознания со стороны населения, а также осуществлять учет и регистрацию аппаратов через данный портал, например, как во Франции; предложено ввести запрет на полеты беспилотных летательных аппаратов не только над местами, где проводятся публичные мероприятия, официальные спортивные соревнования, но и над местами жительства обычных граждан (за исключением случаев, когда беспилотный летательный аппарат принадлежит гражданину, а съемка проводится исключительно над его территорией). Такие изменения необходимо внести в пункт 52.1 Федеральных Правил использования воздушного пространства Российской Федерации.

Ключевые слова: использование воздушного пространства, беспилотный летательный аппарат, правовой статус беспилотного летательного аппарата, законодательное регулирование.

LEGAL REGULATION OF FLIGHTS OF UNMANNED AERIAL VEHICLES: PROSPECTS, INNOVATIONS, PROBLEMS

Lydia V. Zarapina^{*1}, Natalia Yu. Belokopytova²

¹ FGBOU "Russian State University of Justice"

(Novocheremushkinskaya str., 69, Moscow, Russia, 117418),

²Pyatigorsk Institute (branch) FGAO VO "North Caucasus Federal University"

(40 years of October ave., 56, Pyatigorsk, Russia, 357500)

Link for citation: Zarapina L.V., Belokopytova N.Yu. Legal regulation of flights of unmanned aerial vehicles: prospects, innovations, problems. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(4):29–37. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-29-37>

CONTACT INFORMATION:

Lidiya V. Zarapina*, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU "Russian State University of Justice"

Address: Novocheremushkinskaya str., 69, Moscow, Russia, 117418

Tel.: +7 (495) 332-53-29

E-mail: ouf@rsuj.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 06.10.2021

The article has been accepted for publication: 06.11.2021

Date of publication: 29.12.2021

Annotation: The purpose of this article is to study the legal regulation of the legal status of a new object of rights for Russian legislation-unmanned aerial vehicles. To achieve this goal, such tasks are set as analyzing the content of the concept of "unmanned aerial vehicle" and its differentiation from the terms "drone", "quadrocopter"; considering the problems of legal regulation of the procedure for state registration of unmanned aerial vehicles in Russia; research of foreign experience and practice of legal regulation of the operation of unmanned aerial vehicles. The article uses modern methods of scientific cognition, such as general scientific and private scientific research methods, which together allowed us to characterize the legal status of unmanned aerial vehicles and identify legal problems of the operation of these objects on the Russian territory.

The novelty of the study is determined by the novelty of the object of rights itself – unmanned aerial vehicles, which for the first time received legislative recognition in Russia. The results of the study include the formulation of scientific and practical proposals for improving the regulatory and legal regulation of the operation of unmanned aerial vehicles in Russia, taking into account the established legal practice in foreign countries.

The study is accompanied by conclusions arising from the analysis of the legislative regulation of the use of unmanned aerial vehicles as objects of rights. Proposals are formulated on the expediency of reducing the mass of unmanned aerial vehicles that are subject to accounting and registration (below 30 kilograms), since this can reduce the risk of serious injuries if they lose control; it is proposed to introduce insurance for commercial filming (following the example of the UK), but insurance should not adversely affect the

activities and income of the population; a proposal has been developed to maintain a separate website that will be devoted to the legal regulation of flights of unmanned aerial vehicles, aimed at increasing the level of legal awareness on the part of the population, as well as to register and register vehicles through this portal, for example, as in France; it is proposed to introduce a ban on the flights of unmanned aerial vehicles not only over places where public events and official sports competitions are held, but also over the places of residence of ordinary citizens (except in cases when the unmanned aerial vehicle belongs to a citizen, and the shooting is carried out exclusively over his territory). Such changes should be made to paragraph 52.1 of the Federal Rules for the Use of the Airspace of the Russian Federation.

Keywords: use of airspace, pilotless vehicle, legal status of pilotless vehicle, legislative regulation.

Введение

Технологии – неотъемлемая часть современного мира. Именно от процесса их совершенствования зависит и развитие государства в целом. Однако, в силу интенсивности появления новаций, правовое регулирование должно соответствовать появлению новых изобретений, не создавать пробелов в нормативно-правовом регулировании. Трансформация цифрового пространства диктует необходимость качественных преобразований современного права и переосмысление отдельных его правовых институтов [5, с. 34]. Российские ученые также вносят свои предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере [1, с. 47].

Одним из наиболее прогрессирующих в настоящее время и перспективных направлений развития техники является применение беспилотных летательных аппаратов. Это обусловлено тем, что применение беспилотников в различных гражданских сферах эффективно экономически и часто позволяет решить конкретную задачу намного качественнее, чем это было бы сделано с применением традиционной авиации, или других привычных способов [7, с. 536]. Беспилотные летательные аппараты могут использоваться практически в любой сфере человеческой деятельности, за исключением перевозки пассажиров (хотя развитие этого направления представляется абсолютно возможным) [14, с. 170]. Но на каждое новое полезное изобретение находятся и субъекты, применяющие его в корыстных целях. Данные действия, в частности, не обошли и беспилотные летательные аппараты. Такие полеты в воздушном пространстве в российской и зарубежной литературе рассматриваются как неизбежность, требующая осознания и правового закрепления. Особую актуальность приобретает рассматриваемое направление в связи с активным развитием робототехники [8, с. 25], искусственного интеллекта и цифровых технологий. Анализ законодательства РФ показывает, что ключевые вопросы эксплуатации беспилотных летательных аппаратов (начиная с определения понятийного аппарата и до дифференциации зон ответственности) не имеют качественного правового регулирования. В связи с этим актуальным является проведение анализа зарубежного опыта правового регулирования по использованию беспилотных летательных аппаратов в целях совершенствования законодательной базы Российской Федерации.

Методы исследования

Методы исследования включают как общенаучные, так и частно-научные методы, такие как формально-юридический, использованный для определения термина «беспилотный летательный аппарат»; сравнительно-правовой, позволяющий сравнить правовой статус рассматриваемого объекта прав в России и зарубежных странах и др. Совокупность названных методов позволила охарактеризовать беспилотный летательный аппарат как новый объект прав в российском законодательстве.

Результаты исследования

Исходя из анализа зарубежных актов, мы можем сказать, что Российская Федерация может перенять следующие положения, относительно регулирования отношений в данной сфере:

1) Целесообразно снизить массу беспилотных летательных аппаратов, которые подлежат учету и регистрации в пользу малогабаритных (ниже 30 килограммов) [13, с. 12], поскольку это может снизить риск получения серьезных травм при потере управления ими и снизить стоимость их производства;

2) Необходимо ввести страхование для коммерческих съёмок, как в Великобритании, но страхование не должно отрицательно сказываться на деятельности и доходах населения;

3) Предлагаем ввести отдельный сайт, который будет посвящен правовому регулированию полетов беспилотных летательных аппаратов, направленный на повышение уровня правосознания со стороны населения, а также осуществлять учет и регистрацию аппаратов через данный портал, например, как во Франции;

4) Необходимо запретить полеты беспилотных летательных аппаратов не только над местами, где проводятся публичные мероприятия, официальные спортивные соревнования, но и над местами жительства обычных граждан (за исключением случаев, когда беспилотный летательный аппарат принадлежит гражданину, а съемка проводится исключительно над его территорией). Такие изменения необходимо внести в пункт 52.1 Федеральных Правил использования воздушного пространства Российской Федерации.

Научная дискуссия

В последнее время широкое распространение получили такие беспилотные летательные аппараты, как дроны, или квадрокоптеры, управляемые дистанционно. Впервые эти конструкции были использованы в 2006 году компанией MikroKopter.

В мировой практике не сложился единообразный понятийный аппарат в отношении беспилотных летательных аппаратов [4, с. 130]. Поэтому при рассмотрении данной темы необходимо разграничить смысл терминов, которые используются в науке в настоящее время:

– «квадрокоптер» («мультикоптер») – беспилотный летательный аппарат, оснащенный видеозаписывающим устройством; его строение осуществляется на основе вертолетной системы, поэтому может иметь некое количество винтов;

– «дрон» – беспилотный дистанционно-управляемый летательный аппарат, оснащенный видеозаписывающим устройством.

Таким образом, понятие «беспилотный летательный аппарат» обладает вышеперечисленными разновидностями данного устройства, на которые распространяется действие российского законодательства.

На сегодняшний день к основным регуляторам в Российской Федерации относятся Воздушный кодекс РФ¹, Федеральные правила использования воздушного пространства РФ², Инструкция по разработке, установлению, введению и снятию временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений³ и Табель сообщений о движении Воздушных судов в РФ⁴.

Согласно нормам Воздушного кодекса РФ «беспилотное воздушное судно – воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)» (п. 5 ст. 32). Кодекс также раскрывает и уточняет, что в состав экипажа такого пилотируемого аппарата могут входить один или несколько внешних пилотов. Если пилотов несколько, то владелец беспилотника назначает командира этого судна (п. 11 ст. 56 ВК РФ).

В целях установления правового режима Воздушным кодексом РФ закреплена процедура государственной регистрации, которая исключает беспилотные воздушные судна, масса которых не превышает 30 килограммов, а также сверхлегкие гражданские воздушные судна, максимальная масса которых не достигает 115 килограммов.

Исходя из анализа норм Воздушного кодекса РФ, мы можем сделать вывод о том, что, исключая некоторые категории беспилотных гражданских воздушных судов из объектов, подлежащих государственной регистрации, их использование может отрицательно сказаться на безопасности окружающих.

С 27 сентября 2019 года на территории нашей страны стали действовать Правила учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,25 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации⁵

¹ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 12. Ст. 1383.

² Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 (ред. от 02 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 14. Ст. 1649.

³ Об утверждении Инструкции по разработке, установлению, введению и снятию временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений: приказ Минтранса России от 27 июня 2011 г. № 171 (ред. от 10 августа 2017 г.) // Российская газета. 2011. 26 августа.

⁴ Об утверждении Табеля сообщений о движении воздушных судов в Российской Федерации: приказ Минтранса России от 24 января 2013 г. № 13 (ред. от 25 декабря 2018 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2013. № 31.

⁵ Об утверждении Правил учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,25 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 658 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 22. Ст. 2824.

(далее – Правила учета). Данный акт предусматривает обязательную процедуру учета беспилотных летательных аппаратов, которая производится Федеральным агентством воздушного транспорта.

Новеллой в правовом регулировании беспилотной авиации стало включение в Правила учета важных положений, которые установили порядок использования воздушного пространства беспилотниками и скоординировали использование воздушного пространства с помощью специальных планов.

Изучение данного нормативно-правового акта дало возможность сделать следующие выводы:

1) приобретение дронов весом до 250 граммов возможно без учета и регистрации; дроны весом от 0,25 до 30 килограммов должны ставиться на учет с соблюдением соответствующей процедуры; если беспилотный летательный аппарат весит свыше 30 кг – необходима его регистрация.

2) Правилами о постановке на учет не предусматривается ответственность за несоблюдение процедуры постановки на учет беспилотных летательных аппаратов. В этом случае будут применяться нормы КоАП РФ¹. Однако стоит сказать о том, что в законодательстве используется общее понятие «воздушное судно», то есть административные нормы применяются по аналогии к беспилотным летательным аппаратам.

Еще в далеком 2010 году было введено такое понятие, как «визуальный полет беспилотного летательного воздушного судна»². Он представляет собой полет, в результате которого внешний пилот судна обеспечивает непосредственный бесприборный визуальный контакт с указанным воздушным судном. Данный термин был закреплен в Федеральных правилах использования воздушного пространства Российской Федерации.

С целью эксплуатации воздушных летательных аппаратов различного типа была разработана классификация российского воздушного пространства, которая сохранила свою актуальность на сегодняшний день. Согласно рассматриваемой классификации, все российское пространство условно разделено на три класса: А, С, G. В российском воздушном пространстве классов С и G разрешены полеты с использованием беспилотных летательных аппаратов с учетом нижеприведенных особенностей:

1) Класс С - закреплены ограничения для полетов беспилотных летательных аппаратов по скорости (не более 450 км/ч) и высоте (ниже 3050 м);

2) Класс G - закреплены такие же ограничения, как и в классе С. Однако они имеют сферу распространения и на полеты, выполняемые по приборам, а не только на полеты беспилотных летательных аппаратов. Для полетов, проводимых по правилам визуальных полетов, не требуется наличие постоянной двусторонней связи с органом обслуживания воздушного движения.

Федеральные правила устанавливают краткосрочные ограничения во время эксплуатации беспилотных летательных аппаратов в интересах самих пользователей российского воздушного пространства.

Важно указать, что в рассматриваемом нормативном акте есть серьезное противоречие: в пункте 52 прописано, что полеты беспилотных летательных аппаратов во всех трех классах российского воздушного пространства возможны исключительно на основании разрешения на использование указанного пространства и плана полета. Однако в подпункте «в» пункта 10 закреплено, что на выполнение абсолютно всех воздушных полетов в пространстве класса G не требуется разрешение. То есть акт сам себе противоречит. В связи с чем считаем целесообразным внести изменения в п. 52 Правил, дополнив его абзацем следующего содержания: «Использование воздушного пространства беспилотными воздушными суднами классов А и С осуществляется на основании плана полета воздушного судна и разрешения на использование воздушного пространства, за исключением класса G, при использовании которого получение разрешения не требуется».

Тем не менее применение пункта 52 Федеральных правил может не осуществляться, если пилотируемое беспилотное воздушное судно весит менее 30 килограммов, а полет выполняется в пределах прямой видимости в светлое время суток на высотах менее 150 метров от земной или водной поверхности в двух случаях: вне диспетчерских зон аэродромов и на удалении не менее 5 км от контрольных точек неконтролируемых аэродромов и посадочных площадок.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 (ред. от 02 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 14. Ст. 1649.

Таким образом, мы видим, что законодатель пытается выстроить правовую базу, которая охватывает как можно больший круг общественных отношений, связанный с использованием беспилотных летательных аппаратов, путем внесения изменений в нормативные акты. Однако мы считаем, что более целесообразным будет разработка отдельного нормативно-правового акта, основанного на пандектной системе. Общая часть закрепляла бы понятие беспилотного летательного аппарата как источника повышенной опасности [12, с. 77] (это необходимо, поскольку именно отнесение к данным объектам беспилотников будет являться основанием для порождения конкретных юридических последствий), предмет, принципы, круг субъектов, которые могут входить в состав экипажа такого судна. Особенная часть раскрывала бы отдельные положения данных правоотношений – основные правила использования как самих беспилотников, так и воздушного пространства, пересечение воздушных границ земельных участков [2, с. 11], регистрация, страхование, лицензирование, ответственность за нарушение законодательства в сфере использования таких аппаратов. В научной литературе обсуждается проблема вхождения беспилотных летательных аппаратов как части цифровых технологий в преступную и посткриминальную действительность [3, с. 787], в связи с чем актуальным является предложение об установлении административной и уголовной ответственности в отношении лиц за ненадлежащую разработку программного обеспечения для беспилотников, а также за действия, которые привели к нарушению технологии его установки и обслуживания [15, с. 105].

Данный закон может содержать ссылки на действующие нормативные акты, поскольку основная его цель – структурирование правовых норм и устранение пробелов в правовом регулировании эксплуатации беспилотных летательных аппаратов.

Законодательная практика в сфере эксплуатации беспилотных летательных аппаратов, сложившаяся в зарубежных странах, достаточно разнообразна. Поэтому, с учетом степени урегулированности, все зарубежные государства в научной литературе предлагается разделить на три группы [6, с. 57].

К первой группе отнесём государства, где приобретение, ввоз и эксплуатация беспилотных летательных аппаратов находится под абсолютным запретом (Турция, Азербайджан, Перу, Вьетнам). Во вторую группу войдут зарубежные государства, чья законодательная практика предусматривает свободное и неограниченное применение беспилотных летательных аппаратов. Например, в США и Исландии отсутствуют правила об обязательной государственной регистрации таких аппаратов [11, с. 190].

Третью группу составляют государства, где законодательный опыт регулирования предусматривает эксплуатацию беспилотных летательных аппаратов исключительно после прохождения процедуры их государственной регистрации и (или) лицензирования (Канада, Великобритания, страны ЕС). Россию стоит относить именно к этой группе.

Ранее мы выяснили, что в законодательстве России понятие «беспилотное воздушное судно» раскрывается с точки зрения контролируемости его внешним пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна.

На международном уровне данный термин установлен в Приложении 2 «Правил полетов» и определяет беспилотный летательный аппарат как беспилотное воздушное судно, к которому относятся воздушные суда, предназначенные для полета без пилота на борту¹.

Исходя из сравнения норм национального и международного права, мы можем сказать, что общим является использование такого термина как «воздушное судно» и отсутствие пилота на борту.

В связи с тем, что во многих странах различен подход к правовому регулированию использования беспилотных летательных аппаратов, предлагаем рассмотреть законодательство некоторых стран и сделать выводы.

В Республике Беларусь основу правового регулирования отношений по использованию беспилотных летательных аппаратов составляют утвержденные Советом Министров Республики Беларусь от 16 августа 2016 г. № 636 «Правила использования авиамodelей». Данный нормативный акт закрепляет использование таких понятий, как «авиамodelь», «использование авиамodelи», «владелец авиамodelи», «пользователь авиамodelи». Мы считаем, что это перспективное направление, поскольку на законодательном уровне также установлено разграничение понятий

¹ Приложение 2 к Конвенции о Международной Гражданской Авиации «Правила полетов» (Чикаго, 1944 год) [сайт]. Склад законов; 2021 [процитировано 08 июля 2021]. Доступно: <http://www.6pl.ru/asmap/convMGApril.htm>

«владелец» и «пользователь» авиамodelей. Процедура государственной регистрации авиамodelей не предусмотрена, но в зависимости от массы аппарата обязательна её маркировка.

Законодатель данной страны вводит существенные ограничения, касающиеся использования авиамodelей:

- полет авиамodelей массой более 0,5 килограмма возможен только после её маркировки;
- высота полета не должна превышать 100 метров от уровня земной или водной поверхности;
- установлены запрещённые для полетов зоны;
- на пользователе авиамodelей лежит обязанность по принятию всех возможных мер при возникновении угрозы причинения вреда жизни, здоровью или имуществу физического лица, а также имуществу юридического лица, вплоть до прекращения использования авиамodelей.

С сентября 2017 года управлять авиамodelями в Республике Беларусь могут только члены «Белорусской федерации беспилотной авиации», а за незаконное использование таких аппаратов к лицу могут применяться такие меры ответственности, как штраф или конфискация авиамodelей¹.

Как уже было сказано в Европе отсутствует единое законодательство в отношении использования беспилотных летательных аппаратов. Многие страны принимают свои акты, регулирующие отношения в данной сфере, но и они во многом схожи.

Так, во Франции действуют следующие положения, касающиеся использования беспилотных летательных аппаратов:

– если масса аппарата свыше 800 граммов, то он должен быть зарегистрирован на портале AlphaTango;

– законодательство Франции устанавливает точное расстояние, на котором будет виден регистрационный номер – 30 см (многие страны формулируют данное правило размыто и не устанавливают точное расстояние, на котором должен быть виден регистрационный номер);

– наложен запрет полетов ночью, а также над людьми, аэропортами и аэродромами, частной собственностью (только с разрешения владельца), военными объектами, тюрьмами, атомными электростанциями, историческими памятниками или национальными парками;

– установлены ограничения на полет выше 150 м или выше 50 м над любым объектом или зданием, высота которого составляет от 100 м;

– над населенным пунктом полет должен быть предварительно согласован с территориальными органами власти [9, с. 12].

В Великобритании на пилота возлагается ответственность за осуществление безопасного полета. Все коммерческие полеты подлежат страхованию, а также необходимо разрешение от САА (Управление гражданской авиации Великобритании). Законодательство Великобритании устанавливает следующие требования, предъявляемые к полетам беспилотных летательных аппаратов:

– полет должен осуществляться, не превышая 120 метров от земной поверхности, а аппарат должен находиться в пределах прямой видимости;

– если беспилотный летательный аппарат оснащен камерой, то пилот обязан соблюдать дополнительные ограничения, установленные в отношении зон полета, а также находиться на установленном расстоянии от людей или иных объектов. Чтобы подлететь ближе установленных минимальных расстояний, законодательство Великобритании предусматривает возможность получить предварительное разрешение от САА [9, с. 13].

Таким образом, мы можем увидеть, что многие государства заинтересованы в правовом урегулировании полетов беспилотных летательных аппаратов для безопасного использования авиамodelей и охраны личности и имущества. Российский законодательный опыт регулирования правового статуса беспилотников находится в стадии формирования путем внесения изменений в существующие нормативно-правовые акты, что значительно усложняет воздушное законодательство.

Регулирование порядка эксплуатации беспилотников должно осуществляться на основе единого правового акта (Федеральные авиационные правила использования беспилотных воздушных судов) [10, с. 5].

Список использованной литературы:

1. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный

References:

1. Arkhipov V.V., Naumov V.B. [Artificial intelligence

¹ Правила ввоза и пилотирования коптеров в различных странах [сайт]. Национальные законы о БПЛА; 2021 [процитировано 17 июля 2021]. Доступно: https://4vision.ru/national_rules

интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике. *Труды СПИРАН*. 2017;(6):46–62. <https://doi.org/10.15622/sp.55.2>

2. Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем. *Вестник гражданского права*. 2017;(1):9–36.

3. Варданян А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности. *Всероссийский криминологический журнал*. 2018;12(6):785–794. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(6\).785-794](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794)

4. Грищенко Г.А. Правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов: российский подход и мировая практика. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019;(12):129–136. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.64.12.129-136>

5. Громова Е.А. Государственно-частное партнерство в цифровую эру: поиск оптимальной правовой формы. *Юрист*. 2018;(10):34–40.

6. Громова Е.А. Правовые аспекты регистрации и использования беспилотных летательных аппаратов в России и за рубежом. *Право и экономика*. 2019;(7):56–60.

7. Измайлов А.Ю. Интеллектуальные технологии и роботизированные средства в сельскохозяйственном производстве. *Вестник Российской академии наук*. 2019;89(5):536–538.

8. Катаргина И.В., Матюшин А.В., Закирова С.В. ФГБУ ВНИИПО МЧС России как часть единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. *Безопасность труда в промышленности*. 2015;(11):24–29.

9. Курченко Н.Ю., Труфляк Е.В. Нормативно-правовая база использования беспилотных авиационных систем. Краснодар: КубГАУ; 2020.

10. Макухин А.А. Законодательное регулирование правового статуса беспилотных летательных аппаратов. *Научный вестник Крыма*. 2017;1(6):1–6.

11. Медяков Т.С. Особенности административно-правового регулирования использования беспилотных летательных аппаратов в России и зарубежных странах. *Сборник материалов Всероссийского научно-практического семинара «Административная правоохранительная органов России и зарубежных стран»*. Рязань: Академия права УФСИН; 2017. С. 190–198.

12. Мотасова Д.Д. Гражданско-правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов по российскому и зарубежному законодательству. *Военное право*. 2018;4(50):74–78.

13. Соколов В.Б., Теряев Е.Д. Беспилотные летательные аппараты: некоторые вопросы развития и применения (обзор по материалам публикаций в Интернете). *Мехатроника, автоматизация, управление*. 2008;(2):12–23.

and autonomous devices in the context of law: on the development of the first law on robotics in Russia]. *Trudy SPIIRAN = Proceedings of SPIIRAN*. 2017;(6):46–62. <https://doi.org/10.15622/sp.55.2> (In Russ.)]

2. Bevzenko R.S. [A land plot with buildings on it]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2017;(1):9–36. (In Russ.)]

3. Vardanyan A.V., Andreev A.S. [Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*. 2018;12(6):785–794. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(6\).785-794](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794) (In Russ.)]

4. Grishchenko G.A. [Legal regulation of unmanned aerial vehicles: the Russian approach and world practice]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSLA)*. 2019;(12):129–136. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.64.12.129-136> (In Russ.)]

5. Gromova E.A. [Public-private partnership in the digital era: the search for the optimal legal form]. *Yurist = Lawyer*. 2018;(10):34–40. (In Russ.)]

6. Gromova E.A. [Legal aspects of registration and use of unmanned aerial vehicles in Russia and abroad]. *Pravo i ehkonomika = Law and Economics*. 2019;(7):56–60. (In Russ.)]

7. Izmailov A.Yu. [Intellectual technologies and robotic means in agricultural production]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2019;89(5):536–538. (In Russ.)]

8. Katargina I.V., Matyushin A.V., Zakirova S.V. [FSBI VNIPO EMERCOM of Russia as part of the unified state system of prevention and liquidation of emergency situations] *Bezopasnost' truda v promyshlennosti = Occupational safety in industry*. 2015;(11):24–29. (In Russ.)]

9. Kurchenko N.Yu., Truflyak E.V. [Regulatory and legal framework for the use of unmanned aircraft systems]. *Krasnodar: KubGAU*; 2020. (In Russ.)]

10. Makukhin A.A. [Legislative regulation of the legal status of unmanned aerial vehicles]. *Nauchnyi vestnik Kryma = Scientific Bulletin of the Crimea*. 2017;1(6):1–6. (In Russ.)]

11. Medyakov T.S. [Features of administrative and legal regulation of the use of unmanned aerial vehicles in Russia and foreign countries]. *Collection of materials of the All-Russian scientific and practical seminar "Administrative activity of law enforcement agencies of Russia and foreign countries"*. Ryazan: Academy of Law of the Federal Penitentiary Service. 2017. Pp. 190–198. (In Russ.)]

12. Motasova D.D. [Civil law regulation of the use of unmanned aerial vehicles under Russian and foreign legislation]. *Voennoe pravo = Military law*. 2018;4(50):74–78. (In Russ.)]

13. Sokolov V.B., Teryaev E.D. [Unmanned aerial vehicles: some issues of development and application (review based on the materials of publications on the Internet)]. *Mekhatronika, avtomatizatsiya, upravlenie = Mechatronics, automation, control*. 2008;(2):12–23. (In Russ.)]

14. Степанян А.Ж. Проблемы регулирования беспилотных транспортных средств. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019;(4):169–174.

15. Фокин М.С., Рязанов Н.С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств. *Актуальные проблемы российского права*. 2018;(1):103–110.

<https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.86.1.103-110>

14. Stepanyan A.Zh. [Problems of regulation of unmanned vehicles]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA)*. 2019;(4):169–174. (In Russ.)]

15. Fokin M.S., Ryazanov N.S. [Actual problems of criminal and legal regulation of the illegal use of unmanned mobile vehicles]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2018;(1):103–110.

<https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.86.1.103-110>
(In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зарапина Лидия Владимировна*

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-3248>

Белокопытова Наталья Юрьевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Пятигорского института (филиала) ФГАО ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2903-674X>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lydia V. Zarapina*

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU «Russian State University of Justice»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-3248>

Natalia Yu. Belokopytova

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Pyatigorsk Institute (Branch) of the FGAO VO «North Caucasus Federal University»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2903-674X>

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-38-45>

О ТЕНДЕНЦИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ В РОССИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА КАК ЭЛЕМЕНТА «ЗЕЛеной» ЭКОНОМИКИ

А.Я. Рыженков

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»
(Пушкина ул., д. 11, г. Элиста, Россия, 358000)

Ссылка для цитирования: Рыженков А.Я. О тенденциях и перспективах развития в России экологического туризма как элемента «зеленой» экономики. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(4):38–45. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-38-45>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Анатолий Яковлевич Рыженков, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»

Адрес: Пушкина ул., д. 11, г. Элиста, Россия, 358000

Тел.: +7 (84722) 4-10-05

E-mail: 4077778@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 11.10.2021

Статья принята к печати: 11.11.2021

Дата публикации: 29.12.2021

Аннотация: Переход на стандарты «зеленой» экономики предполагает экономический рост при снижении уровня бедности, социальную интеграцию и благосостояние человека, а также улучшение состояния всех экосистем планеты. Данные цели полностью совпадают с целями экологического туризма как вида предпринимательской деятельности. Однако развитие в России экологического туризма требует совершенствования нормативной базы, как на федеральном, так и на региональном уровнях, что позволит усилить гарантии экологической безопасности, создаст стимул развития предпринимательской деятельности, увеличит налоговую базу в стране и регионах, приведет к созданию новых рабочих мест. В связи с этим, представляется целесообразной разработка проекта Федерального закона «Об экологическом туризме в Российской Федерации», принятие которого позволит создать стимулы и процедуры развития экологического туризма во многих регионах и Российской Федерации в целом. Это потребует внесения изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды», его дополнения специальной статьей об особенностях осуществления экотуристской деятельности, ее природоохранных ограничениях, а также изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ. В указанных законопроектах должны содержаться экономические стимулы развития экотуризма, перечень полномочий органов государственной власти РФ и ее субъектов, органов местного самоуправления в сфере развития экологического туризма, предусматриваться порядок ведения реестра туроператоров, оказывающих данный вид услуг, позволяющих претендовать на налоговые и иные льготы.

Ключевые слова: туризм; «зеленая» экономика; инвестиции; туроператор; культура.

ABOUT TRENDS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT IN RUSSIA ECOLOGICAL TOURISM AS AN ELEMENT «GREEN» ECONOMY

Anatoly J. Ryzhenkov

FGBOU VO "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov"

Link for citation: Ryzhenkov A.J., About trends and prospects of development in Russia ecological tourism as an element "green" economy. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(4):38–45. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-38-45>

CONTACT INFORMATION:

Anatoly J. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure FGBOU VO "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov"

Address: Pushkin str., 11, Elista, Russia, 358000

Tel.: +7 (84722) 4-10-05

E-mail: 4077778@list.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 11.10.2021

The article has been accepted for publication: 11.11.2021

Date of publication: 29.12.2021

Annotation: The transition to the standards of the «green» economy implies economic growth while reducing poverty, social integration and human welfare, as well as improving the condition of all ecosystems of the planet. These goals completely coincide with the goals of ecotourism as a type of entrepreneurial activity. However, the development of ecological tourism in Russia requires the improvement of the regulatory framework, both at the federal and regional levels, which will strengthen environmental safety guarantees, create an incentive for the development of entrepreneurial activity, increase the tax base in the country and regions, and lead to the creation of new jobs. In this regard, it seems appropriate to develop a draft Federal law «On ecological tourism in the Russian Federation», the adoption of which will create incentives and procedures for the development of ecological tourism in many regions and the Russian Federation as a whole. This will require amendments to the Federal Law «On Environmental Protection», its addition with a special article on the specifics of ecotourism activities, its environmental restrictions, as well as amendments to the Federal Law «On Specially Protected Natural Territories» dated March 14, 1995 №. 33-FZ. The above-mentioned draft laws should contain economic incentives for the development of ecotourism, a list of powers of state authorities of the Russian Federation and its subjects, local self-government bodies in the field of the development of ecological tourism, provide for the procedure for maintaining a register of tour operators providing this type of services, allowing to claim tax and other benefits.

Keywords: tourism; «green» economy; investments; tour operator; culture.

Введение

Ухудшение состояния окружающей среды, включая изменение климата, обусловило появление сразу нескольких концепций, содержащих меры противодействия существующим глобальным экологическим угрозам. Одной из них является концепция перехода к «зеленой» экономике, которую обычно характеризуют как экономику, являющуюся низкоуглеродной, ресурсоэффективной и социально инклюзивной. В «зеленой» экономике рост занятости и доходов обусловлен государственными и частными инвестициями в такую экономическую деятельность, инфраструктуру и активы, которые позволяют сократить выбросы углерода и загрязнение, повысить эффективность использования энергии и ресурсов и предотвратить утрату биоразнообразия. Переход России на стандарты «зеленой» экономики потребует не только уменьшения негативного воздействия промышленной, сельскохозяйственной, транспортной и других отраслей экономики на окружающую среду (например, посредством замены очистных сооружений), но и развития сектора выполнения экологических работ и оказания экологических услуг. Последний аспект означает развитие экологического предпринимательства как новой разновидности предпринимательской деятельности. Если говорить о сфере экологических услуг, то наиболее перспективными из них выглядят экологическое страхование, экологический аудит и экологический туризм. О востребованности последнего в России говорит тот факт, что общее число видов туристических маршрутов только на особо охраняемых природных территориях (ООПТ) федерального значения (без учета региональных ООПТ) в 2019 г. составило 1773 ед. (в 2018 г. – 1667 ед.), из них водных маршрутов – 186, конных –

77, пеших – 1148, прочих – 362. Наибольшее количество туристических маршрутов в 2019 г. зафиксировано в национальных парках – 988 единиц¹.

Уменьшение потока туристов в 2020-2021 году в связи с пандемией COVID-19 привело к сокращению налоговых поступлений от туристических организаций и даже разорению многих из них. Однако пандемия рано или поздно закончится, и к возобновлению туристических потоков федеральным и региональным туристическим операторам необходимо быть готовыми заранее, что потребует разработки ряда проектов федеральных законов и подзаконных актов.

Методы исследования

Методология исследования состоит в использовании комплекса общенаучных методов научного познания, включая диалектический метод, а также метод системного анализа, сравнительно-правовой метод и ряда других.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования были проанализированы существующие в мировой науке подходы к понятию и признакам экологического туризма, показана его роль в переходе России на стандарты «зеленой» экономики, отмечены современные трудности этого процесса и пути их преодоления, включая разработку новой концепции экологического зонирования, четкого отграничения экологического туризма от смежных видов туристской деятельности, уточнение концепции экологического образования и ряд других. Обоснована необходимость разработки проекта Федерального закона «Об экологическом туризме в Российской Федерации», а также внесения изменений в иные законы.

Научная дискуссия

В настоящее время экологический туризм упоминается во многих международных документах, в числе которых следует выделить «Хартию устойчивого туризма ЮНЕСКО» (1995), Декларацию устойчивого развития туризма (1997), Берлинскую декларацию по биологическому разнообразию и устойчивому туризму (1997), Глобальный этический кодекс туризма (1999), Квебекскую декларацию по экотуризму (2002) и Декларацию конференции ООН «Будущее, которого мы хотим» (Рио+20), принятую в г. Рио-де-Жанейро в 2012 г. В п.130 последнего документа, в частности, отмечается, что тщательно спланированная и управляемая деятельность в сфере туризма может вносить значительный вклад в рамках всех трех компонентов устойчивого развития, тесно увязана с другими секторами и может обеспечивать создание достойных рабочих мест и открывать возможности в области торговли. В зарубежной науке отмечается, что экотуризм - это термин, который связывает экологическую (природную) устойчивость с туризмом, что приводит к его научному пониманию как сегмента туризма, связанного с природой. В идеале экотуризм должен осуществляться в природных зонах, в том числе на особо охраняемых природных территориях и иных землях, принадлежащих правительствам, частным учреждениям и общинам. Ответственное путешествие в сообщество, владеющее нетронутым природным объектом, приносит много пользы туристам. Оно предполагает сохранение природных ресурсов, культурное образование, осмотр достопримечательностей и отдых.

Хорошо спланированный экотуризм в сельских районах обеспечивает новые возможности трудоустройства для местных жителей, особенно для находящихся в неблагоприятном положении женщин, путем развития местных ремесел (продажа сувениров) и трудоустройства молодежи в качестве экскурсоводов.

Экотуризм также способствует сохранению и расширению естественных экологических систем, которые сохраняют биоразнообразие, поскольку многие территории с богатым биологическим разнообразием и природными ландшафтами с превосходными эстетическими ценностями находятся в ведении сельских общин. Поэтому ключевым компонентом успешного экотуризма является включение в него местных культур, традиций и местного населения. ООН неоднократно подчеркивала, что любая туристическая инициатива в сельских общинах, включая экотуризм, будет тщетной, а ее конечная цель - сохранение окружающей среды - будет сорвана, если местное население не примет в этом активного участия. Неспособность учитывать местную культуру при развитии экотуризма означает отказ от него, что препятствует устойчивому развитию общества [5, с. 1–2].

Рассматриваемый термин «экотуризм» предложил Гектор Цебаллос-Ласкурейн в 1983 г. для описания всех форм посещения природы в ненарушенных и/или охраняемых районах, главным

¹ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году». М.: Минприроды России; МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. С. 202.

образом в образовательных целях. Однако до сегодняшнего дня «экотуризм» не получил общепризнанного определения.

В 1990 г. Международное общество экотуризма предложило довольно удачное определение экотуризма как ответственного путешествия в природные зоны, которое сохраняет окружающую среду и улучшает благосостояние местного населения. В октябре 1996 г. Международный союз охраны природы (МСОП) принял рабочее определение экотуризма, указав, что экотуризм подразумевает экологически ответственные поездки и посещение природных зон, чтобы наслаждаться и ценить природу (и любые сопутствующие культурные особенности, как прошлые, так и нынешние), которые способствуют сохранению природы и обеспечивают благотворное социально-экономическое развитие местных жителей. Квебекская декларация об экотуризме (2002) определила экотуризм как вид туризма, который активно способствует сохранению природного и культурного наследия, включает местные и коренные общины в свое планирование, развитие и функционирование и способствует их благополучию, рассказывает посетителям о природном и культурном наследии, что хорошо подходит для самостоятельных путешественников и для организованных туров небольших групп.

Представляется, что любой устойчивый туризм, включая экотуризм, может стать фактором, способствующим достижению Целей устойчивого развития (ЦУР), особенно в части конкретных ЦУР 8, 12 и 15 (достойная работа и экономический рост, ответственное потребление и производство, сохранение экосистем суши, соответственно). Устойчивый туризм способствует общественному развитию с акцентом на устойчивый экономический рост, социальную инклюзивность, занятость и сокращение бедности, эффективное использование ресурсов, охрану окружающей среды и климата, сохранение культурных ценностей, что полностью совпадает с целями и задачами перехода к «зеленой» экономике [7, с. 2–3].

В свою очередь, в правовой науке стран СНГ отмечается, что экологический туризм – это вид отдыха (рекреации), предполагающий «организованное посещение ненарушенных, уникальных природных объектов и природных комплексов с целью познания окружающей среды; необходимость соблюдения норм природоохранного и природоресурсного законодательства; осуществление экологического просвещения и образования туристов, повышение уровня экологической культуры участников туристского процесса; содействие устойчивому развитию регионов; обеспечение активного участия местного населения в осуществлении экологического туризма и получение им преимуществ от этой деятельности» [3, с. 232].

Таким образом, обобщая указанные точки зрения, следует заметить, что они позволяют выделить пять основных признаков экологического туризма: он осуществляется в естественных природных системах (не только в ООПТ); способствует охране природы; в качестве дополнительной задачи содействует знакомству с местной культурой; предполагает вовлечение местных жителей и рост их экономического благосостояния; направлен на решение эколого-просветительских и образовательных задач. Соответственно, можно предложить следующее доктринальное определение. Экологический туризм – это разновидность туристской деятельности, направленной на организацию путешествий и отдыха граждан в целях знакомства с природными достопримечательностями и культурным наследием в границах ООПТ (или за их пределами) с обязательным сохранением и восстановлением естественных экологических систем, содействующий устойчивому развитию регионов, экономической и социальной поддержке местных общин, а также реализации задач в сфере экологического просвещения и образования. Каковы же проблемы и перспективы развития экотуризма в России?

1) развитие специальной формы экологического зонирования территорий. Для развития экологического туризма на определенной территории необходимо наличие оснований для принятия соответствующего управленческого решения, как в масштабах всей страны, так и отдельного региона или муниципалитета. Как минимум, территории, куда планируется доставлять экотуристов, должны быть свободны от городских поселений, иметь нетронутый ландшафт, богатый растительный покров (участки дикой природы), включать иные рекреационные туристские достопримечательности. Для этого в зарубежной науке предлагается (и уже реализуется на практике) зонирование территорий с выделением 4 классов их пригодности для развития экотуризма. В частности, выделяются территории очень подходящие, умеренно подходящие, незначительно подходящие и не подходящие для экотуризма. Имеющийся опыт показал, что большая часть обследованных территорий оказались незначительно или умеренно пригодными для развития экотуризма [6, с. 27–277]. Проведение таких классификаций, основанных на данных естественных и технических наук, может иметь и большое правовое значение, позволяя классифицировать земельные и иные природные ресурсы, придавать им

особый правовой режим, и исключать отдельные участки земли из программы развития экологического туризма на федеральном или региональном уровнях.

Соответственно, на одних участках территорий, расположенных в ООПТ или вне их границ, могут проводиться только научные исследования, на других – пешие походы и наблюдения (например, за птицами), на третьих – ограниченное строительство кемпингов и объектов питания, на четвертых – ограничения промышленной деятельности, размещения мусорных полигонов и т.д.

В настоящий момент в России получили наибольшее распространение градостроительное и экологическое зонирование, причем последнее – преимущественно в границах национальных и природных парков, где может быть выделено несколько функциональных зон. Появление нового вида экологического зонирования позволит выявить территории, подходящие для экотуризма как вида природоохранной деятельности, однако для этого потребуются использование геопроостранственных подходов к организации экологического планирования.

2) необходимость отграничения экотуризма от других видов туристской деятельности. В настоящий момент такие четкие отличия отсутствуют, поэтому не редки случаи (как в России, так и в других странах), когда гражданин, покупая тур, уверен, что экотуризм означает катание на водных лыжах с дельфинами [8, с. 230].

Отдельный вопрос заключается в том, нужно ли разграничивать экологический туризм для обычных граждан и специализированный экологический туризм для орнитологов, натуралистов, экологов, как предлагают румынские ученые [9, с. 431].

Модельный закон стран СНГ «Об экологическом туризме» от 22 ноября 2019 г. № 50-10 в ст. 4 идет даже дальше, предлагая следующую классификацию видов экотуристской деятельности: волонтерская, научная, лечебно-оздоровительная, природоохранная, рекреационная, образовательная, эконокультурная и эстетическая. Между тем, все эти предлагаемые виды экотуристской деятельности не противоречат друг другу, и данные цели можно реализовать одновременно. Например, посещение национального парка в целях приобщения к природным достопримечательностям может иметь одновременно и рекреационную цель, и образовательную, и эстетическую (при этом не ясно, например, как разграничить природоохранную и эстетическую цели). Вместе с тем, представляется обоснованным выделение научной разновидности экотуризма для узких специалистов.

Принципиальное отличие экотуризма от смежных видов туристской деятельности состоит в том, что экотуризм предполагает знакомство с красотой дикой природы, приобщение к местной культуре и предоставление экономических преимуществ местному населению. В отличие от экотуризма, сельский, культурный или приключенческий туризм практикуются исключительно для организации рекреационных мероприятий для туристов, без какого-либо воздействия на охрану природы и развитие местных источников средств к существованию.

Поиск более четких критериев экологического туризма (как и экологического предпринимательства в целом) предполагает учет экотуризма в системе других видов туристской деятельности, осуществляемой туроператором, с ведением соответствующего реестра и предоставлением в перспективе туроператорам определенных грантов, налоговых или иных стимулов и льгот.

3) роль и значение экотуризма для экологического просвещения, воспитания и образования требует дальнейшего исследования. Несомненно, развитие экотуризма влечет повышение уровня эколого-правовой культуры и служит делу популяризации научных экологических знаний. В настоящий момент и в России, и во многих других странах (например, в Китае) основной акцент экологического туризма сделан на созерцании красоты природы, без формирования у туристов понимания ответственности каждого за сохранение дикой природы и ее обитателей. Эту задачу еще предстоит решать, однако в России нет специального федерального закона об экологическом образовании или воспитании. Такие законы есть в некоторых субъектах РФ, например, Закон Волгоградской области от 15 мая 2003 г. № 825-ОД «Об экологическом образовании в Волгоградской области». Однако даже в случае принятия таких законов, в большинстве случаев их разработчики ограничиваются констатацией факта, что туристские организации участвуют в экологической образовательной деятельности. Между тем, образовательная функция экологического туризма должна предполагать последовательное формирование личной стратегии отказа человека от не экологичного поведения, даже если оно имеет краткосрочный экономический эффект, развивать понимание ценности природы, без сохранения которой жизнь человека на нашей планете невозможна. Таким образом, основным содержанием и целью всего процесса экотуризма должна стать пропаганда экологических ценностей, обеспечение того, чтобы охрана природного ландшафта, защита диких животных и растений, формирование любви к природе стали общим желанием

туристов, а экологические обязательства стали осознанным поведением и вошли в кодекс этики экотуристов. Развитие экотуризма должно основываться на следующей предпосылке: необходимо уважать природу, следовать экологическим правилам, отстаивать гармонию между людьми и природой, стремиться к скоординированному развитию экономических, социальных и экологических интересов общества [10, с. 261].

4) свой вклад в развитие экотуризма могут внести экологические поселения (экопоселения), количество которых в европейских странах растет каждый год. Первоначальное строительство таких экопоселений предполагало использование экологически чистых материалов и технологий, развитие в них объектов возобновляемой энергии, а также участие их жителей в выращивании органической (экологически чистой) продукции. Посещение туристами таких поселений, жители которых живут в гармонии с природой, может стать дополнительным аргументом в пользу формирования природоохранного сознания граждан [11, с. 229].

5) при развитии экотуризма необходимо обращать внимание на вопросы охраны природы, особенно в тех местах, где экосистемы являются наиболее уязвимыми. Уже есть много свидетельств того, что массовое появление туристов на территориях хрупких экологических систем влечет ухудшение их качества, как это было зафиксировано на Галапагосских островах, Карибах или горах Непала.

Увеличение строительства туристских объектов усиливает давление на живописные ландшафты и может привести к деградации земель в дополнение к вырубке лесов. Кроме того, инфраструктура туризма может снижать эстетическую привлекательность местности и оказывать прямые или косвенные воздействия на животный мир (например, ограничивая пути миграции животных) [1, с. 103–107]. На Камчатке посещение туристами долины гейзеров привело к нарушению режима термальных источников, и некоторые гейзеры прекратили изливаться. В Архангельской области посещение Пинежских пещер нарушило тепловой и звуковой баланс и привело к массовой гибели летучих мышей [2, с. 8].

В дополнение к этому следует заметить, что туристская индустрия несет ответственность примерно за 5% глобальных выбросов углерода, в основном произведенных из-за использования средств транспорта и проживания [4, с. 48].

В России существует и специальный правовой инструмент, позволяющий снизить антропогенное давление на экосистемы. Согласно ст. 27 Федерального закона «Об охране окружающей среды», нормативы допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду устанавливаются по каждому виду воздействия хозяйственной деятельности с учетом природных особенностей конкретных территорий (акваторий), однако данные нормативы применительно к экотуристским ресурсам пока не определены.

б) для развития экотуризма потребуется решение ряда организационно-технических вопросов, включая обеспечение безопасности на туристских маршрутах, создание упрощенного порядка получения визы зарубежными туристами, создание благоприятной инвестиционной среды, развитие объектов туристской инфраструктуры (дороги, аэропорты, гостиницы, рестораны и т.д.), налаживание контактов российских и зарубежных туроператоров, организующих экотуры и т.д. Для эффективности этих мер необходим комплексный подход к правовому регулированию экотуризма, понимание его роли в модели «зеленой» экономики, принятие программ поддержки на федеральном и региональном уровнях с надлежащим бюджетным финансированием (тем более, что те же дороги или аэропорты могут быть использованы не только для развития туристического бизнеса), создание новой концепции рекламы экотуристского потенциала страны, что позволит повысить уровень осведомленности граждан об экотуризме.

Заключение

Переход на стандарты «зеленой» экономики предполагает экономический рост при снижении уровня бедности, социальную интеграцию и благосостояние человека, а также улучшение состояния всех экосистем планеты. Данные цели полностью совпадают с целями экологического туризма как вида предпринимательской деятельности. Однако развитие в России экологического туризма требует совершенствования нормативной базы, как на федеральном, так и на региональном уровнях, что позволит усилить гарантии экологической безопасности, создаст стимул развития предпринимательской деятельности, увеличит налоговую базу в стране и регионах, позволит создать новые рабочие места.

В связи с этим, представляется целесообразной разработка проекта Федерального закона «Об экологическом туризме в Российской Федерации», принятие которого позволит реализовать стимулы и процедуры развития экологического туризма во многих регионах и Российской Федерации в целом.

Это потребует внесения изменений в Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об охране окружающей среды», его дополнения специальной статьей об особенностях осуществления экотуристической деятельности, ее природоохранных ограничениях, а также изменений в Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об особо охраняемых природных территориях», до сих пор использующий термин «познавательный», а не «экологический» туризм. В указанных нормативных актах должны содержаться экономические стимулы развития экотуризма, а также перечень полномочий органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, органов местного самоуправления в сфере развития экологического туризма, предусматриваться порядок ведения реестра туроператоров, оказывающих данный вид услуг, позволяющих претендовать на государственные льготы и стимулы. Учитывая, что спрос на углеводороды будет постепенно снижаться, необходимо использовать все возможности для компенсации выпадающих доходов бюджета, среди которых экологический туризм может занять свое достойное место.

Список использованной литературы:

1. Анисимов А.П. Отрицательные последствия экологического туризма в России и других странах мира и пути их преодоления. *Новая правовая мысль*. 2016;(2):103–107.
2. Коростелев Е.М. Практикум по экологическому туризму. Учебно-методическое пособие. СПб, 2008.
3. Манкевич И.П. Правовые основы экологического туризма. *Традиции и инновации в праве: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета и 50-летию Полоцкого гос. ун-та, Новополоцк, 6-7 окт. 2017 г., в 3 т.* Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2017;2:231–234.
4. Савинов Ю.А., Уткин А.А. Основные факторы развития «зеленого» туризма в мировой экономике. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2013;(12):45–60.
5. Adom D. The place and voice of local people, culture, and traditions: a catalyst for ecotourism development in rural communities in Ghana. *Scientific African*. 2019; 6:1–12.
6. Bunruamkaewa K., Murayama Y. Site Suitability Evaluation for Ecotourism Using GIS & AHP: A Case Study of Surat Thani Province, Thailand. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 2011; 21:269–278.
7. Forje G.W., Tchamba M.N., Eno-Nku M. Determinants of ecotourism development in and around protected areas: The case of Campo Ma'an National Park in Cameroon. *Scientific African*. 2021;11:1–13.
8. Mapes K. Expanding ecotourism: embedding environmental sustainability in Panama's burgeoning tourist industry. *Harvard Environmental Law Review*. 2009; 33:225–261.
9. Tisca I.A., Istrat N., Dumitrescu C.D., Cornu G. Management of sustainable development in ecotourism. Case Study Romania. *Procedia Economics and Finance*. 2016; 39:427–432.
10. Wang X. Critical Aspects of Sustainable Development in Tourism: Advanced *Ecotourism Education*. *Journal of Sustainable Development*. 2010;3(2):261–263.
11. Zeybek O., Arslan M. Ecovillages: The Place Where Ecotourism Turns Into Educational Tourism. *1st*

References:

1. Anisimov A.P. [Negative consequences of ecological tourism in Russia and other countries of the world and ways to overcome them]. *Novaya pravovaya mysl' = New legal thought*. 2016;(2):103–107. (In Russ.)]
2. Korostelev E.M. [Workshop on ecological tourism]. Educational and methodical manual. St. Petersburg, 2008. (In Russ.)]
3. Mankevich I.P. [Legal foundations of ecological tourism]. *Traditions and innovations in law: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the Faculty of Law and the 50th anniversary of the Polotsk State University, Novopolotsk, October 6-7, 2017, in 3 vols.* Novopolotsk: Polotsk State University, 2017;2:231–234. (In Russ.)]
4. Savinov Yu.A., Utkin A.A. [The main factors of the development of «green» tourism in the world economy]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*. 2013;(12):45–60. (In Russ.)]
5. Adom D. The place and voice of local people, culture, and traditions: a catalyst for ecotourism development in rural communities in Ghana. *Scientific African*. 2019; 6:1–12.
6. Bunruamkaewa K., Murayama Y. Site Suitability Evaluation for Ecotourism Using GIS & AHP: A Case Study of Surat Thani Province, Thailand. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 2011; 21:269–278.
7. Forje G.W., Tchamba M.N., Eno-Nku M. Determinants of ecotourism development in and around protected areas: The case of Campo Ma'an National Park in Cameroon. *Scientific African*. 2021;11:1–13.
8. Mapes K. Expanding ecotourism: embedding environmental sustainability in Panama's burgeoning tourist industry. *Harvard Environmental Law Review*. 2009; 33:225–261.
9. Tisca I.A., Istrat N., Dumitrescu C.D., Cornu G. Management of sustainable development in ecotourism. Case Study Romania. *Procedia Economics and Finance*. 2016; 39:427–432.
10. Wang X. Critical Aspects of Sustainable Development in Tourism: Advanced *Ecotourism Education*. *Journal of Sustainable Development*. 2010;3(2):261–263.
11. Zeybek O., Arslan M. Ecovillages: The Place Where Ecotourism Turns Into Educational Tourism. *1st*

International Conference, on Sea and Coastal Development in The Frame of Sustainability. Karadeniz Technical University, Turkey, 18-20 September 2015. Pp. 226–234.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анатолий Яковлевич Рыженков

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

International Conference, on Sea and Coastal Development in The Frame of Sustainability. Karadeniz Technical University, Turkey, 18-20 September 2015. Pp. 226–234.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly J. Ryzhenkov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure FGBOU VO "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ:
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

**CRIMINAL LAW AND
CRIMINOLOGY:
CRIMINAL EXECUTIVE LAW**

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-46-54>

ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИНСТИТУТА ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Р.Г. Асланян

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Асланян Р.Г. Юридическое содержание института особенной части уголовного права. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(4):46–54.
<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-46-54>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Асланян Руслан Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (928) 845-70-33

E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 10.11.2021

Статья принята к печати: 10.12.2021

Дата публикации: 29.12.2021

Аннотация: Актуальной целью современной науки выступает интеллектуальная поддержка процессов обеспечения системности уголовного права и законодательства. Для достижения поставленной цели необходимо решить задачи, связанные с рассмотрением подходов к определению содержания уголовно-правовых институтов, выявления формы их выражения и сферы действия. В рамках проведенного научного исследования сделаны следующие выводы:

– Содержание институтов особенной части уголовного права может быть адекватно раскрыто при условии соблюдения плюралистического подхода к пониманию права как такового; если генезис и социальное назначение правового института объясняется на основе преимуществ институционального подхода, а его социальное содержание и реальное действие – в рамках социологической интерпретации уголовного права, то для исследования юридического содержания института особенной части и его обособления от социального его содержания сохраняет свои возможности позитивистский подход к праву;

– Поскольку институт права есть элемент системы права, то содержательно он не может отличаться от системы в целом: однородность всех элементов права обеспечивает его системность и целостность. С точки зрения юридического позитивизма институт особенной части уголовного права включает в свое содержание лишь то, что входит в содержание права как такового, а именно нормативные правовые предписания и принципы;

– Различные по своему содержанию нормативные предписания, образующие институт особенной части уголовного права, могут получить объективизацию в разных юридических источниках отрасли уголовного права. Предписания, формулирующие основание уголовной ответственности и модель санкции, могут быть предусмотрены только и исключительно в федеральном уголовном законе, тогда как предписания дефинитивного характера, коллизионные и операциональные вполне могут получить закрепление на уровне иных источников уголовного права;

– Сфера институтов особенной части уголовного права может охватывать собой положения уголовного и административно-деликтного законодательства, как относящегося к единой «уголовной сфере».

Ключевые слова: уголовно-правовой институт, нормативные предписания уголовного права, правовые принципы, источники уголовного права, аналогия в уголовном праве, административно-деликтное законодательство.

LEGAL CONTENT OF THE INSTITUTE OF THE SPECIAL PART OF CRIMINAL LAW

Ruslan G. Aslanyan

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Aslanyan R.G. Legal content of the Institute of the special part of criminal law. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(4):46–54. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-46-54>

CONTACT INFORMATION:

Ruslan G. Aslanyan, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (928) 845-70-33

E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 10.11.2021

The article has been accepted for publication: 10.12.2021

Date of publication: 29.12.2021

Annotation: The actual goal of modern science is the intellectual support of the processes of ensuring the consistency of criminal law and legislation. To achieve this goal, it is necessary to solve problems related to the consideration of approaches to determining the content of criminal law institutions, identifying the form of their expression and scope. Within the framework of the conducted scientific research, the following conclusions were made:

– The content of the institutions of the special part of criminal law can be adequately disclosed, provided that a pluralistic approach to understanding law as such is followed; if the genesis and social purpose of a legal institution is explained on the basis of the advantages of an institutional approach, and its social content and real action are explained within the framework of a sociological interpretation of criminal law, then a positivist approach to law retains its possibilities for studying the legal content of the institution of the special part and its isolation from its social content;

– Since the institution of law is an element of the legal system, it cannot differ in content from the system as a whole: the uniformity of all elements of law ensures its consistency and integrity. From the point of view of legal positivism, the institution of a special part of criminal law includes in its content only what is included in the content of law as such, namely normative legal prescriptions and principles;

– Normative prescriptions of different content that form the institution of a special part of criminal law can be objectified in different legal sources of the branch of criminal law. Prescriptions that formulate the basis of criminal liability and the model of sanction can be provided only and exclusively in the federal criminal law, while prescriptions of a definitive nature, conflict of laws and operational may well be consolidated at the level of other sources of criminal law;

– The sphere of institutions of a special part of criminal law may cover the provisions of criminal and administrative-tort legislation, as related to a single "criminal sphere".

Keywords: criminal law institute, normative prescriptions of criminal law, legal principles, sources of criminal law, analogy in criminal law, administrative and tort legislation.

Введение

Вопрос о содержании уголовно-правового института особенной части уголовного права напрямую связан с пониманием права как такового. Если институт права есть элемент системы права, то содержательно он не может отличаться от системы в целом: однородность всех элементов права обеспечивает его системность и целостность, и институты права могут включать в свое содержание лишь то, что входит в содержание права как такового.

На страницах данной работы мы не можем входить в детальное обсуждение проблем, связанных с пониманием права в рамках различных подходов к его интерпретации. Отметим, что общий контур понимания права в современной российской науке, а равно общее направление теоретических дискуссий было задано еще в 30-е годы прошлого столетия в острых и идеологизированных дискуссиях о существовании права. В частности, известным противостоянием теорий А.Я. Вышинского и Е.Б. Пашуканиса.

Если А.Я. Вышинский (при всех идеологических оговорках и ссылках на марксизм) отстаивал нормативное видение права и определял его как «совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается всей принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [4, с. 27]. То Е.Б. Пашуканис, имея в качестве основы тот же марксизм, развивал социологическое понимание права. Он указывал, в частности: «Юридическое отношение – это первичная клеточка правовой ткани, и только в ней право совершает свое реальное движение. Право как совокупность норм наряду с этим есть не более как безжизненная абстракция. ... В материальной действительности отношению принадлежит примат над нормой. ... Право как объективное социальное явление не может исчерпываться нормой или правилом, все равно записанным или незаписанным. Норма как таковая, т.е. логическое содержание, или прямо выводится из существующих уже отношений, или, если она издана как государственный закон, представляет собой только симптом, по которому можно судить с некоторой долей вероятности о возникновении в ближайшем будущем соответствующих отношений» [12, с. 78–80]. Это противостояние нормативной и социологической концепции отчасти сохраняется сегодня, отчасти приводит к формированию интегративных теорий права, что находит прямое отражение в авторских построениях правовых институтов.

Методы исследования: аналитический, историко-правовой, типологический.

Научная дискуссия и результаты исследования

В современной уголовно-правовой науке нет единства мнений относительно содержания уголовно-правового института. Так, если В.П. Коняхин, исследуя уголовно-правовые институты, последовательно исходит из того, что они состоят лишь из «совокупности нормативных предписаний» [10, с. 164–168], тогда как Н.М. Казанцев, рассуждая о финансово-правовых институтах, отмечает, они образуют «устойчивую группу однородных общественных отношений» [8, с. 7]. Разграничивают «социальное» и «юридическое» в уголовно-правовых институтах В.Д. и О.В. Филимоновы. Под социальным содержанием уголовно-правового института они понимают общественные отношения, но не те, которые уже сложились в объективной действительности, а те, которые должны возникнуть под воздействием норм, образующих эти правовые институты; а под правовым содержанием – правовые нормы, объединенные смысловой связью, формирующей их общую социальную направленность [16, с. 150–152]. Напротив, интегрирует нормативный и социологический элемент уголовно-правового института М.С. Жук, включая в его содержание и нормативные предписания, и правоотношения, возникающие на их основе [7, с. 7–21].

Дискутировать с каждой из представленных точек зрения, на наш взгляд, вряд ли возможно без учета того очевидного обстоятельства, что каждая из них является продолжением авторского понимания права как такового. Критика же этих позиций может считаться допустимой и эффективной только в том случае, если мы примем соответствующее авторское понимание права. Определяя свое отношение к содержанию института особенной части уголовного права, отметим, что оно может быть адекватно исследовано лишь в контексте плюралистической методологии познания и осознания интервальных возможностей каждого из методологических подходов. В связи с этим, считаем возможным в качестве исходной методологической платформы продолжить использование нормативистского подхода к праву и ограничить содержание уголовно-правового института исключительно правовыми предписаниями.

Социальное содержание уголовно-правового института, безусловно важное, должно быть исследовано, однако в рамках принципиально иного научного направления, ассоциированного с социологией уголовного права. При этом, вопреки представленному выше мнению В.Д. и О.В. Филимоновых, предмет ее внимания должны стать не «потенциальные» отношения, которые должны возникнуть в связи с реализацией, заложенной в уголовно-правовой норме программы, а реальные отношения, «реальная жизнь» уголовно-правовой нормы, ибо предметом познания социологии не могут быть футуристические объекты. Вопреки же мнению М.С. Жука¹, полагаем, что социологическое содержание уголовно-правового института не может быть ограничено лишь уголовно-правовыми отношениями или практикой применения уголовно-правовых институтов. При таком подходе возможно исследование лишь одного из аспектов их функционирования, однако игнорируется социальное предназначение и роль в нормативной структуре общества. Нельзя изучать институт ответственности за преступления против собственности, исследуя только практику применения судами соответствующих правовых предписаний, без обращения к институту собственности как таковому, без познания степени его защищенности и без выявления существующих для собственности угроз безопасности. Таким образом, социальное содержание любого уголовно-правового института, в том числе института особенной части, по большому счету, выходит за пределы предмета науки уголовного права и требует для своего изучения качественно иных методических приемов и эмпирических источников. По этой причине в раках нашей работы оно рассмотрено быть не может.

Ограничивая содержание института особенной части уголовного права исключительно нормативными предписаниями, стоит особо оговорить вопрос о роли и месте принципов права в этом содержании, с позиций которых, норма права есть всегда целостное правило поведения субъектов правоотношения [17]. Значимость принципов в праве не оспаривается, пожалуй, никем. Еще А.Я. Вышинский писал, что «нормы позитивного права, как и все позитивное право в целом, должны строиться в соответствии с началами, принципами, установленными теорией права» [4, с. 18]. Развивают эту мысль применительно к институтам права и современные теоретики права. «Для правового института специфичны определенные общие положения, принципы, специфические юридические понятия, определяющие особый режим регулирования», - утверждает А.С. Пиголкин [16, с. 466]. В отраслевых исследованиях настаивает на включении принципов в содержание уголовно-правового института М.С. Жук в своей диссертации, особо оговаривая при этом наличие принципов зафиксированных в тексте нормативных актов и принципов, не отраженных в правовых источниках, то есть доктринальных².

Вряд ли можно оспаривать тот факт, что принципы играют важнейшую роль на уровне права в целом и на уровне отдельных его институтов. Однако стоит отметить, что в науке не предпринимались масштабные усилия в направлении поиска принципов институтов особенной части уголовного права и раскрытия их содержание. Попытки исследователей, к примеру, проанализировать принципы криминализации отдельных видов общественно опасных деяний, по сути своей представляют не обоснование каких-либо специфических принципов, а анализ практики соблюдения общих принципов криминализации общественно опасных деяний применительно к различным сферам уголовно-правового воздействия. Однако, как обоснованно отметил Ж.Л. Бержель: «Общие принципы, от которых происходят юридические правила, не следует смешивать с институтами, которые они питают. ... Обеспечивая институты главной идеей и конечной целью, они не несут в себе ни конкретного их содержания, ни технического выражения» [2, с. 326–327]. На роль принципов отдельных институтов особенной части уголовного права общие принципы права не могут претендовать.

В целом можно уверенно утверждать, что вопрос о принципах институтов особенной части уголовного права остается все еще открытым. Таковые принципы должны быть, с одной стороны, общеобязательными, а с другой стороны, ограничивать свое проявление исключительно рамками того или иного института и не распространять своей действие на иные институты особенной части уголовного права (в противном случае они выйдут за рамки понятия «принцип правового института»). Стоит, однако, учитывать, что, если речь идет о принципах как элементе содержания права, они должны обладать также общими свойствами правовой материи, то есть быть, как минимум, общеобязательными и обладать регулятивными свойствами, способностью участвовать в

¹ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 132.

² Жук М.С. Указ. соч. С. 128–129.

регулировании правоотношений. По этой причине однозначно и, пожалуй, категорично, нельзя согласиться с мнением М.С. Жука о том, что в разряд принципов уголовно-правовых институтов могут входить доктринальные идеи. Такие идеи не есть собственно принципы права, это элементы правового, научного мировоззрения, которые могут лишь косвенно участвовать в правовом регулировании, притом не прямо, а через сознание правотворческих и правоприменительных работников. Но правовое мировоззрение не есть еще право. На роль принципов могут претендовать лишь общеобязательные положения, составляющие фундамент права.

Если же говорить об «идеях», то они, как пишет Ж.Л. Бержель, могут, конечно, организовать вокруг себя некий институт права и выступать его «духовной основой», но эти идеи не есть принципы. [2, с. 313–314, 327]. Полагаем, что в данном случае «идеями» или «основой» выступает некий социальный интерес, который обуславливает, детерминирует сам факт наличия того или иного социального и правового института (как, например, интерес защиты детей формирует институт уголовно-правовой охраны семьи), а, следовательно, такая «идея» выходит за пределы юридического содержания права как непосредственного регулятора общественных отношений. Вне логической формы, обеспечивающей восприятие текста, смысл этого текста будет совершенно неясным [1].

С учетом сказанного, можем заключить, что юридическое исследование институтов особенной части уголовного права в рамках предмета уголовно-правовой науки должно быть ограничено изучением лишь их юридического содержания, в качестве которого могут выступать исключительно нормативные предписания и нормативные принципы. И по этой причине полагаем возможным (с поправкой на отмеченную интервальную возможность любой методологии познания и поправкой на очевидные различия между типичными предписаниями особенной части и нетипичными, к каковым и относятся принципы) поддержать тех теоретиков права, которые утверждают, что «правильное понимание юридической сущности, содержания и структуры системы права возможно лишь в рамках нормативного подхода к пониманию права как системы действующих в государстве юридических норм»¹, что «в структуре правового института неразличимы иные правовые образования, кроме юридических норм»².

Нормативная природа и содержание института особенной части уголовного права закономерно ставят вопрос относительно области поиска нормативных предписаний, составляющих институт. Он, в свою очередь, распадается на несколько связанных составляющих.

Во-первых, это проблема исчерпывающего перечня уголовно-правовых предписаний, а следовательно, и лимитированного в каждый конкретный момент времени объема уголовно-правовых институтов особенной части. Отечественная история известен опыт функционирования института аналогии. Его недолгая поддержка законодателем и отдельными юристами, как известно, завершилась однозначной оценкой аналогии в качестве идеи, «враждебной особенной части Уголовного Кодекса» [14]. Применительно к нашей проблематике это означает, что гарантии принципа законности (ст. 3 УК РФ) предполагают запрет на произвольное конструирование уголовно-правовых предписаний правоприменительными органами и соблюдение законодателем требований правовой определенности при конструировании уголовно-правовых положений. При этом, однако, как указал Конституционный Суд РФ, «требования, предъявляемые к качеству уголовного закона, не означают, что при формулировании его предписаний не могут использоваться оценочные или общепринятые понятия (категории), позволяющие учесть необходимость эффективного применения уголовно-правовых запретов к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций»³.

Не углубляясь в проблему качества и определенности уголовно-правовых предписаний, а равно в детальное обсуждение проблемы допустимости аналогии в уголовном праве подчеркнем следующее. Аналогия, по нашему мнению, есть лишь способ формулирования уголовно-правового предписания. Но допустимость его применения зависит: а) от субъекта, который им пользуется (законодатель, к примеру вполне активно использует прием аналогии для конструирования уголовно-правовых предписаний в особенной части УК РФ, достаточно посмотреть на статьи, которые посвящены противодействию терроризма и экстремизма, и которые, по сути, представляют собой

¹ Киримова Е.А. Правовой институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 9.

² Петров Д.Е. Отрасль права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 14.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алехиной Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 г. № 2521-О. (Документ официально не опубликован).

некие параллельные ряды), б) от содержания самого предписания (по технике аналогии, к примеру, сформулированы правила квалификации всех преступлений, которые, согласно законодательной конструкции, «сопряжены» с иными посягательствами, достаточно вспомнить правила оценки деяний, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ). В этой связи надо признать, что предписания, образующие институт особенной части уголовного права, в принципе, могут быть сформулированы путем применения аналогии. Однако это правило имеет жесткое ограничение в виде запрета на конструирование судами предписаний, создающих непредусмотренные законом основания уголовной ответственности.

Вторая проблема, связанная с поиском нормативных предписаний, образующих институт особенной части уголовного права, связана с характеристикой источников (или иначе – внешних форм выражения) уголовного права. Вопрос этот получил детальное обсуждение в отечественной науке, что в известной степени избавляет нас от необходимости его самостоятельного анализа. Выражая свою поддержку идеи полиисточникового характера отрасли уголовного права, полагаем возможным без дополнительных аргументов присоединиться к точке зрения М.С. Жука о том, что различные по своему содержанию нормативные предписания, образующие институт особенной части уголовного права могут получить закрепление в различных по своему виду источниках уголовного права, а несоответствие вида нормативного предписания уровню источника, в котором оно закреплено, следует рассматривать как существенный дефект правотворчества¹. В связи с этим предписания, формулирующие основание уголовной ответственности и модель санкции, могут быть предусмотрены только и исключительно в федеральном уголовном кодексе, тогда как предписания дефинитивного характера, коллизионные и операциональные нормы вполне могут получить закрепление на уровне иных источников уголовного права.

И, наконец, третий аспект, связанный с областью поиска предписаний, составляющих институт особенной части уголовного права, связан с пониманием границ отрасли уголовного права. В уголовно-правовой литературе, с одной стороны, общепризнанным является мнение о том, что особенная часть уголовного права содержит только описание преступлений и наказаний [6]. Однако в современной российской науке этот вопрос с особенной остротой встал в связи с обсуждением проблемы соотношения уголовного и административно-деликтного права в свете концепции «уголовной сферы», разработанной в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. Статус административно-деликтного права как самостоятельной, формально обособленной, и по большому счету не связанной с уголовным правом отрасли [9, с. 126–135], в последнее время все активнее подвергается критической оценке, как с точки зрения дефектов самого административно-деликтного права, которое «замкнувшись» на себе и оторвавшись от уголовного права, стало развиваться по пути «расползания репрессивности» [11, с. 175–194], так и с точки зрения нарастающей рассогласованности предписаний уголовного и административно-деликтного права [3, с. 77–78], при том, что согласно позиции Конституционного Суда РФ, «административная ответственность и ответственность уголовная, будучи разновидностями публично-правовой ответственности, преследуют общую цель охраны публичных интересов, прежде всего таких как защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка», «имеют схожие задачи, принципы и тем самым дополняют друг друга»². Особенная часть уголовного права не должна содержать «банального» перечня преступлений, она должна содержать описание (в идеале – развернутое) признаков этих преступлений [13]. Это обстоятельство актуализирует вопрос о существовании уголовного права «в широком смысле», включающего в свой объем все предписания, дифференцированные в отрасли собственно уголовного и административно-деликтного права – возникает вопрос об уточнении границ уголовного права. Л.В. Головкин высказывается на этот счет вполне определенно. Он пишет: «российская система с советских времен закупила себя в сугубо формальном подходе к уголовному праву, сведенному исключительно к Уголовному кодексу, что вызвало, с одной стороны, кристаллизацию границ права, официально объявленного «уголовным», а с другой стороны – размывания границ права, не удостоенного такого наименования». Такое положение вещей аргументированно оценивается им весьма критически. Настаивая не на формальном, а на функциональном понимании уголовного права, Л.В. Головкин заключает:

¹ Жук М.С. Указ. соч. С. 139–143.

² По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 20-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 5.

«современное российское уголовное право не может более укрываться за формальным фасадом Уголовного кодекса»; «следует наконец-то отказаться от устаревшей советской концепции о том, что уголовное право содержится только в Уголовном кодексе – данная концепция реальности не соответствует. Отныне российская правовая система должна исходить из дуализма источников уголовного права: а) Уголовного кодекса, кодифицирующего на основе принципа «полноты кодификации» нормы о преступлениях и проступках; б) Кодекса мелких правонарушений, кодифицирующего нормы о правонарушениях при параллельном обсуждении вопроса, в какой мере реалистично также выстроить данный кодекс на основе принципа полноты кодификации» [5, с. 78, 85–86].

Очевидно, что обсуждение отраслевых границ уголовного права, теоретических основ, принципов и методики интеграции уголовного и административно-деликтного законодательства должно составлять предмет широкого и самостоятельного дискурса. Исследование же вопросов институционального строения уголовного права может выступать лишь следствием, вторым этапом решения принципиального вопроса о том, составляют ли эти отрасли единое правовое образование. С учетом этого обстоятельства, вполне логично рассуждать, что сфера институтов особенной части уголовного права может рассматриваться, с одной стороны, как сущее, то есть с предметным ограничением нормативных предписаний исключительно положениями УК РФ, и как возможное (или должное), то есть, исходя из признания единства природы уголовного и административно-деликтного законодательства. Полагаем, что именно второй подход в лучшей степени отвечает истинной природе уголовного права как публичной отрасли, призванной защитить общество от противоправных посягательств, обладающих общественной опасностью. Он же в большей степени отвечает задаче уголовного права защитить личность от необоснованных ограничений со стороны государственной власти. В силу этого на уровне теоретического анализа в качестве одного из элементов общей дискуссии о границах уголовного права вполне допустимо и оправданно говорить об институтах уголовного права (в том числе его особенной части) как о системе предписаний, в настоящее время рассредоточенных в УК РФ и КоАП РФ.

Заключение

– Содержание институтов особенной части уголовного права может быть адекватно раскрыто при условии соблюдения плюралистического подхода к пониманию права как такового; если генезис и социальное назначение правового института объясняется на основе преимуществ институционального подхода, а его социальное содержание и реальное действие – в рамках социологической интерпретации уголовного права, то для исследования юридического содержания института особенной части сохраняет свои познавательные возможности юридический позитивизм;

– Поскольку институт права есть элемент системы права, то содержательно он не может отличаться от системы в целом: однородность всех элементов права обеспечивает его системность и целостность. С точки зрения юридического позитивизма институт особенной части уголовного права включает в свое содержание лишь то, что входит в содержание права как такового, а именно нормативные правовые предписания и принципы, при условии, однако, что речь идет о принципах, которые обладают общими свойствами правовой материи, как минимум, общеобязательностью и способностью участвовать в регулировании правоотношений (принципы как идеи или как элемент правового мировоззрения частью содержания уголовно-правового института быть не могут);

– Различные по своему содержанию нормативные предписания, образующие институт особенной части уголовного права, могут получить закрепление в различных по своему виду источниках уголовного права. Предписания, формулирующие основание уголовной ответственности и модель санкции, могут быть предусмотрены только и исключительно в федеральном уголовном законе, тогда как предписания дефинитивного характера, коллизионные и операциональные вполне могут получить закрепление на уровне иных источников уголовного права;

– Сфера институтов особенной части уголовного права может рассматриваться, с одной стороны, как сущее, то есть с ограничением предметного содержания институтов исключительно положениями УК РФ и корреспондирующими им иными предписаниями, и как возможное (или должное), то есть, исходя из признания единства природы уголовного и административно-деликтного законодательства. Этот второй подход в лучшей степени отвечает истинной задаче уголовного права как публичной отрасли, призванной защитить общество от противоправных посягательств, обладающих общественной опасностью.

Список использованной литературы:

1. Alsafw N.A. Drafting Methods of Criminal legal texts. 1. Alsafw N.A. Drafting Methods of Criminal legal texts.

References:

- Journal Sharia and Law*. 2015;2015(62). Available at: https://scholarworks.uaeu.ac.ae/sharia_and_law/vol2015/iss62/4
2. Бергель Ж.Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. М.: Nota Bene, 2000.
3. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. М.: РГУП, 2017.
4. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. *Советское государство и право*. 1938;(4).
5. Головкин Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу. *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2013;(2).
6. Engisch K. Einführung in das Juristische Denken. 9 Aufl. Stuttgart: Kohlhammer; 1997.
7. Жук М.С. Понятие и признаки института уголовного права. *Российский ежегодник уголовного права*. 2011;(3-5).
8. Институты финансового права / под ред. Н.М. Казанцева. М.: Юриспруденция, 2009.
9. Кирин А.В. Уголовное и административно-деликтное право: партнерство, а не патернализм. *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2013;(2).
10. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.
11. Никонов М.А. Автономное значение понятия «уголовное обвинение» в практике Европейского Суда по правам человека. *Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека*. 2016;(2).
12. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм (3-е изд., 1929) // Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980.
13. Simons K.W. Understanding the Topography of Moral and Criminal Law Norms. In: Duff R.A. and Green S. «*Philosophical Foundations of Criminal Law*». Oxford University Press; 2011. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199559152.003.0011>
14. Пионтковский А. Полностью разоблачить порочные положения Вышинского в теории советского уголовного права. *Социалистическая законность*. 1962;(7):10–15; Тагер А.С. Проблема законности в Уголовном кодексе РСФСР. *Право и жизнь. Журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства*. 1922;1.
15. Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2008.
16. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М.: Юриспруденция, 2014.
17. Weisberg R. Norms and Criminal Law and the Norms of Criminal Law Scholarship. *Stanford Law School, Public Law Working Paper*. 2003;(60). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.426880>
- Journal Sharia and Law*. 2015;2015(62). Available at: https://scholarworks.uaeu.ac.ae/sharia_and_law/vol2015/iss62/4
2. Bergel J.L. [General theory of law] / under total. ed. IN AND. Danilenko. M.: Nota Bene, 2000. (In Russ.)]
3. [The interaction between criminal and tort law] / ed. Yu.E. Pudovochkina, N.I. Pikurov. M.: RGUP, 2017. (In Russ.)]
4. Vyshinsky A. Ya. [Main tasks of the science of Soviet socialist law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet state and law*. 1938;(4). (In Russ.)]
5. Golovko L.V. [The boundaries of criminal law: from formal to functional approach]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal = Library of criminalist. Scientific journal*. 2013;(2). (In Russ.)]
6. Engisch K. *Einführung in das Juristische Denken*. 9 Aufl. Stuttgart: Kohlhammer; 1997.
7. Zhuk M.S. [The concept and features of the Institute of Criminal Law]. *Rossiiskii ezhegodnik ugovornogo prava = Russian Yearbook of Criminal Law*. 2011;(3-5). (In Russ.)]
8. [Institutes of financial law] / edited by N.M. Kazantsev. M.: Jurisprudence, 2009. (In Russ.)]
9. Kirin A.V. [Criminal and administrative-tort law: partnership, not paternalism]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal = Library of Criminalist. Scientific journal*. 2013;(2). (In Russ.)]
10. Konyakhin V.P. [Theoretical foundations of the construction of the General part of the Russian Criminal law]. St. Petersburg: Law Center Press, 2002. (In Russ.)]
11. Nikonov M.A. [Autonomous meaning of the concept of "criminal prosecution" in the practice of the European Court of Human Rights]. *Rossiiskii ezhegodnik Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka = Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights*. 2016;(2). (In Russ.)]
12. Pashukanis E.B. [The general theory of law and Marxism (3rd ed., 1929)] // Pashukanis E.B. Selected works on the general theory of law and the state. M.: Nauka, 1980. (In Russ.)]
13. Simons K.W. Understanding the Topography of Moral and Criminal Law Norms. In: Duff R.A. and Green S. «*Philosophical Foundations of Criminal Law*». Oxford University Press; 2011. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199559152.003.0011>
14. Piontkovsky A. [To fully expose the vicious provisions of Vyshinsky in the theory of Soviet criminal law]. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist legality*. 1962;(7):10–15. (In Russ.); Tager A.S. [The problem of legality in the Criminal Code of the RSFSR]. *Pravo i zhizn'. Zhurnal, posvyashchennyi voprosam prava i ehkonomicheskogo stroitel'stva = Law and Life. Journal devoted to issues of law and economic construction*. 1922;1. (In Russ.)]
15. [Theory of state and law] / ed. A.S. Pigolkina, Yu.A. Dmitrieva. 2nd ed., rev. and add. M.: Higher education, 2008. (In Russ.)]
16. Filimonov V.D., Filimonov O.V. [Institute of Law. Institute of Criminal Law. Institute of Penal Enforcement Law]. M.: Jurisprudence, 2014. (In Russ.)]
17. Weisberg R. Norms and Criminal Law and the Norms of Criminal Law Scholarship. *Stanford Law School, Public Law Working Paper*. 2003;(60). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.426880>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Асланян Руслан Георгиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0149-3081>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan G. Aslanyan

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology of the
FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0149-3081>

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-55-63>

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ СБОРА И АНАЛИЗА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Р.И. Дремлюга*, А.И. Коробеев

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
(п. Аякс, 10, о. Русский, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690922)

Ссылка для цитирования: Дремлюга Р.И., Коробеев А.И. Применение искусственного интеллекта для сбора и анализа доказательств. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(4):55–63. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-55-63>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Дремлюга Роман Игоревич, кандидат юридических наук, заместитель директора Юридической школы по развитию, руководитель программы «Искусственный интеллект и большие данные» Института математики и компьютерных технологий

Адрес: п. Аякс, 10, о. Русский, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690922

Тел.: + 7 (423) 265-24-24

E-mail: dremluga.ri@dvfu.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-29-16129

Статья поступила в редакцию: 18.10.2021

Статья принята к печати: 18.11.2021

Дата публикации: 29.12.2021

Аннотация: В статье исследуются существующие подходы к вопросу применения искусственного интеллекта для сбора и анализа доказательств. Решаются задачи, связанные с определением предела и требований для использования систем искусственного интеллекта в работе следствия с доказательствами. Выявляются методологические принципы их систематизации и классификации для определения перспектив применения искусственного интеллекта для сбора и анализа доказательств.

Методы: Работа опирается на требования и принципы системного анализа, а именно: объективность, всесторонность, полнота исследования. Основной метод исследования – классификация, предполагающая охват всех объектов классификационного деления и обоснование объективных оснований для их градации на виды.

Результаты: в качестве исходной позиции отмечены общие требования для использования технологии искусственного интеллекта с целью принятия решений, существенно влияющих на жизнь людей. Доказано отличие необходимых требований, предъявляемых к системам, для сбора и анализа доказательств. Признано, что одной из ключевых проблем остается обеспечение прозрачности принимаемых интеллектуальных решений и рекомендаций. В первую очередь это касается решений, основанных на использовании машинного обучения глубоких нейронных сетей. Модели машинного обучения часто очень сложны и поэтому не поддаются непосредственной проверке человеком. Для их понимания и прозрачности необходимо предусматривать специальные средства интерпретации и анализа результатов. Особо авторы отмечают, что использовать результаты работы непрозрачных систем искусственного интеллекта для сбора и анализа доказательств надо крайне осторожно, так как система не так предсказуема, как традиционные компьютерные программы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, сбор и анализ доказательств, криминалистика, уголовное право.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO GATHER AND ANALYSE EVIDENCE

Roman I. Dremluiga*, Alexander I. Korobeev

FGAOU VO "Far Eastern Federal University"

(Ayaks 10, p. Russkiy, Vladivostok, Primorsky Krai, Russia, 690922)

Link for citation: Dremluiga R.I., Korobeev A.I. The use of artificial intelligence to gather and analyse evidence. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(4):55–63. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-55-63>

CONTACT INFORMATION:

Roman I. Dremluiga, Cand. of Sci. (Law), Deputy Director of the Law School for Development, Head of the Artificial Intelligence and Big Data Master Program, Institute of Mathematics and Computer Technology

Address: Ayaks 10, p. Russkiy, Vladivostok, Primorsky Krai, Russia, 690922

Tel.: + 7 (423) 265-24-24

E-mail: dremluiga.ri@dvfu.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16129

The article was submitted to the editorial office: 18.10.2021

The article has been accepted for publication: 18.11.2021

Date of publication: 29.12.2021

Annotation: This article explores existing approaches to the issue of applying artificial intelligence to evidence collection and analysis. Problems associated with the definition of the limit and requirements for the use of artificial intelligence systems in the work of investigation with the evidence are solved. The methodological principles of their systematization and classification for determining the prospects of application of artificial intelligence for the collection and analysis of evidence are revealed.

Methods: The work is based on the requirements and principles of system analysis, namely: objectivity, comprehensiveness, completeness of the study. The main method of research is classification, which assumes the coverage of all objects of the classification division and the justification of objective grounds for their gradation into types.

Results: The general requirements for the use of artificial intelligence technology to make decisions that significantly affect people's lives are noted as a starting point. The differences in the necessary requirements for systems to collect and analyse evidence have been proven. It is recognised that one of the key challenges remains the transparency of intelligent decisions and recommendations. This is particularly the case with deep neural network machine learning solutions. Machine learning models are often very complex and therefore not directly verifiable by humans. In order to understand and make them transparent, special tools for interpreting and analysing results must be provided. The authors point out in particular that the results of opaque artificial intelligence systems must be used with great care in gathering and analysing evidence, as the system is not as predictable as traditional computer programs.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, evidence collection and analysis, forensics, criminal law.

Введение

Искусственный интеллект является прорывной информационной технологией, которая имеет существенное влияние на жизнь общества уже сейчас и, судя по всему, коренным образом преобразует все социальное устройство в будущем. Логично предположить, что технология, которая так кардинально повлияет на общество, изменит и сферу борьбы с преступностью, сможет повысить выявляемость преступных деяний и упростить процесс сбора доказательств вплоть до его полной автоматизации.

Существует множество определений искусственного интеллекта. Для простоты мы будем оперировать определением зарубежных исследователей, которые понимают искусственный интеллект как способность машины (технического средства, компьютера) имитировать интеллектуальное поведение (англ. AI is the capability of a machine to imitate intelligent behavior) [16, с.

23]. Речь о поведении, до этого приписываемого только человеку, от анализа информации и поиска закономерностей до творческой деятельности.

Отдельные российские авторы подчеркивают, что «интеллектуальной называется система, способная целеустремленно, в зависимости от состояния информационных входов, изменять не только параметры функционирования, но и сам способ своего поведения, причем способ поведения зависит не только от текущего состояния информационных входов, но также и от предыдущих состояний системы» [10, с. 67]. Данное определение очерчивает один из признаков, отличающих системы искусственного интеллекта от других компьютерных систем. Интеллектуальные системы более самодетерминированы и менее зависят от входных параметров, чем другие компьютерные системы. Логично, что интеллектуальная система может анализировать информацию и находить закономерности в данных, которые связаны с совершением преступлений.

В настоящий момент жизнь людей все больше переносится в пространство виртуальное. Вместо реальных свиданий онлайн знакомства, вместо магазина из бетона и стекла страница в сети Интернет, вместо активного отдыха на природе многопользовательские компьютерные игры. Не избежала переноса в киберпространство и преступная деятельность. В сети торгуют наркотиками [5], склоняют к самоубийству, распространяют порнографические материалы и многое другое. Анализ таких объемов противоправной информации, которая публикуется в сети, в целях выявления преступлений требует огромных людских ресурсов. В свою очередь искусственный интеллект может решить данную проблему, предлагая дешевый и быстрый способ выявления и анализа огромного массива информации, публикуемой в соцсетях.

Целью данного исследования является определение пределов и систематизация применения анализа социальных сетей с помощью искусственного интеллекта для выявления преступлений и сбора доказательств. Нет сомнений, что использование данной перспективной технологии должно расширить возможности правоохранительных органов в сфере повышения эффективности установления личности преступников и привлечения их к уголовной ответственности. Однако, на наш взгляд, исследование не может быть в должной степени качественным и состоятельным в отрыве от оценки реальных возможностей технологии на данный момент и прогнозирования ее развития в ближайшем будущем.

Методы исследования

Данное исследование является результатом анализа работ российских и зарубежных авторов, посвященных применению искусственного интеллекта для выявления преступлений, сбора и анализа доказательств. Посредством обзора публикаций авторы пытаются оценить возможности современных интеллектуальных технологий в вопросе выявления противоправной деятельности и поиска доказательств в открытых электронных источниках. Анализ предпринимается и с целью выявить пределы возможного применения технологии искусственного интеллекта в данной сфере, а также риски, связанные с ее использованием.

Результаты исследования

А) Характеристики искусственного интеллекта.

В наши дни наиболее распространенным подходом для разработки систем искусственного интеллекта являются глубокие нейронные сети. Суть данного метода построения заключается в компьютерной имитации нейронных сетей живых организмов (например, головного мозга человека). Применение нейронных сетей позволяет эффективно решать задачи разного спектра – от имитации речи человека до навигации автомобиля [7, с. 7–10]. Во многих сферах искусственный интеллект уже значительно эффективней, чем человеческий мозг. Например, интеллектуальная система, разработанная компанией Google, обыграла нескольких чемпионов по азиатским шашкам Го. Долгое время считалось, что превосходство компьютера в этой сфере недостижимо, так как данный вид настольной игры невозможно просчитать¹. Стоит отметить, что систему научили выигрывать не программисты, а она сама научилась играть на таком превосходном уровне, тренируясь играть против самой себя. Для того, чтобы играть лучше людей-чемпионов искусственный интеллект сыграл 29 млн тренировочных партий [17].

Традиционная ошибка, которая тиражируется в современной юридической литературе, сводится к неправильному пониманию процесса создания систем искусственного интеллекта. Системы, основанные на искусственных нейронных сетях (а их сейчас большинство), не программируются, а обучаются. Для тренировки искусственного интеллекта нужны либо большие объемы данных, либо взаимодействие с системами, которые генерируют данные. Разработчик в этом

¹ Количество комбинаций в данной игре больше, чем атомов во вселенной

случае не определяет все возможные варианты поведения системы, а лишь проектирует архитектуру и проверяет соответствие работы системы после обучения заданным целям. Предсказать, как будет вести себя система, можно лишь с определенной долей вероятности. Неправильное понимание процесса создания и характеристик работы систем искусственного интеллекта ведет к затруднению во внедрении систем искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность.

Например, некоторые российские исследователи считают, что алгоритм действий робота создается человеком, даже если речь идет об искусственном интеллекте и самообучаемых нейронных сетях [3, с. 51]. Другие же считают, что важнейшим вопросом использования интеллектуальных компьютерных систем является правовая регламентация «вопроса об ошибках при программировании и их последствиях» [4, с. 17].

В рамках нашего исследования мы выделяем два основных отличия систем искусственного интеллекта от традиционных компьютерных систем: автономность и непрозрачность.

Как справедливо отмечают некоторые исследователи, существенно значимыми характеристиками автономности являются:

- субъектность (в том числе – автономность как интеллектуального агента, самостоятельность и самореферентность в самообучении и в выработке и принятии решений);
- когнитивная и адаптационная автономность;
- пространственно-кинетическая автономность (речь об аппаратной автономности и возможности физически воздействовать на окружающий мир);
- автономность программно-энергетического управления (в том числе самостоятельность в само-включении-отключении-перезапуске и возможность воспрепятствования внешнему отключению);
- энергетическая автономность [8, с. 105].

Таким образом, автономность означает, что, хотя бы де-факто центром принятия решений становится система искусственного интеллекта. Системы сами способны анализировать информацию, классифицировать данные, принимать решения (в зависимости от ситуации) автономно от человека. Примером типичной задачи классификации данных является выявление возможных подозреваемых на месте преступления. Система, имея данные о времени, месте и типе преступления, пользуясь информацией с камер наблюдения выдает суждения о возможных подозреваемых [11]. Это не означает, что такая криминалистическая работа полностью избавляет правоохранительные органы от проведения подобных действий. Тем не менее применение системы искусственного интеллекта экономит ресурсы и повышает эффективность такой работы. То есть автономность ИИ не означает, что вмешательства человека не требуется вообще, но умные системы способны проделывать значительную часть интеллектуальной работы без участия человека.

Серьезным ограничением для использования интеллектуальных систем правоохранительными органами является их непрозрачность. Это свойство характерно для большинства современных систем искусственного интеллекта, использующих глубокие нейронные сети. Непрозрачность можно понимать в нескольких смыслах. Во-первых, непрозрачность на основании закона, когда речь идет о коэффициенте нейронной сети или ее архитектуры в связи тем, что это интеллектуальная собственность компании или государственная тайна [12, с. 3].

Второй вариант непрозрачности интеллектуальных систем вызван тем, что понимание принципов работы систем искусственного интеллекта – это специализированный навык, недоступный для большинства людей. Необходимо изучать синтаксис языков программирования, чтобы понимать компьютерные программы [12, с. 4]. С архитектурой современных систем искусственного интеллекта, например, нейронных сетей, все еще сложнее. Для понимания работы ИИ требуются как глубокие математические знания, так и погружение в компьютерные методы анализа данных [7, с. 38].

Третий вид непрозрачности в некотором смысле непреодолим. Современные системы искусственного интеллекта настолько сложны, что практически недостижимы для человеческого понимания. Например, система искусственного интеллекта может оперировать триллионами единиц данных в тысячемерном пространстве [12, с. 4]. Специалист в лучшем случае сможет понять основные характеристики работы системы, но никогда не предскажет результаты ее работы в каждом конкретном случае.

Современные системы ИИ, как правило, очень сложны и в основном не способны объяснить, как и почему они пришли к такому решению. Без этих знаний и обоснований доказательство соответствия криминалистическим стандартам практически невозможно. Чтобы сократить время криминалистической экспертизы, осуществляемой с помощью ИИ (прежде всего глубоких

нейронных сетей), необходимо использовать специальные модели визуализации и объяснения решений. К сожалению, несмотря на значительные прорывы в этой области, большинство систем не соответствует критериям необходимой «прозрачности». Прозрачность, по сути, – это возможность получить доступ к логике, лежащей в основе решения, принятого обученной для решения каких-то задач системой ИИ [15].

Таким образом, для выявления преступлений и сбора доказательств должны использоваться только понятные системы, логика решений которых прозрачна для специалистов. В противном случае использовать непрозрачные системы в криминалистической сфере не представляется возможным. Использование систем, логику которых мы не понимаем, будет сродни тому, как если бы мы использовали для определения подозреваемых гадание на кофейной гуще.

Одним из самых распространенных рисков, упоминаемых в научной литературе, который связан с использованием непрозрачных систем ИИ в правоохранительной деятельности, является маргинализация каких-либо групп людей. В сфере уголовного правосудия необъективный вывод, приводящий к дискриминационному эффекту, может нанести серьезный ущерб вовлеченным лицам. Так, в США независимыми экспертами было доказано, что запатентованный алгоритм под названием COMPAS, используемый при принятии решений об освобождении под залог, дал результат, который был предвзятым по отношению к чернокожим обвиняемым несмотря на то, что раса не использовалась в качестве предиктора [13]. При этом непрозрачная система использовалась на протяжении почти десятилетия до того, как был обнаружен ее существенный недостаток. Таким образом, существует риск, что такие системы будут направлены прежде всего против людей, которые стереотипно воспринимаются обществом как преступные элементы. Скажем, это могут быть какие-либо национальности или профессии.

Б) Необходимые качества системы ИИ, используемой для сбора и анализа доказательств.

Для того чтобы избежать вышеупомянутого и других рисков, связанных с системами ИИ, которые используются в уголовном процессе, алгоритм должен обладать следующими свойствами: консультативный характер; законность использования данных; детализация данных; возможность оспаривания; точность; ответственность; объяснимость [14].

Консультативный характер подразумевает, что программа является лишь консультантом сотруднику правоохранительных органов, который является истинным центром принятия решений. При этом необходимо удостовериться, что использование ИИ не подразумевает простую легализацию его решений человеком. И человек из крови и плоти осознано принимает или не принимает совет, предложенный системой.

Законность означает, что данные, используемые для принятия решений системой ИИ, максимально не персонализированы. Также это подразумевает, что вмешательство в личную жизнь людей пропорционально рискам, которые устраняются с помощью такого вмешательства. Так, для выявления лиц, разбрасывающих мусор на улице, будет не пропорционально получать доступ ко всем финансовым данным или данным о перемещении таких лиц за месяц.

Детализация данных подразумевает, что мы знаем, каким образом получены данные для обучения нашей системы ИИ. Мы должны также понимать характеристики этих данных, их охват и представительность. Кроме того, необходимо понимать, кто работал и как получил данные, используемые для принятия решения.

Возможность оспаривания подразумевает, что любой вывод, сделанный системой искусственного интеллекта, может быть оспорен. Кроме того, должна быть доступна вероятностная оценка принятого решения. Например, решение ИИ может быть принято на пороге допустимой вероятности его правильности, такое решение обладает меньшей степенью достоверности и применимости при анализе и сборе доказательств.

Точность как характеристика ИИ означает долю правильных ответов, которые дает система. Точность должна регулярно подвергаться переоценке, так как с течением времени данные, которые поступают для принятия решений системой, могут значительно отличаться, от тех, на которых система училась. Например, если мы разработали систему, которая определяет возраст человека, написавшего текст, со временем стиль письма и характерные выражения для разного возраста могут меняться, поэтому точность модели должна уменьшиться.

Ответственность использования подразумевает соответствие общественным интересам и этическим нормам. Использование системы должно оцениваться не только с точки зрения технических характеристик, но и ее влияния на общество. В случае с оценкой и анализом доказательств посредством ИИ при неправильном использовании или ошибке в алгоритме

последствия могут быть катастрофическими. Поэтому правоохранительным органам следует применять интеллектуальную систему, осознавая все риски такого применения для общества.

Пожалуй, самая главная характеристика систем искусственного интеллекта для сбора и анализа доказательств – это объяснимость. Без объяснения того, как было получено или выделено отдельное доказательство или их группа, невозможно их использование в уголовном процессе. Зачастую вопросы к системам ИИ формулируются таким же образом, как и к экспертам-криминалистам, следовательно, система должна предоставлять степень объяснимости не ниже, чем это происходит при работе экспертов.

Существуют первые нормативные документы, которые определяют требования к системам ИИ, используемым в судебной сфере. Так, европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы была принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях [6]. Хартия выделяет пять ключевых требований, которые предъявляются к использованию систем искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях.

Принцип уважения основополагающих прав означает соблюдение основных прав и неприкосновенность основных свобод, закрепленных в нормативных документах Совета Европы. Данный принцип касается как разработчика, так и пользователя ИИ в судебных системах.

Принцип недискриминации подразумевает, что дискриминация посредством интеллектуальных систем недопустима. Это относится как к дискриминации определенных групп, так и отдельных лиц.

Принцип качества и безопасности предполагает, что должны использоваться только проверенные и сертифицированные системы и источники данных, которые отвечают стандартам безопасности технологических продуктов.

Принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности сводится к тому, что используемые технологии должны быть понятными и доступными для внешнего наблюдателя. Кроме того, необходимо регулярное проведение внешнего аудита и обеспечение общественного контроля результатов работы системы. Аудит также необходим для понимания актуальности предлагаемых интеллектуальной системой решений. Социальная реальность может меняться катастрофически быстро, а значит система, обучавшаяся на старых данных, будет давать результаты, нерелевантные действительности.

Принцип контроля пользователем означает, что необходимо избегать простого автоматического применения рекомендаций и решений, предлагаемых искусственным интеллектом. Пользователю следует быть информированным о характере решения и нести ответственность за его применение. В контексте деятельности по сбору и анализу доказательств данный принцип имеет ключевое значение, так как от рекомендации или решения, предлагаемых системой, может зависеть свобода невиновного лица или возможность привлечения к ответственности действительного преступника.

В) Использование систем искусственного интеллекта для сбора и анализа доказательств.

Искусственный интеллект может быть использован во многих сферах криминалистики. Так, по мнению некоторых исследователей, системы, в основе которых используются глубокие нейронные сети могут применяться в следующих частных и общих направлениях:

1. Оценка исходной информации по уголовному делу в целях выдвижения простых и комплексных следственных версий, определения направлений их проверки.

2. Моделирование события преступления и его следовой картины на основе неполных данных и предшествующего «опыта», охватывающего большой массив уголовных дел.

3. Выявление признаков серийности в условиях информационной недостаточности и предложение вариантов действий следователя по проверке перспективных следственных версий.

4. Увеличение эффективности почерковедческих и габитоскопических исследований (например, автоматизация выявления признаков подлога документов).

5. Поиск недоступных криминалистическому программному обеспечению компьютерных файлов, сокрытых, например, при помощи стеганографии или альтернативных потоков данных, установление первичного источника информации в сети Интернет.

6. Дополнительная оценка достаточности собранных доказательств для предъявления обвинения или направления уголовного дела прокурору.

7. Прогнозирование совершения преступления в будущем на основе анализа признаков совершенных преступлений с точки зрения их локализации, социальных характеристик участвующих лиц, средств массовой информации.

8. Стратегическое планирование, к примеру построение логических моделей [1, с. 46].

Лучше всего ИИ, основанные на нейронных сетях, ищут скрытые закономерности на больших массивах данных. Поиск взаимосвязей на больших объемах информации недоступен человеку без применения математических методов. Так, в результате одного из исследований искусственный интеллект был применен к анализу серийных преступлений. В результате использования методов ИИ были выявлены типичные признаки преступлений и закономерные связи между ними. Обученные учеными интеллектуальные системы поддержки принятия решений дали возможность прогнозировать с высокой точностью расстояние от места преступления до места жительства преступника, возраст преступника, наличие у него психического заболевания и судимости, а также некоторые другие характеристики [2].

В рамках другого исследования было доказано, что искусственный интеллект необходим для использования в работе следователя. Это позволяет повысить его эффективность, решить проблему нехватки квалифицированных кадров для органов следствия, а также увеличить долю раскрываемости преступлений. В настоящий момент количество данных, накопленных в рамках следственной работы, достигло того значения, когда можно эффективно обучать нейронные сети и использовать другие методы ИИ [9].

Научная дискуссия

Один из наиболее дискуссионных вопросов, который возникает в связи с достижениями в сфере использования искусственного интеллекта, заключается в готовности применять полученные знания для сбора и анализа доказательств. Несмотря на то, что ИИ перспективен для внедрения практически в любой сфере, в рассматриваемом случае остается открытым ряд вопросов.

Одной из ключевых проблем является обеспечение прозрачности принимаемых интеллектуальных решений и рекомендаций. В первую очередь это касается решений, основанных на использовании машинного обучения глубоких нейронных сетей. Традиционная разработка программного обеспечения, система которой складывалась годами, следует определенному «жизненному циклу». Он начинается с определения требований, проходит через проектирование к реализации, например, кодированию, а затем программное обеспечение постепенно тестируется по мере интеграции отдельных частей программного обеспечения в общую систему. Там, где системы являются критически важными, требования к этапам жизненного цикла очень строгие и прозрачные. Ключевые требования, например, к безопасности, определяются и уточняются на каждом этапе разработки. Также проводится стандартизированное тестирование, которое охватывает необходимые диапазоны входных данных. Как правило, при наличии официальной системы регулирования стандарты определяют, что необходимо сделать для достижения уверенности и получения разрешения на развертывание системы.

В отличие от этого, разработка систем на основе нейронных сетей является весьма итеративным процессом, с совершенно иным жизненным циклом, и существующие стандарты не дают основы для обеспечения гарантий. Модели, лежащие в основе систем машинного обучения, обучаются на данных, представляющих проблему, которую необходимо решить, а затем их производительность оценивается по заранее заданным критериям и совершенствуется до тех пор, пока их производительность не станет удовлетворительной. Эти модели полезны, поскольку они обобщают данные, полученные в ходе начального обучения. Например, автономные транспортные средства могут идентифицировать пешеходов в ситуациях, которых не было в наборе данных для обучения, предсказывать их траекторию и выполнять маневры, чтобы избежать столкновения. То есть работать на данных реального мира, а не заданного набора.

Модели машинного обучения часто очень сложны и поэтому не поддаются непосредственной проверке человеком («непрозрачная модель» или «черный ящик»). Кроме того, структура модели машинного обучения может не соответствовать характеристикам, которые человек использовал бы при принятии решений, поэтому интерпретация останется сложной, даже если бы модель можно было проверить. Некоторые системы анализа изображений могут ошибочно классифицировать объекты, когда добавляется небольшое количество шума, незаметного для человека, но очень значимого в модели из-за особенностей обучения.

Непрозрачность автоматически означает, что использовать результаты работы систем искусственного интеллекта для сбора и анализа доказательств надо крайне осторожно, так как система не так предсказуема, как традиционные компьютерные программы. Необходимо прилагать дополнительные усилия, чтобы сделать логику работы программы прозрачной для пользователя и лиц, на чью жизнь влияют полученные результаты. Любая система, которая используется в рамках следствия по уголовному делу, должна быть доступна для внешнего аудита своей работы.

Заключение

Применение искусственного интеллекта для сбора и анализа доказательств – вопрос достаточно новый. Технология, как и опыт ее применения, только начинают складываться. На этом этапе развития рано говорить о применимости или неприменимости систем искусственного интеллекта для сбора и анализа доказательств. В нашем научном обзоре мы попытались очертить рамки и требования для использования таких систем. Основным препятствием для использования ИИ при этом является непрозрачность его работы и полученных решений, что затрудняет его применение в деятельности следственных органов, но не исключает полностью.

Список использованной литературы:

1. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования. *Российское право: образование, практика, наука*. 2018;(2):43–49.
2. Бессонов А.А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений). *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2021;(2):45–53.
3. Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в европейском союзе. *Российско-азиатский правовой журнал*. 2019;(1):50–54.
4. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы. *Российско-азиатский правовой журнал*. 2020;(2):14–18.
5. Дремлюга Р.И. Незаконный оборот наркотиков и крипторынки: угрозы и вызовы правоохранителю. *Наркоконтроль*. 2018;(2):33–38.
6. Николенко С., Кадурин А., Архангельская Е. Глубокое обучение. СПб.: Питер, 2020.
7. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2018;22(1):91–109.
8. Сибилькова А.В. Искусственный интеллект на службе у следователя. *Российский следователь*. 2019;(3):68–70.
9. Якушев Д.И. Об определении искусственного интеллекта // В сборнике: *Региональная информатика и информационная безопасность. Сборник трудов*. Санкт-Петербургское общество информатики, вычислительной техники, систем связи и управления; 2016. С. 67–69.
10. AL-Marghilani A.A. Target Detection Algorithm in Crime Recognition Using Artificial Intelligence. *CMC-Computers, Materials & Continua*. 2021;71(1):809–824.
11. Burrell J. How the Machine "Thinks": Understanding Opacity in Machine Learning Algorithms. *Big Data & Society*. January–June, 2016.
12. Julia Angwin, Jeff Larson, Surya Mattu and Lauren Kirchner "Machine Bias". *ProPublica*. May 23, 2016. <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>
13. Marion Oswald, Jamie Grace, Sheena Urwin & Geoffrey C. Barnes Algorithmic risk assessment policing models: lessons from the Durham HART model and "Experimental" proportionality. *Information & Communications Technology Law*. 2018. Pp. 223–250.

References:

1. Bahteev D.V. [Artificial Intelligence in Criminalistics: Status and Prospects of Use]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*. 2018;(2):43–49. (In Russ.)]
2. Bessonov A.A. [The use of artificial intelligence algorithms in the criminalistic study of criminal activity (on the example of serial crimes)]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of O.E. Kutafin University (MSUA)*. 2021;(2):45–53. (In Russ.)]
3. Vasil'ev A.A., Ibragimov ZH.I. [Legal regulation of robotics and artificial intelligence in the European Union]. *Rossiisko-aziatskij pravovoj zhurnal = Russian-Asian Legal Journal*. 2019;(1):50–54. (In Russ.)]
4. Vasil'ev A.A., Pechatnova YU.V. [Artificial intelligence and law: problems, prospects]. *Rossiisko-aziatskij pravovoj zhurnal = Russian-Asian Legal Journal*. 2020;(2):14–18. (In Russ.)]
5. Dremlyuga R.I. [Drug trafficking and crypto markets: threats and challenges to law enforcement]. *Narkokontrol' = Drug Control*. 2018;(2):33–38. (In Russ.)]
6. Nikolenko S., Kadurin A., Arhangel'skaya E. [Deep Learning]. SPb: Peter, 2020. (In Russ.)]
7. Ponkin I.V., Red'kina A.I. [Artificial intelligence from the point of view of law]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: YUridicheskie nauki = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. 2018;22(1):91–109. (In Russ.)]
8. Sibil'kova A.V. [Artificial intelligence in the service of the investigator]. *Rossiiskij sledovatel' = A Russian investigator*. 2019;(3):68–70. (In Russ.)]
9. Yakushev D.I. [About the definition of artificial intelligence]. In the collection: *Regional Informatics and information security. Collection of works*. St. Petersburg Society of Informatics, Computer Technology, Communication and Control Systems; 2016. Pp. 67–69. (In Russ.)]
10. AL-Marghilani A.A. Target Detection Algorithm in Crime Recognition Using Artificial Intelligence. *CMC-Computers, Materials & Continua*. 2021;71(1):809–824.
11. Burrell J. How the Machine "Thinks": Understanding Opacity in Machine Learning Algorithms. *Big Data & Society*. January–June, 2016.
12. Julia Angwin, Jeff Larson, Surya Mattu and Lauren Kirchner "Machine Bias". *ProPublica*. May 23, 2016. <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>
13. Marion Oswald, Jamie Grace, Sheena Urwin & Geoffrey C. Barnes Algorithmic risk assessment policing models: lessons from the Durham HART model and "Experimental" proportionality. *Information & Communications Technology Law*. 2018. Pp. 223–250.

DOI: 10.1080/13600834.2018.1458455

14. Minarcin M. Building Responsibility in AI: Transparent AI for Highly Automated Vehicle Systems. *SAE Technical Papers*. 2021.

DOI: <https://doi.org/10.4271/2021-01-0195>

15. Padhy N.P. Artificial intelligence and intelligent systems 3. Oxford University Press, 2005. Pp. 23.

16. Silver D., Schrittwieser J., Simonyan K., Antonoglou I., Huang A., Guez A., Hubert T., Hassabis D. et. al. Mastering the game of Go without human knowledge. *Nature*. 2017;550(7676):354–359.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дремлюга Роман Игоревич

кандидат юридических наук, заместитель директора Юридической школы по развитию, руководитель программы «Искусственный интеллект и большие данные» Института математики и компьютерных технологий ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1607-1228>

Author ID: 56622488500

Web of Science Researcher ID U-9979-2019

Коробеев Александр Иванович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

Author ID: 55537246800

DOI: 10.1080/13600834.2018.1458455

14. Minarcin M. Building Responsibility in AI: Transparent AI for Highly Automated Vehicle Systems. *SAE Technical Papers*. 2021.

DOI: <https://doi.org/10.4271/2021-01-0195>

15. Padhy N.P. Artificial intelligence and intelligent systems 3. Oxford University Press, 2005. Pp. 23.

16. Silver D., Schrittwieser J., Simonyan K., Antonoglou I., Huang A., Guez A., Hubert T., Hassabis D. et. al. Mastering the game of Go without human knowledge. *Nature*. 2017;550(7676):354–359.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dremluga Roman Igorevich

Cand. of Sci. (Law), Deputy Director of the Law School for Development, Head of the Artificial Intelligence and Big Data Master Program, Institute of Mathematics and Computer Technology FGAOU VO "Far Eastern Federal University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1607-1228>

Author ID: 56622488500

Web of Science Researcher ID U-9979-2019

Korobeev Alexander Ivanovich

Dr. of Sci. (Law), Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law School FGAOU VO "Far Eastern Federal University"

Author ID: 55537246800

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-64-71>

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ КАК УГРОЗА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.З. Сидорова

ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
(Лермонтова ул., д. 110, Иркутск, Россия, 664074)

Ссылка для цитирования: Сидорова Е.З. Экстремизм и терроризм в образовательной среде как угроза криминологической безопасности системы образования. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(4):64–71. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-64-71>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Сидорова Екатерина Закариевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес: Лермонтова ул., д. 110, Иркутск, Россия, 664074

Тел.: + 7 (3952) 41-09-82

E-mail: esiirk@mvd.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 18.10.2021

Статья принята к печати: 18.11.2021

Дата публикации: 29.12.2021

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме – анализу экстремистских и террористических проявлений в сфере образования. К сожалению, современная реальность показывает, что сфера образования остается крайне незащищенной от различного рода угроз криминального характера, первостепенное значение среди которых занимают угрозы терроризма и экстремизма. В первую очередь автор обращает внимание на две категории граждан, являющихся основными участниками образовательных отношений: с одной стороны, это педагогические и иные работники сферы образования, а с другой – обучающиеся лица. Судебная практика показывает, что субъектами экстремистских и террористических преступлений могут стать как работники сферы образования, так и обучающиеся. В обоснование данного тезиса автор анализирует и приводит в настоящем исследовании актуальную судебную практику.

Цель: на основе официальных статистических данных и проводимых ранее научных исследований рассмотреть экстремизм и терроризм в образовательной среде как актуальную угрозу криминологической безопасности системы образования.

Методы: методологическая основа исследования выражена в общем диалектическом методе научного познания, характеризующийся своей универсальностью. В исследовании использованы также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Выводы: проанализировав судебную и ведомственную криминальную статистику, отражающую современное состояние экстремистской и террористической преступности в образовательной среде, автор заключает, что подобные виды преступности, несмотря на предпринимаемые субъектами профилактики меры предупреждения, по-прежнему присутствуют в системе образования. Автор подчеркивает, что борьба с подобными явлениями строится, в первую очередь, на своевременной и эффективной профилактике. На современном этапе развития общества цель государства должна заключаться не в том, чтобы стремиться к привлечению как можно большего количества граждан к уголовной ответственности за терроризм и экстремизм, а в том, чтобы

формировать в обществе антиэкстремистские установки, формировать антитеррористическую идеологию, в том числе в образовательной среде.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, образовательная среда, профилактика преступности, криминологическая безопасность образования, участники образовательных отношений, преступность в образовании.

EXTREMISM AND TERRORISM IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A THREAT TO THE CRIMINOLOGICAL SECURITY OF THE EDUCATION SYSTEM

Ekaterina Z. Sidorova

FGKOU VO "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
(Lermontova st., 110, Irkutsk, Russia, 664074)

Link for citation: Sidorova E.Z. Extremism and terrorism in the educational environment as a threat to the criminological security of the education system. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(4):64–71. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-64-71>

CONTACT INFORMATION:

Ekaterina Z. Sidorova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGKOU VO "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

Address: Lermontova st., 110, Irkutsk, Russia, 664074

Tel.: + 7 (3952) 41-09-82

E-mail: esiirk@mvd.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 18.10.2021

The article has been accepted for publication: 18.11.2021

Date of publication: 29.12.2021

Annotation: The article is devoted to an urgent problem – the analysis of extremist and terrorist manifestations in the field of education. Unfortunately, modern reality shows that the field of education remains extremely unprotected from various kinds of criminal threats, of paramount importance among which are the threats of terrorism and extremism. First of all, the author draws attention to two categories of citizens who are the main participants in educational relations: on the one hand, these are pedagogical and other workers in the field of education, and on the other – students. Judicial practice shows that both educational workers and students can become subjects of extremist and terrorist crimes. In substantiation of this thesis, the author analyzes and cites current judicial practice in this study.

Objective: based on official statistical data and previously conducted scientific research, to consider extremism and terrorism in the educational environment as an urgent threat to the criminological security of the education system.

Methods: the methodological basis of the research is expressed in the general dialectical method of scientific cognition, characterized by its universality. The research also uses methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, generalization and description.

Conclusions: having analyzed judicial and departmental criminal statistics reflecting the current state of extremist and terrorist crime in the educational environment, the author concludes that such types of crime, despite the preventive measures taken by the subjects of prevention, are still present in the education system. The author emphasizes that the fight against such phenomena is based, first of all, on timely and effective prevention. At the present stage of society's development, the goal of the state should not be to seek to bring as many citizens as possible to criminal responsibility for terrorism and extremism, but to form anti-extremist attitudes in society, to form an anti-terrorist ideology, including in the educational environment.

Keywords: extremism, terrorism, educational environment, crime prevention, criminological security of education, participants in educational relations, crime in education.

Введение

Экстремизм и терроризм в настоящее время прочно проникли в нашу жизнь, и актуальность данной проблематики не вызывает сомнений [9, с. 61]. Современные авторы обращаются к исследованию данной проблемы, анализируя состояние террористической и экстремисткой преступности [6, с. 48]. К сожалению, большинство сфер социальной жизни пронизано теми или иными элементами экстремистских или террористических проявлений. Не стала исключением и сфера образования. К проблематике безопасности образовательной среды обращаются специалисты не только России, но и зарубежных стран, что объясняется распространенностью данной проблемы [15, с. 187]. Масштабность и опасность, скрывающаяся за данными антисоциальными явлениями, позволяет говорить о том, что экстремизм и терроризм выступают одной из ключевых угроз криминологической безопасности как страны в целом, так и отдельной ее сферы – сферы образования.

Методы исследования

Методологической основой проведенного научного исследования выступил диалектический метод научного познания. В работе использовались также специальные методы, в том числе сравнительно-правовой, логический, системно-структурный методы. Использование данных методов в совокупности позволило охарактеризовать экстремизм и терроризм в образовательной среде как угрозу криминологической безопасности системы образования.

Результаты исследования

К результатам исследования можно отнести следующие выводы:

1. Современная образовательная среда остается не до конца защищенной от воздействия различных криминальных угроз, в том числе в виде экстремизма и терроризма.
2. Судебная практика показывает, что субъектами экстремистских и террористических преступлений могут стать как работники сферы образования, так и обучающиеся. Однако наибольшему негативному экстремистскому и террористическому воздействию подверженными являются именно школьники и студенты.
3. Борьба с экстремистскими и террористическими проявлениями в образовательной среде строится, в первую очередь, на своевременной и эффективной профилактике. При этом наиболее эффективной является ранняя профилактика. На современном этапе развития общества цель государства должна заключаться не в том, чтобы стремиться к привлечению как можно большего количества граждан к уголовной ответственности за терроризм и экстремизм, а в том, чтобы формировать в обществе антиэкстремистские установки, формировать антитеррористическую идеологию. Именно в этом и заключается ранняя профилактика проявлений экстремизма и терроризма, в том числе в образовательной среде.

Научная дискуссия

В ранее проводимых нами исследованиях отмечалось, что под криминологической безопасностью образования следует понимать составную часть национальной безопасности Российской Федерации, выражающуюся в таком состоянии защищенности всех элементов системы образования от внутренних и внешних угроз криминального и криминогенного характера, при котором обеспечиваются целостность и устойчивое развитие института образования [8, с. 161].

В настоящее время существует большое количество прямых и косвенных угроз криминального и криминогенного характера, способных причинить невосполнимый ущерб целостности и защищенности образовательной системы России. Прямым криминальным вызовом современности выступает, в том числе, экстремизм и его крайняя форма – терроризм – в образовательной среде.

Основными участниками образовательных отношений вступают две категории граждан:

- 1) Педагогические и иные работники сферы образования.

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» педагогическими работниками признаются физические лица, которые состоят в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняют обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности¹. В научной литературе неоднократно уделялось внимание важности выполняемых педагогами функций как для образовательного процесса, так и общества в целом [11, с. 31].

Участниками образовательных отношений являются также иные работники сферы

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. федерального закона от 02 июля 2021 г. № 322-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598.

образования. К ним можно относить лиц, работающих в стенах образовательных организаций и выполняющих своего рода обеспечивающие функции (например, психологи, медицинские работники, сотрудники прачечных, охранники, кухонные работники и т.д.), руководителей образовательных учреждений, должностных лиц государственных и муниципальных органов управления образованием и других лиц, участвующих в образовательных отношениях.

2) Обучающиеся, т.е. лица, получающие тот или иной вид образования. Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» к категории обучающихся относятся: учащиеся, студенты, слушатели, курсанты, воспитанники, адъюнкты, аспиранты и т.д.

Судебная практика показывает, что субъектами экстремистских и террористических преступлений могут стать как работники сферы образования, так и обучающиеся.

Например, на основании приговора мирового судьи г. Тюмени от 14 марта 2011 г. по делу № 2-2223/2011 Кутузов А.Б., имеющий ученую степень кандидата филологических наук, работающий старшим преподавателем в Тюменском государственном университете, а именно в институте филологии и журналистики, был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности). Ему было назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы условно, с испытательным сроком 3 года.

Из обстоятельств дела следует, что в период с 1 сентября по 31 октября 2009 года Кутузов А.Б. организовал проведение публичного мероприятия в форме митинга с целью выражения протеста против нарушения прав граждан Российской Федерации сотрудниками органов внутренних дел, а именно сотрудниками центров «Э», и требований о закрытии и расформировании указанных центров.

Кроме того, в период с 20 по 30 октября 2009 года Кутузов А.Б. с использованием компьютерной техники изготавливал листовки, соответствующие тематике митинга с названием: «Долой политические репрессии! Ментов к стенке!», в тексте которых содержалась информация, призывающая к осуществлению насильственных действий в отношении сотрудников Центра по противодействию экстремизму ГУВД по Тюменской области и направленная на возбуждение социальной розни, нарушение свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной принадлежности, которые он в дальнейшем распространял во время митинга¹.

Однако наибольшему негативному экстремистскому и террористическому воздействию подверженными являются именно несовершеннолетние и молодые люди, которые в большинстве случаев относятся к категории обучающихся, поскольку для детей и подростков характерен именно такой род занятости, как получение образования. В целом специалисты наблюдают разнообразность преступной деятельности среди молодых людей [12, с. 2462]. Именно они чаще, чем иные участники образовательных отношений, совершают экстремистские и террористические преступления. На страницах научной литературы можно найти много обсуждений, касающихся проблем профилактики подростковой и молодежной преступности [14, с. 348].

Так, на основании постановления Железнодорожного районного суда г. Симферополя (Республика Крым) от 7 мая 2020 г. № 1-171/2020 Сайдуллаев Донийор Дусийор угли, гражданин Республики Узбекистан, студент 5-го курса медицинской академии..., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ (Несообщение о террористическом преступлении), был освобожден от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 20 000 рублей.

Из обстоятельств дела следует, что Сайдуллаев Д.Д. в свободное от учебы время осуществлял строительные работы. В августе 2019 г. гражданин Н., осуществляя совместные с Сайдуллаевым Д.Д.у. строительные работы, проводил разъяснительные беседы, в ходе которых рассказывал о деятельности террористической организации «Джебхат ан-Нусра», обговаривал при этом планы по убытию за пределы России, маршруты следования, сумму денежных средств, необходимых для прибытия на территорию Турции и САР, способы беспрепятственного прохождения турецко-сирийской границы, места первоначального проживания, а также меры конспирации в целях предотвращения задержания сотрудниками правоохранительных органов, т.е. гражданин Н. совершил преступление, предусмотренное ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ (Содействие террористической деятельности). Сайдуллаев Д.Д., достоверно зная о совершенном гражданином Н. террористическом преступлении, тем не менее, не сообщил об этом в правоохранительные органы, на основании чего против него было

¹ Кассационное определение Тюменского областного суда от 28 июля 2011 г. № 22-2223/2011 об оставлении приговора мирового судьи без изменения, апелляционного представления и апелляционной жалобы без удовлетворения [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2021 [процитировано 24 августа 2021]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/S9VrQ2jeDvrO/>

возбуждено уголовное дело по ст. 205.6 УК РФ (Несообщение о террористическом преступлении)¹. При этом в научной литературе подчеркивается, что в настоящее время особенно распространено содействие террористической деятельности посредством сети Интернет, что также является крайне актуальной проблемой, в том числе в сфере обеспечения криминологической защищенности современной системы образования [5, с. 152]. Специалисты подчеркивают, что данная проблема обостряется тем, что в России в настоящий период времени нет нормативно-правовых документов, которые бы в полном объеме и всесторонне регламентировали общественные отношения, возникающие в сфере информационных технологий [13, с. 59].

Согласно данным МВД России, в нашей стране ежегодно выявляются учащиеся и студенты, совершающие преступления экстремистской и террористической направленности (см. табл. 1)².

Табл. 1. Количество выявленных учащихся и студентов, совершивших преступления экстремистской и террористической направленности, за период 2016–2020 гг. в Российской Федерации

Table 1. The number of identified students and students who committed crimes of extremist and terrorist orientation for the period 2016-2020 in the Russian Federation

Год	2016	2017	2018	2019	2020
Количество учащихся и студентов, совершивших преступления экстремистской или террористической направленности, чел.	349	318	136	77	92
<i>темпы прироста, %</i>	-	-8,9	-57,2	-43,4	+19,5

Несмотря на то, что официальные показатели говорят о снижении регистрируемых экстремистских и террористических преступлений, совершаемых обучающимися, однако они по-прежнему имеют место быть. Кроме того, согласно данным отдельных криминологических исследований, для Российской Федерации характерна латентная преступность [3, с. 103], в том числе в сфере экстремизма и терроризма.

Кроме того, важно понимать, что большой пласт среди экстремистских и террористических деяний занимают административные правонарушения. Официальная судебная статистика подтверждает данный вывод (см. табл. 2)³.

Следует также обратить внимание на то, что для современной судебной практики также характерно привлечение уполномоченных лиц к гражданской ответственности за необеспечение или недостаточную организацию антиэкстремистских и антитеррористических мероприятий в образовательных организациях. Иными словами, речь идет о достаточно большом количестве нарушений в сфере профилактики терроризма и экстремизма в школах, техникумах и ВУЗах [10, с. 3]. Например, в рамках форм прокурорского реагирования сотрудники прокуратуры подают судебные иски о понуждении к совершению действий, направленных на обеспечение антитеррористической защищенности образовательных учреждений.

Так, при проведении прокурорской проверки было установлено, что в МОУ «Боровковская основная общеобразовательная средняя школа» (Тульская область) (далее – учреждение) охрана осуществляется силами учреждения, вахтерами приняты женщины, в том числе пенсионного возраста. По мнению сотрудников прокуратуры, подобное обеспечение контрольно-пропускного режима в образовательном учреждении, как элемента охраны, является нарушением требований антитеррористического законодательства, поскольку охрана учреждения должна осуществляться не работниками школы, не прошедшими специального обучения, а сотрудниками специализированного охранного предприятия, имеющего лицензию, выданную органами внутренних дел на осуществление

¹ Постановление Железнодорожного районного суда г. Симферополя (Республика Крым) от 7 мая 2020 г. № 1-171/2020 [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2021 [процитировано 24 августа 2021]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/wRjQMxfCpVp>

² [сайт]. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации; 2021 [процитировано 28 августа 2021]. Доступно: <https://мвд.рф/>

³ Административные правонарушения [сайт]. Судебная статистика РФ; 2021 [процитировано 03 июля 2021]. Доступно: <http://stat.апи-пресс.пф/stats/adm/t/31/s/65>

охранной деятельности, владеющими навыками применения спецсредств. В связи с этим 26 октября 2020 г. по делу № 2-563/2020 Ясногорский районный суд (Тульская область) вынес решение об удовлетворении исковых требований заместителя прокурора обязать учреждение в срок до... заключить договор с организацией, специально созданной для выполнения услуг в сфере охраны, для осуществления такой организацией контрольно-пропускного режима в учреждении.

Табл. 2. Количество зарегистрированных административных правонарушений террористической и экстремистской направленности за 2016–2020 гг. в Российской Федерации

Table 2. The number of registered administrative offenses of terrorist and extremist orientation for 2016-2020 in the Russian Federation

Год	2016	2017	2018	2019	2020
Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (20.3 КоАП РФ)	2 121	2 063	2 080	2 974	2 890
темп прироста, %	-	-2,7	+0,8	+43,0	-2,8
Производство и распространение экстремистских материалов (20.29 КоАП РФ)	1 925	2 097	2 268	1 836	2 160
темп прироста, %	-	+8,9	+8,2	-19,0	+17,6
Мелкое хулиганство (20.1 КоАП РФ)	248 888	225 817	212 852	202 350	151 529
темп прироста, %	-	-9,3	-5,7	-4,9	-25,1

Подобное решение принял Сакский районный суд (Республика Крым) от 29 июля 2020 г. по делу № 2-1553/2020, обязавший Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение... (далее – учреждение) оборудовать учреждение системой видеонаблюдения, установить стационарный или ручной металлоискатель; обеспечить охрану объекта (территорий) сотрудниками частных охранных организаций, подразделениями вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации, военизированными и сторожевыми подразделениями организации, подведомственной Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, или подразделениями ведомственной охраны федеральных органов исполнительной власти¹.

Опасность экстремизма для участников образовательных отношений и для системы образования в целом заключается в том, что граждане начинают придерживаться крайних взглядов, в том числе начинают оправдывать насилие как способ разрешения каких-либо конфликтов либо как средство достижения поставленной цели. За приверженностью таким взглядам следует подрыв авторитета власти, разжигание ненависти в обществе по социальным, политическим, половозрастным, имущественным, религиозным, расовым, конфессиональным и иным различиям, развитие идей фашизма, нестабильность в обществе, всеобщий страх и конфликты в социальных группах. В научной литературе справедливо отмечается, что страх общества перед преступностью, в том числе перед преступностью террористического и экстремистского характера, является одним из значимых условий, обязывающих государство определенным образом реагировать на подобные негативные проявления в социуме, в том числе разрабатывать и совершенствовать профилактическое законодательство [4, с. 315].

Россия является страной многонациональной и многоконфессиональной, что подразумевает терпимое отношение к членам нашего общества [2, с. 139]. В современных образовательных организациях можно наблюдать ситуацию, когда в одном учебном классе или учебной группе учатся дети с разным имущественным положением, разным цветом кожи, разных национальностей, с отличиями в интеллектуальном или физическом развитии, разным вероисповеданием и т.д. И каждый имеет право на образование, каждый имеет право на личностное и профессиональное развитие,

¹ Решение Сакского районного суда (Республика Крым) от 29 июля 2020 г. по делу № 2-1553/2020 [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2021 [протитировано 24 августа 2021]. Доступно: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SLkJkHNBqiQJ/?regular-txt>

поскольку любая профессия предполагает совершенствование своих навыков, получение новых современных знаний в той или иной области. И для того чтобы государство могло обеспечить и гарантировать данные права своим гражданам, в обществе не должно существовать таких явлений, как нетерпимость к отличающимся от нас, ненависть к лицам с недостатками в физическом развитии, оскорбление лиц иных национальностей и т.п. Борьба с подобными явлениями строится, в первую очередь, на своевременной и эффективной профилактике [1, с. 6]. При этом наиболее эффективной является ранняя профилактика [7, с. 76]. На современном этапе развития общества цель государства должна заключаться не в том, чтобы стремиться к привлечению как можно большего количества граждан к уголовной ответственности за терроризм и экстремизм, а в том, чтобы формировать в обществе антиэкстремистские установки, формировать антитеррористическую идеологию. Именно в этом и заключается ранняя профилактика проявлений экстремизма и терроризма, в том числе в образовательной среде.

Список использованной литературы:

1. Аношков В.Е. О профилактике экстремизма в молодежной среде (на примере СКФО). *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*. 2018;(11):6–9.
2. Бельков О.А. Сущностные характеристики многонациональности России. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2018;(4):139–142.
3. Ветрова Е.В., Никишкин А.В., Газимагомедов М.А. Латентная преступность с точки зрения правоприменительной практики. *Государственная служба и кадры*. 2021;(2):102–103.
4. Елец Е.А., Петровский А.В. Эффективность профилактического законодательства и проблема страха перед преступностью. *Проблемы эффективности права в современной России. Материалы международной научно-практической конференции: в 2-х томах*. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2016. С. 315–323.
5. Ильяшенко А.Н. Содействие террористической деятельности посредством сети Интернет. *Институциональные преобразования АПК России в условиях глобальных вызовов. Материалы IV Международной конференции*. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина; 2019. С. 152.
6. Коняхин В.П., Прохорова М.Л., Улитин И.Н. Профилактика экстремизма в молодежной среде на территории Краснодарского края: организационно-управленческая модель. *Общество: политика, экономика, право*. 2021;(8):48–52. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.8.8>
7. Мазуров В.А., Стародубцева М.А. Волонтерское движение в системе противодействия экстремизму и идеологии терроризма в образовательных учреждениях. *Society and Security Insights*. 2019;2(2):76–89.
8. Сидорова Е.З. К вопросу о понятии и сущности теории криминологической безопасности образования. *VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»*.

References:

1. Anoshkov V.E. [On the prevention of extremism among young people (on the example of the North Caucasus Federal District)]. *Rossiiskii politicheskii protsess v regional'nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika = Russian political process in the regional dimension: history, theory, practice*. 2018;(11):6–9. (In Russ.)]
2. Bel'kov O.A. [Essential characteristics of multinational Russia]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ehkonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2018;(4(95)):139–142. (In Russ.)]
3. Vetrova E.V., Nikishkin A.V., Gazimagomedov M.A. [Latent crime from the point of view of law enforcement practice]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Civil service and personnel*. 2021;(2):102–103. (In Russ.)]
4. Elets E.A., Petrovskii A.V. [The effectiveness of preventive legislation and the problem of fear of crime]. *Problemy ehffektivnosti prava v sovremennoi Rossii. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2-kh tomakh = Problems of the effectiveness of law in modern Russia. Materials of the international scientific and practical conference: in 2 volumes*. Krasnodar: Kuban State University; 2016. Pp. 315–323. (In Russ.)]
5. Il'yashenko A.N. [Assistance to terrorist activities via the Internet]. *Institutsional'nye preobrazovaniya APK Rossii v usloviyakh global'nykh vyzovov. Materialy IV Mezhdunarodnoi konferentsii = Institutional transformations of the Russian agro-industrial complex in the context of global challenges. Materials of the IV International Conference*. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; 2019. Pp. 152. (In Russ.)]
6. Konyakhin V.P., Prokhorova M.L., Ulitin I.N. [Prevention of extremism among young people in the territory of the Krasnodar Territory: organizational and managerial model]. *Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo = Society: politics, economics, law*. 2021;(8):48–52. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.8.8> (In Russ.)]
7. Mazurov V.A., Starodubtseva M.A. [Volunteer movement in the system of countering extremism and the ideology of terrorism in educational institutions]. *Society and Security Insights*. 2019;2(2):76–89. (In Russ.)]
8. Sidorova E.Z. [On the question of the concept and essence of the theory of criminological security of education]. *VIII Baltiiskii yuridicheskii forum «Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii»*. Materialy

Материалы международной научно-практической конференции. Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России; 2020. С. 161–162.

9. Сумачев А.В. Профилактика идеологии терроризма в сфере образования (некоторые практические аспекты). *Oeconomia et jus*. 2021;(2):61–66.

10. Туктамышев Б.С., Баранова М.С. Антитеррористическая защищенность образовательной организации в современных условиях. *Научный электронный журнал Меридиан*. 2020;(3):3–5.

11. Bilous I., Pavlovych L. Professional readiness of scientific-pedagogical employee to pedagogical activity. *Sciences of Europe*. 2019;(41):31–33.

12. Petechel O.Y., Kerniakevych-Tanasiichuk Y.V., Vazhynskiy V.M., Krasii M.O. Criminological characteristics of juvenile aggression. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2019;10(8):2462–2474.

13. Petrov V.A. Information technologies in education. *Information technology. Problems and solutions*. 2020;(1):59–63.

14. Sadovnikova M.N., Arzumanov I.A., Lichichan O.P., Startsev E.N. Prevention of juvenile delinquency: the spiritual basis and mediation competence. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2019;10(1):348–356.

15. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the Russian educational system. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2020;11(1):187.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сидорова Екатерина Закариевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3477-3816>

mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = VIII Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». *Materials of the international scientific and practical conference*. Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2020. Pp. 161–162. (In Russ.)]

9. Sumachev A.V. [Prevention of the ideology of terrorism in the field of education (some practical aspects)]. *Oeconomia et jus*. 2021;(2):61–66. (In Russ.)]

10. Tuktamyshev B.S., Baranova M.S. [Anti-terrorist protection of an educational organization in modern conditions]. *Nauchnyi ehlektronnyi zhurnal Meridian = Scientific electronic journal Meridian*. 2020;(3):3–5. (In Russ.)]

11. Bilous I., Pavlovych L. Professional readiness of scientific-pedagogical employee to pedagogical activity. *Sciences of Europe*. 2019;(41):31–33.

12. Petechel O.Y., Kerniakevych-Tanasiichuk Y.V., Vazhynskiy V.M., Krasii M.O. Criminological characteristics of juvenile aggression. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2019;10(8):2462–2474.

13. Petrov V.A. Information technologies in education. *Information technology. Problems and solutions*. 2020;(1):59–63.

14. Sadovnikova M.N., Arzumanov I.A., Lichichan O.P., Startsev E.N. Prevention of juvenile delinquency: the spiritual basis and mediation competence. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2019;10(1):348–356.

15. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the Russian educational system. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2020;11(1):187.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Z. Sidorova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGKOU VO "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3477-3816>

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCEEDINGS

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-72-81>

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ И ЕГО ДОСТУП В
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

О.В. Гладышева^{*1}, Р.В. Хмыров²

¹ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

²Адвокатская палата Краснодарского края
(Кубанская Набережная ул., 31/1, г. Краснодар, 350063)

Ссылка для цитирования: Гладышева О.В., Хмыров Р.В. Представитель адвокатской палаты и его доступ в уголовное судопроизводство: современные проблемы и пути их решения. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(4):72–81. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-72-81>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Гладышева Ольга Владимировна*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 13.11.2021

Статья принята к печати: 13.12.2021

Дата публикации: 29.12.2021

Аннотация: Современное уголовное судопроизводство немыслимо без оказания квалифицированной юридической помощи. Эта помощь востребована практически всеми участниками, чьи интересы так или иначе затрагиваются этим производством. Эффективность и результативность оказания квалифицированной юридической помощи обеспечивается, наряду с иными средствами, стабильностью процессуального положения адвоката, выполняющего функцию защитника, представителя, адвоката лица, в помещении которого производится обыск, в ином статусе. Под стабильностью понимается неизменность и неуязвимость его процессуального статуса с точки зрения воспрепятствования его законной деятельности. А средствами обеспечения стабильности выступают правила, позволяющие своевременно устранять созданные или возникающие препятствия на пути осуществления законной адвокатской деятельности. В числе такого рода правил должны быть предусмотрены порядок и условия допуска в уголовное судопроизводство лиц, способных устранить либо эффективно повлиять на возникающие препятствия в осуществлении законной адвокатской деятельности и наладить оказание юридической помощи на высоком профессиональном уровне.

Цель настоящего исследования состоит в разработке уголовно-процессуального механизма доступа представителя Адвокатской палаты в уголовное судопроизводство в случаях, определенных в ст. 450.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), как самостоятельного участника, чье процессуальное положение обусловлено потребностью в обеспечении оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи.

Решаемые задачи: исследование современных условий оказания квалифицированной юридической помощи; изучение средств и способов противодействия законной деятельности адвоката; уяснение научных тенденций по толкованию условий оказания квалифицированной

юридической помощи, законности адвокатской деятельности; анализ и обобщение трендов практической уголовно-процессуальной деятельности, связанной со взаимодействием адвокатов с органами предварительного расследования и судом; обоснование потребности в правовом регулировании допуска представителя адвокатской палаты в уголовное судопроизводство и определение его процессуального статуса; поиск и предложение для обсуждения правовой модели такого механизма.

Исследование проводилось на основании совокупности всеобщих, общенаучных и частно-правовых методов познания, в числе которых теоретические (диалектика, различные виды анализа, синтез, обобщение, логический, системно-структурный, моделирование, формально-юридический, сравнительно-правовой), а также эмпирические (мониторинг, критерии оценки результатов деятельности представителей Адвокатских палат различных регионов Российской Федерации; статистический) методы.

Исследование привело к следующим результатам: теоретически доказана потребность в участии представителя Адвокатской палаты в качестве самостоятельного субъекта уголовно-процессуальных отношений и наделение его процессуальным статусом, достаточным для выполнения своей миссии; определен подход к разрешению проблем, сопровождающих допуск представителя Адвокатской палаты в уголовное судопроизводство, в случаях, указанных в ст. 450.1 УПК РФ, разработана и предложена совокупность правил, обеспечивающая допуск представителя Адвокатской палаты в качестве участника уголовного судопроизводства в его досудебных стадиях.

Теоретические результаты стали основанием для формирования комплекса предложений по совершенствованию законодательства (в частности, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Ключевые слова: адвокатское сообщество, квалифицированная юридическая помощь, уголовное судопроизводство, представитель адвокатской палаты, профессиональные права адвоката, защита, препятствия, законная деятельность адвоката.

REPRESENTATIVE OF THE BAR CHAMBER AND HIS ACCESS TO CRIMINAL PROCEEDINGS: MODERN PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Olga V. Gladysheva*¹, Rostislav V. Khmyrov²

¹FGBOU VO "Kuban State University"

(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

²Chamber of Advocates of the Krasnodar Region

(Kuban Embankment str., 31/1, Krasnodar, 350063)

Link for citation: Gladysheva O.V., Khmyrov R.V. Representative of the bar chamber and his access to criminal proceedings: modern problems and ways to solve them. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(4):72–81. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-72-81>

CONTACT INFORMATION:

Olga V. Gladysheva*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure
FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 13.11.2021

The article has been accepted for publication: 13.12.2021

Date of publication: 29.12.2021

Annotation: Modern criminal proceedings are unthinkable without the provision of qualified legal assistance. This assistance is in demand practically by all participants whose interests are affected by this

production in one way or another. The effectiveness and efficiency of the provision of qualified legal assistance is ensured, along with other means, by the stability of the procedural position of the lawyer performing the function of defender, representative, lawyer of the person whose premises are being searched, in a different status. Stability means the immutability and invulnerability of his procedural status from the point of view of obstructing his legitimate activities. And the means of ensuring stability are rules that allow timely elimination of created or emerging obstacles to the implementation of legitimate advocacy. Among such rules, the procedure and conditions for admission to criminal proceedings of persons capable of eliminating or effectively influencing the obstacles that arise in the exercise of legal advocacy and to establish the provision of legal assistance at a high professional level should be provided. The purpose of this study is to develop a criminal procedure mechanism for the access of a representative of the Bar Chamber to criminal proceedings in cases defined in art. 450.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), as an independent participant whose procedural position is determined by the need to ensure the provision of qualified legal assistance by lawyers.

Tasks to be solved: the study of modern conditions for the provision of qualified legal assistance; the study of means and methods of the legal activity of a lawyer; clarification of scientific trends on the interpretation of the conditions for the provision of qualified legal assistance, the legality of advocacy; analysis and generalization of the trends of practical criminal procedural activities related to the interaction of lawyers with the preliminary investigation bodies and the court; substantiation of the need for legal regulation of the admission of a representative of the bar chamber to criminal proceedings and determination of his procedural status; search and proposal for the legal model of such a mechanism.

The study was conducted on the basis of a set of general, general scientific and private-legal methods of cognition, including theoretical (dialectics, various types of analysis, synthesis, generalization, logical, system-structural, modeling, formal-legal, comparative-legal), as well as empirical (monitoring, criteria for evaluating the performance of representatives of Chambers of Advocates of various regions of the Russian Federation; statistical) methods.

The study led to the following results: theoretically, the need for the participation of a representative of the Bar Chamber as an independent subject of criminal procedural relations and granting him a procedural status sufficient to fulfill his mission was proved; an approach to solving problems accompanying the admission of a representative of the Bar Chamber to criminal proceedings was determined in cases specified in art. 450.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, a set of rules has been developed and proposed to ensure the admission of a representative of the Advisory Chamber as a participant in criminal proceedings in its pre-trial stages.

The theoretical results became the basis for the formation of a set of proposals for improving legislation (in particular, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Federal Law "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation").

Keywords: legal community, qualified legal assistance, criminal proceedings, representative of the advisory chamber, professional rights of a lawyer, protection, obstacles, legal activity of a lawyer.

Введение

Оказание квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве является обязательным условием его законного осуществления. Понятие квалифицированной юридической помощи имеет многочисленные определения в науке уголовного процесса, а также в иных смежных направлениях научного знания [3, 5, 6, 8, 11].

Есть мнение, что квалифицированная юридическая помощь – это такая деятельность государственных органов, негосударственных организаций, а также индивидуальных субъектов оказания данной помощи, которая основана на юридических знаниях, умениях и навыках, осуществляется при соблюдении профессиональных стандартов и этических норм, поддерживаемых контролем, а также является максимально положительным результатом для обратившегося за помощью лица [9, с. 134]. Результаты анализа имеющихся подходов к определению квалифицированной юридической помощи свидетельствуют, что основными признаками этого понятия выступают:

- определенный субъект, обладающий юридическими знаниями, умениями и навыками;
- наличие и соблюдение профессиональных стандартов, этических норм;
- правовая основа оказания этой помощи.

В правовой основе квалифицированной юридической помощи значительное место занимают положения уголовно-процессуального права, которое определяет не только требования,

предъявляемые к лицу, оказывающему квалифицированную юридическую помощь, к его профессиональному уровню, но также и правила ее оказания.

Наличие тех или иных пробелов, упущений в законодательном регулировании процессуального положения субъекта, оказывающего квалифицированную юридическую помощь, способны нивелировать и полностью лишить эту деятельность какой бы то ни было эффективности. Несмотря на активизацию законодателя в совершенствовании процессуального положения адвоката, например, введение ст. 450.1 УПК РФ, предусмотревшей участие представителя Адвокатской палаты (далее – представитель АП) при производстве отдельных следственных действий в отношении адвоката, современная ситуация складывается отнюдь не позитивным образом. Формируется негативный тренд на ущемление прав адвокатов, что самым непосредственным образом сказывается на качестве оказания ими квалифицированной юридической помощи нуждающимся в ней заинтересованным участникам уголовного судопроизводства [12]. В числе препятствий, возникающих перед адвокатами при их участии в уголовном судопроизводстве, назовем:

- отказ в допуске к участию в уголовном судопроизводстве [13];
- отказ или препятствия в реализации отдельных процессуальных прав (например, снятие копий процессуальных документов) [4];
- вызовы на допрос в качестве свидетеля в «обход» законодательных правил и последующие отводы от участия в качестве защитника [2];
- обыски в помещениях, занимаемых адвокатами, производство которых сопровождается нарушением адвокатской тайны и т.д.

Средства массовой информации неоднократно сообщали о представителях АП, участвующих в уголовном судопроизводстве, при этом авторы публикаций отмечают необходимость наделения таких представителей более широкими процессуальными полномочиями [17].

Эти и иные ситуации требуют вмешательства законодателя, внимания ученых и практиков поскольку многие вопросы остаются без надлежащего теоретического раскрытия и, как следствие, без достаточного правового регулирования. Одним из средств, способных обеспечить оказание квалифицированной юридической помощи надлежащим образом выступает участие представителя АП, начальным этапом которого является доступ к уголовному судопроизводству, правовое регулирование которого в настоящее время весьма поверхностно.

Методы исследования

Совокупность теоретических методов позволила надлежащим образом проработать научные основы рассматриваемых проблем. Диалектический метод стал основой для формирования общей методологической базы данного исследования. Для получения новых (в теоретическом и практическом отношении) знаний о способах обеспечения квалифицированной юридической помощи, выработки конструктивных предложений по устранению возможных препятствий ее оказанию была поставлена задача выявления возможных противоречий в правовом регулировании ее оказания, законодательном закреплении полномочий защитника и представителя (применительно к уголовному судопроизводству). Эта задача решалась посредством применения методики диалектического анализа существующих нормативных положений. Теоретические методы (анализ, синтез, обобщение, логический, системно-структурный, моделирование) позволили рассмотреть отдельные элементы правового регулирования оказания квалифицированной юридической помощи, сформировать новый взгляд на такие категории, как «Законная деятельность адвоката», «препятствия в оказании квалифицированной юридической помощи», «профессиональные права адвоката» и обосновать тезис о необходимости их защиты в рамках уголовного судопроизводства в рамках специальной процедуры допуска и участия представителя адвокатского сообщества (представителя АП).

Эмпирические методы исследования (мониторинг, критерии оценки результатов деятельности представителей АП различных регионов Российской Федерации; статистический) позволили получить необходимый практический материал, в достаточной степени свидетельствующий о правильности избранного авторами направления решения рассматриваемых проблем и подкрепившие иллюстративными примерами, а также цифровыми показателями целесообразность принятия авторских предложений по совершенствованию действующего федерального законодательства.

Результаты исследования

Выдвинув основную гипотезу о необходимости оказания содействия адвокатам по оказанию ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве на необходимом уровне, авторами обосновывается потребность в участии представителя АП в качестве самостоятельного субъекта уголовно-процессуальных отношений с наделением его процессуальным

статусом, достаточным для выполнения своей миссии. В решении этой проблемы первоочередное место занимает вопрос о правовом регулировании допуска представителя АП в уголовное судопроизводство. Авторами разработан подход и представлена совокупность правил, обеспечивающая допуск представителя АП в качестве участника уголовного судопроизводства в его досудебных стадиях.

Теоретические результаты стали основанием для формирования комплекса предложений по совершенствованию законодательства (в частности, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

В их числе:

– дополнение статьи 165 УПК РФ новой частью 4.1, а также; статьи 182 УПК РФ новой частью 4.1;

– дополнение ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» новой статьей. 37.2 «Комиссия по защите прав адвокатов».

Научная дискуссия

Вопросы защиты прав адвокатов, участвующих в уголовном судопроизводстве, волнуют не только российское научное сообщество, практических работников. Эти же проблемы существуют в иных государствах и поднимаются на страницах зарубежной юридической печати. Ряд исследователей занимает вопрос о степени взаимодействия адвокатов и органов адвокатского сообщества и влиянии этого фактора на активность адвокатов в своей профессиональной деятельности. Делается вывод, что, адвокаты, имеющие более тесные контакты со своими коллегами в региональных коллегиях адвокатов, больше дорожат своей работой и успешнее функционируют в профессии [20]. В другом источнике отмечается значимость участия адвоката в уголовном судопроизводстве, указывается на необходимость предоставлять адвокату условия для свободного построения стратегии и тактики защиты в целях успешной реализации его процессуальной функции [19]. Немаловажное значение придается в отечественной и зарубежной доктрине квалифицированной юридической помощи конфиденциальность общения адвоката с доверителем и способам ее обеспечения [21, 22].

Изучение поставленной проблемы показало, что в российской науке представитель АП, как участник уголовного судопроизводства, рассматривается, в основном, как гарант защиты профессиональных прав адвокатов, выступающих субъектами уголовно-процессуальных отношений. Ряд исследователей высказываются о том, что актуальным методом профессиональной защиты адвокатов в уголовном процессе является институт представителей адвокатской палаты субъекта РФ [7, с. 288]. На наш взгляд, такого рода утверждения нуждаются в подробной аргументации. Мы не вполне согласны с тем, что в рамках уголовного судопроизводства могут защищаться профессиональные права, кого бы то ни было, включая адвоката. Уголовное судопроизводство является узкоспециальной правовой сферой, назначение которой выражено в ст. 6 УПК РФ, определившей и категории участников, чьи права и законные интересы защищаются и виды этих прав.

В то же время представитель АП появился в уголовном судопроизводстве в связи с введением ст. 450.1 УПК РФ и установлением специальных гарантий для адвоката: следственные действия в отношении адвоката производятся «в присутствии обеспечивающего неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну, члена совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, на территории которого производятся указанные следственные действия, или иного представителя, уполномоченного президентом этой адвокатской палаты».

Такого рода формулировка закона подвергается критической оценке в силу своей неконкретности и возможности неоднозначного понимания, истолкования в ходе правоприменения. Обратим внимание на такие слова и словосочетания, как «присутствует» (отличается от участия, хотя Санкт-Петербургская адвокатская палата в Положении о представителе адвокатской палаты использует термин именно «участвует» [17]), член совета адвокатской палаты отличается от иного представителя этой же палаты; не указаны конкретные процессуальные полномочия представителя АП и т.д.

В связи с введением ст. 450. 1 УПК РФ появился вопрос: в чем цель участия представителя региональной АП? На наш взгляд, эта цель может быть выражена следующим образом: обеспечение беспрепятственного оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства, снятие «барьеров» в этой сфере, создание дополнительной гарантии для оказания квалифицированной юридической помощи в точном соответствии с принципами уголовного

судопроизводства (превентивная, охранительная функция). В качестве такой дополнительной гарантии выступает обеспечение сохранности документов, составляющих адвокатское производство, о развитии которой пишут многие, в том числе зарубежные ученые [21, 23].

Значимость цели обуславливает потребность в детальной проработке всего механизма.

Для правильного понимания смысла указанного законодательного положения органы адвокатского сообщества сформировали ряд подходов и закрепили их в методических рекомендациях. Обобщение этих материалов [10, 14, 15] показало, что, в основном, органами региональных адвокатских палат обращено внимание на процессуальные полномочия представителей адвокатских палат при производстве следственных действий в отношении адвокатов. Это обстоятельство одновременно свидетельствует как о стремлении к четкости и ясности в определении правил процессуальной деятельности, так и об отсутствии полного видения проблем, сопровождающих участие представителя адвокатской палаты в уголовном судопроизводстве.

В отдельных документах вопрос о процессуальном участии вообще не затрагивается. Например, в Положении Адвокатской Палаты г. Москвы сказано лишь, что по поручению председателя Комиссии и в соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» члены комиссии по защите профессиональных прав адвокатов уполномочены принимать меры для оказания юридической помощи (защиты) по уголовным, административным, дисциплинарным и иным делам в защиту прав адвоката(-ов) [16]. Конкретных разъяснений относительно содержания этих мер в указанном Положении не содержится. Аналогичная ситуация есть и в других адвокатских палатах [1].

Наблюдается существенная разница в разрешении региональными адвокатскими палатами принципиальных вопросов, касающихся участия их представителей в уголовном судопроизводстве (например, что касается инициативности участия в уголовном судопроизводстве членов комиссий по защите профессиональных прав – от направления от имени Адвокатской палаты, до собственного инициативного вступления в это производство [14]).

Применительно к процессуальному положению представителя региональной Адвокатской палаты в уголовном судопроизводстве существует немало проблем [24]. Используя системный метод, полагаем, целесообразно рассмотреть эти проблемы последовательно, с изложением результатов исследования, имеющего поступательный характер.

С позиции такого подхода первоначальным элементом выступает порядок доступа или вступления указанного представителя в уголовное судопроизводство.

Результаты изучения методических рекомендаций региональных адвокатских палат убеждают в том, что единственный порядок, который в них указан – это допуск представителя в уголовное судопроизводство в случае нарушения профессиональных прав адвокатов. Этот допуск сам по себе не регламентирован в УПК РФ. Кроме того, еще раз подчеркнем, что защита профессиональных прав в уголовном судопроизводстве не предусмотрена и не охватывается замыслом законодателя.

Необходимо отметить также и то, что ни в одном из изученных региональных документов не определяется подход или конкретные шаги по разъяснению правил допуска, вступления представителя адвокатской палаты в уголовное судопроизводство для решения задач, определенных в ст. 450.1 УПК РФ. Это правовое положение не связано с нарушением профессиональных прав и преследует превентивную цель – не допустить такого нарушения (охранительная функция представителя АП). Соответственно стремление региональных АП определить порядок допуска в уголовное судопроизводство своих представителей, к этому институту отношения не имеют. Получается, что данный этап не охватывается ни законодательными положениями, ни разъяснительными документами, остается он и без внимания методических рекомендаций.

В данном контексте есть смысл обратить внимание на следующие проблемы:

- порядок уведомления Адвокатской палаты о производстве следственных действий в отношении адвоката;
- срок прибытия представителя АП к месту их производства;
- отложение начала производства следственного действия до прибытия представителя АП (срок ожидания);
- удостоверение полномочий представителя АП.

Эти и иные важные, не только для представителя АП, адвокатов, но и следователей, иных участников уголовного судопроизводства, аспекты нуждаются в разработке и представлении результатов для законодательного регулирования.

Подход к их разработке должен основываться на таких идеях, как:

– учет принципов уголовного судопроизводства. В этой части отметим взаимосвязь между отмеченными проблемными вопросами и реализацией права на защиту, на получение квалифицированной юридической помощи, на обжалование, принципа состязательности и др. Соответственно разрешение поставленных вопросов должно происходить с учетом содержания и значения этих идей;

– внимание к общим условиям предварительного расследования, в частности, сроки предварительного расследования, обязательность рассмотрения ходатайств, иных обращений, законность их разрешения; тайна предварительного расследования, тайна адвокатской деятельности и др.;

– обязательность выполнения процессуальных правил, определяющих порядок производства следственных и иных процессуальных действий;

– обеспечение прав и защита законных интересов участников уголовного судопроизводства, в том числе путем своевременного информирования о действиях и решениях, ограничивающих эти права или законные интересы.

С учетом указанных идей мы считаем, что возможный механизм доступа представителя АП в уголовное судопроизводство в случаях, предусмотренных ст. 450.1 УПК РФ должен соответствовать таким требованиям, как:

– своевременное уведомление органов АП о судебном решении, касающемся производства следственных и иных процессуальных действий в отношении адвоката;

– установление срока прибытия представителя АП к месту производства следственного или иного процессуального действия, требующего его присутствия;

– быстрое решение вопроса о направлении представителя АП по месту производства следственного или иного процессуального действия, соответственно органы АП должны организационно подготовить необходимые правовые и рекомендательные документы для обеспечения такой процедуры;

– обстоятельства, затягивающие прибытие представителя АП к месту производства следственного либо иного процессуального действия, должны носить объективный характер и дополнительно оговариваться законодателем, например, затрудненный дорожный трафик («пробки»), ДТП, болезнь и т.д. Полагаем, что такого рода обстоятельства должны учитываться и сопровождаться исключениями из общих правил производства.

Таким образом, механизм в его конкретных чертах может быть следующим:

– суд, удовлетворяя ходатайство о производстве следственного (иного процессуального) действия, направляет копию своего постановления в соответствующую АП (предлагается дополнить ст. 165 УПК РФ новой частью 4.1: «4.1. При удовлетворении ходатайства о производстве следственного действия в отношении адвоката, в случаях, предусмотренных статьей 450.1 настоящего Кодекса, судья направляет копию постановления в соответствующую Адвокатскую палату для обеспечения участия ее представителя»);

– АП в течение 12 часов с момента получения указанного постановления готовит необходимые документы для направления своего представителя для участия в следственном (ином процессуальном) действии (предлагается дополнить ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» ст. 37.2 «Комиссия по защите прав адвокатов», где предусмотреть: «37.2. Комиссия по защите прав адвокатов является рабочим органом Совета Адвокатской палаты для организации работы по защите наиболее значимых прав адвокатов. Комиссия по защите прав адвокатов уполномочена направлять своих членов в качестве представителей Адвокатской палаты для обеспечения прав адвокатов, в случаях производства в их отношении следственных и иных процессуальных действий, в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, принимать иные меры для охраны и защиты прав адвокатов»);

– следователь, дознаватель, определив объективно необходимое для прибытия представителя АП время (указывается в протоколе следственного действия), обязаны начать следственное или иное процессуальное действие только после истечения этого срока. Позднее прибытие представителя АП фиксируется в протоколе следственного действия с указанием причин задержки (предлагается дополнить ст. 182 УПК РФ новой частью 4.1: «4.1 Следователь уведомляет Адвокатскую палату о начале обыска и определяет время для прибытия ее представителя. Перед началом обыска в случаях, определенных в статье 450.1 настоящего Кодекса, следователь удостоверяется в полномочиях представителя Адвокатской палаты, разъясняет ему его права, о чем делается отметка в протоколе обыска. При отсутствии представителя Адвокатской палаты при производстве обыска обязательно

применение видеозаписи. В случае позднего прибытия следователь допускает представителя Адвокатской палаты к производству обыска и знакомит его с полученными результатами»).

Выводы

Подводя итог, можно резюмировать:

1) участие представителя АП выступает правовым способом вовлечения органа адвокатского сообщества для содействия защитнику, представителю, адвокату в ином статусе, в оказании квалифицированной юридической помощи нуждающимся в ней участникам уголовного судопроизводства, и в таком контексте это участие должно иметь подробное законодательное закрепление всех системно связанных элементов уголовно-процессуальной деятельности;

2) в настоящее время процессуальное положение представителя АП в уголовном судопроизводстве находится в состоянии правовой неопределенности, что порождает необходимость системного истолкования положений федерального законодательства и иных источников для уяснения смысла имеющихся правовых положений и возможности их применения в соответствии с известными методами толкования (расширительный, по аналогии);

3) одним из основных вопросов, требующих законодательного регулирования – это порядок допуска представителя АП в уголовное судопроизводство, в случаях, оговоренных в ст. 450.1 УПК РФ.

Для законодательного определения порядка такого допуска предлагаем:

– дополнить ст. 165 УПК РФ новой частью 4.1: «4.1. При удовлетворении ходатайства о производстве следственного действия в отношении адвоката, в случаях, предусмотренных статьей 450.1 настоящего Кодекса, судья направляет копию постановления в соответствующую Адвокатскую палату для обеспечения участия ее представителя»;

– дополнить ст. 182 УПК РФ новой частью 4.1: «4.1 Следователь уведомляет Адвокатскую палату о начале обыска и определяет время для прибытия ее представителя. Перед началом обыска в случаях, определенных в статье 450.1 настоящего Кодекса, следователь удостоверяется в полномочиях представителя Адвокатской палаты, разъясняет ему его права, о чем делается отметка в протоколе обыска. При отсутствии представителя Адвокатской палаты при производстве обыска обязательно применение видеозаписи. В случае позднего прибытия следователь допускает представителя Адвокатской палаты к производству обыска и знакомит его с полученными результатами»;

– ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» ст. 37.2 «Комиссия по защите профессиональных прав адвокатов», где предусмотреть: «37.2. Комиссия по защите прав адвокатов является рабочим органом Совета Адвокатской палаты для организации работы по защите наиболее значимых прав адвокатов. Комиссия по защите прав адвокатов уполномочена направлять своих членов в качестве представителей Адвокатской палаты для обеспечения прав адвокатов, в случаях производства в их отношении следственных и иных процессуальных действий, в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, принимать иные меры для охраны и защиты прав адвокатов».

Список использованной литературы:

1. Адвокатская палата Магаданской области [сайт]. Официальный сайт Адвокатской Палаты Магаданской области; 2021. Доступно: <https://apmagadan.fparf.ru/about/revision/>
2. Архив Тверского районного суда г. Москвы. Дело № 89073 [сайт]. Адвокаты нуждаются в защите; 2012. Доступно: <http://www.buroadvokat.ru/index.php/2010-02-15-20-35-09/1946-2012-01-23-03-23-51>
3. Баев А.А. Понятие и сущность квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве. Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2013;(3-2):62–68.
4. Басманный суд Москвы признал незаконным отказ следователя снять копии с документов по уголовному делу [сайт]. Официальный сайт Адвокатской Палаты г. Москвы; 2021. Доступно: <https://www.advokatymoscow.ru/press/news/9628/>

References:

1. Bar Chamber of the Magadan region [website]. Official website of the Magadan Region Chamber of Advocates; 2021. Available: <https://apmagadan.fparf.ru/about/revision/>
2. Archive of the Tverskoy District Court of Moscow. Case № 89073 [website]. Lawyers need protection; 2012. Available: <http://www.buroadvokat.ru/index.php/2010-02-15-20-35-09/1946-2012-01-23-03-23-51>
3. Baev A.A. [The concept and essence of qualified legal assistance in criminal proceedings]. *Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta. Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of the Tula State University. Economic and legal sciences*. 2013;(3-2):62–68. (In Russ.)]
4. The Basmanny court of Moscow declared illegal the refusal of the investigator to make copies of the documents in the criminal case [website]. Official website of the Moscow Chamber of Advocates; 2021. Available: <https://www.advokatymoscow.ru/press/news/9628/>

5. Боев В.М., Глущенко П.П. Юридическая помощь: право, обязанность, возможность и реальность получения, роль и место в механизме правозащитной деятельности. *Социология и право*. 2017;(1):98–106.
6. Закомолдин А.В. Квалифицированная юридическая помощь в системе гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве. *Вестник Самарской гуманитарной академии*. 2008;(2):28–35.
7. Краузе С.В., Ларионов В.Н., Мохоров Д.А. К вопросу о статусе представителя региональной адвокатской палаты в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. *Евразийский юридический журнал*. 2020;10(149):288–290.
<https://doi.org/10.46320/2073-4506-2020-10-149-288-290>
8. Кудрявцева А.В., Попов В.С. Участие адвоката-защитника на стадии предварительного расследования и в суде первой инстанции. Челябинск: Полиграф-мастер; 2006.
9. Ленкауцан Д.В. Проблемы толкования понятия квалифицированной юридической помощи. Молодой ученый. 2018;7(193):133–136.
10. Методические рекомендации для представителя адвокатской палаты при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката: утв. решением Совета ФПА РФ (протокол № 2 от 16 мая 2017 г.) [сайт]. Официальный сайт Федеральной Адвокатской Палаты; 2021. Доступно: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/?PAGEN_1=3
11. Невская О.В. Что такое квалифицированная юридическая помощь? *Адвокат*. 2004;(11):37–39.
12. Обзор работы Комиссии по защите профессиональных прав адвокатов Адвокатской палаты Краснодарского края за 2020 год [сайт]. Официальный сайт Адвокатской Палаты Краснодарского края; 2021. Доступно: <https://apkk.ru/documents/attorneys/apkk/obzor-raboty-komissii/>
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 83-УД20-1: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2020 г. [сайт]. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации; 2021. Доступно: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/29143/>
14. Положение о Комиссии по защите прав адвокатов Адвокатской палаты Орловской области [сайт]. Официальный сайт Адвокатской Палаты Орловской области; 2021. Доступно: http://www.advokat57.ru/index_p_24.html
15. Положение о Комиссии по защите профессиональных прав адвокатов при Совете Адвокатской палаты Новосибирской области: утв. решением Совета Адвокатской палаты Новосибирской области от 29 марта 2016 г. (протокол № 3) [сайт]. Официальный сайт Адвокатской палаты Новосибирской области; 2021. Доступно: https://advpalatanso.ru/komissia_prav_advokatov
5. Boer V.M., Glushchenko P.P. [Legal aid: the right, the responsibility, an opportunity and reality of receiving, the role and place in the mechanism of human rights activity]. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2017;(1):98–106. (In Russ.)]
6. Zakomoldin A.V. [Qualified legal assistance in the system of guarantees of individual rights in criminal proceedings]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii = Bulletin of the Samara Humanitarian Academy*. 2008;(2):28–35. (In Russ.)]
7. Krause S.V., Larionov V.N., Mokhorov D.A. [On the status of the representative of the Regional Chamber of Advocates in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2020;10(149):288–290.
<https://doi.org/10.46320/2073-4506-2020-10-149-288-290> (In Russ.)]
8. Kudryavtseva A.V., Popov V.S. [Participation of a defense lawyer at the stage of preliminary investigation and in the court of first instance]. Chelyabinsk: Poligraf-master; 2006. (In Russ.)]
9. Lenkautsan D.V. [Problems of interpretation of the concept of qualified legal assistance]. *Molodoi uchenyi = A young scientist*. 2018;7(193):133–136. (In Russ.)]
10. Methodological recommendations for the representative of the Chamber of Advocates during the search, inspection and seizure of a lawyer: approved by the decision of the Council of the FPA of the Russian Federation (Protocol № 2 of May 16, 2017) [website]. Official website of the Federal Chamber of Advocates; 2021. Available: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/?PAGEN_1=3
11. Nevskaya O.V. [What is qualified legal assistance?] *Advokat = Lawyer*. 2004;(11):37–39. (In Russ.)]
12. Review of the work of the Commission for the Protection of Professional Rights of Lawyers of the Krasnodar Territory Chamber of Advocates for 2020 [website]. Official website of the Krasnodar Territory Chamber of Advocates; 2021. Available: <https://apkk.ru/documents/attorneys/apkk/obzor-raboty-komissii/>
13. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation № 83-UD20-1: Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2020): approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 22, 2020 [website]. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation; 2021. Available: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/29143/>
14. Regulations on the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers of the Chamber of Advocates of the Orel region [website]. Official website of the Orel Region Chamber of Advocates; 2021. Available: http://www.advokat57.ru/index_p_24.html
15. Regulations on the Commission for the Protection of Professional Rights of Lawyers under the Council of the Novosibirsk Region Chamber of Advocates: approved by the decision of the Council of the Novosibirsk Region Chamber of Advocates dated March 29, 2016 (Protocol № 3) [website]. Official website of the Novosibirsk Region Bar Association; 2021. Available: https://advpalatanso.ru/komissia_prav_advokatov

16. Положение о Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов: утв. Решением Совета от 8 августа 2017 г. [сайт]. Официальный сайт Адвокатской палаты г. Москвы; 2021. Доступно:

<https://www.advokatymoscow.ru/about/rights-protection/>
17. Положение о полномочных представителях Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по защите профессиональных прав адвокатов: утв. решением Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (протокол № 15 от 06 декабря 2018 г. в ред. от 15 августа 2019 г., протокол № 9) [сайт]. Официальный сайт Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга; 2021. Доступно: http://apspb.ru/4560310/18082019_02.pdf

18. Представитель адвокатской палаты должен стать полноценным участником уголовного судопроизводства [сайт]. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации; 2021. Доступно: <https://fparf.ru/news/fpa/predstavitel-advokatskoy-palaty-dolzhen-stat-polnotsennym-uchastnikom-ugolovnogo-sudoproizvodstva/>

19. Gulchehra T. The importance of the participation of a lawyer with the judiciary and law enforcement in criminal proceedings. *European Journal of Molecular and Clinical Medicine*. 2020;7(2):2169–2173.

20. Khalikova Y., Kazun A. Should I stay, or should I go? self-legitimacy of attorneys in an authoritarian state. *Crime, Law and Social Change*. 2021;75(4):1–23.

21. Macnair M. 'Equitable protection of legal professional privilege: a commentary' in P.G. Turner (ed), *Equity and Administration*. Cambridge University Press; 2016. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316529706.025>

22. Opgenhaffen T., Put J. Searching and Seizing Evidence at Lawyers' and Doc-tors' Premises: Belgium, France and the Netherlands Put to the European Court of Human Rights Test. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2015;23(4):359–382. <https://doi.org/10.1163/15718174-23032078>

23. Petr M. Legal professional privilege in international, European and Czech law. *Czech Yearbook of Public and Private International Law*. 2019;(10):151–164.

24. Tynybekov S., Nurmaganbet E.T., Duysenova L.M. The concept, value, and the procedural position of defense attorney at the preliminary investigation. *Life Science Journal*. 2014;11(spec. issue 5):239–247.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гладышева Ольга Владимировна*

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5413-5208>

Author ID: 57194874777

Хмыров Ростислав Владимирович

вице-президент Адвокатской палаты Краснодарского края, председатель комиссии по защите профессиональных прав адвокатов Адвокатской палаты Краснодарского края

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0171-5652>

16. Regulations on the Commission of the Council of the Moscow Chamber of Advocates for the Protection of the Rights of Lawyers: approved. By the decision of the Council of August 8, 2017 [website]. Official website of the Moscow Chamber of Advocates; 2021. Available:

<https://www.advokatymoscow.ru/about/rights-protection/>
17. Regulations on Authorized Representatives of the St. Petersburg Chamber of Advocates for the Protection of Professional Rights of Lawyers: approved by the decision of the Council of the St. Petersburg Chamber of Advocates (Protocol № 15 of December 06, 2018, as amended. dated August 15, 2019, Protocol No. 9) [website]. Official website of the St. Petersburg Chamber of Advocates; 2021. Available: http://apspb.ru/4560310/18082019_02.pdf

18. A representative of the bar chamber should become a full-fledged participant in criminal proceedings [website]. Official website of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation; 2021. Available: <https://fparf.ru/news/fpa/predstavitel-advokatskoy-palaty-dolzhen-stat-polnotsennym-uchastnikom-ugolovnogo-sudoproizvodstva/>

19. Gulchehra T. The importance of the participation of a lawyer with the judiciary and law enforcement in criminal proceedings. *European Journal of Molecular and Clinical Medicine*. 2020;7(2):2169–2173.

20. Khalikova Y., Kazun A. Should I stay, or should I go? self-legitimacy of attorneys in an authoritarian state. *Crime, Law and Social Change*. 2021;75(4):1–23.

21. Macnair M. 'Equitable protection of legal professional privilege: a commentary' in P.G. Turner (ed), *Equity and Administration*. Cambridge University Press; 2016. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316529706.025>

22. Opgenhaffen T., Put J. Searching and Seizing Evidence at Lawyers' and Doc-tors' Premises: Belgium, France and the Netherlands Put to the European Court of Human Rights Test. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2015;23(4):359–382. <https://doi.org/10.1163/15718174-23032078>

23. Petr M. Legal professional privilege in international, European and Czech law. *Czech Yearbook of Public and Private International Law*. 2019;(10):151–164.

24. Tynybekov S., Nurmaganbet E.T., Duysenova L.M. The concept, value, and the procedural position of defense attorney at the preliminary investigation. *Life Science Journal*. 2014;11(spec. issue 5):239–247.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Gladysheva*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5413-5208>

Author ID: 57194874777

Rostislav V. Khmyrov

Vice-President of the Krasnodar Territory Chamber of Advocates, Chairman of the Commission for the Protection of Professional Rights of Lawyers Chamber of Advocates of the Krasnodar Region

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0171-5652>

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС**

**ADMINISTRATIVE LAW;
ADMINISTRATIVE PROCESS**

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-82-88>

**ФУТУРИЗМ МЕДИЦИНСКИХ БИОТЕХНОЛОГИЙ И
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ**

Е.Б. Лупарев*, Е.В. Епифанова

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Лупарев Е.Б., Епифанова Е.В. Футуризм медицинских биотехнологий и административная правосубъектность. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(4):82–88. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-82-88>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лупарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 11.11.2021

Статья принята к печати: 11.12.2021

Дата публикации: 29.12.2021

Аннотация: Целью работы выступает обзор проблематики малоисследованных явлений в теории административного права, а именно – проблемы административно-правового регулирования биотехнологической деятельности.

Соответственно, задачами работы выступают следующие блоки проблематики: вопросы административной правосубъектности в связи с развитием биотехнологий; государственный контроль и надзор в сфере биотехнологий; административная ответственность за нарушение законодательства в сфере биотехнологий.

В силу того, что развитие биотехнологий в мире идет неравномерно, а обмен информации осуществляется (хотя и с известными национальными ограничениями), биотехнологии экспортируются, одним из основных методов исследования выступил метод сравнительной компаративистики наряду с общефилософскими эвристическими методами. Кроме того, методология исследования построена на сочетании сравнительного анализа правовых понятий с естественнонаучными явлениями.

Принципиальным результатом данной работы выступает мысль о том, что современное биотехнологическое развитие в среднесрочной перспективе приведет к изменению взглядов на момент возникновения правосубъектности, признание её отдельных элементов за неродившимися в современном понимании субъектами. Перед законодателем и правоприменителем встает вопрос о правах суррогатной матери по своему усмотрению решать вопрос о производстве аборта вне зависимости от интересов заказчика, а также о том какими методами государственные органы осуществляют публично-правовую защиту такого рода «полусубъектов» (или развивающихся субъектов, особых субъектных явлений, относящихся к категории «*suī generis*»). При этом мы отдаем себе отчет в том, что административная правоспособность – это не сами права и обязанности в сфере публичного управления, а потенциальная (абстрактная) способность их иметь, то есть некая способность к административно-правовому правообладанию. Следовательно, на данном уровне осмысления нет необходимости говорить о конкретных правах спорных категорий субъектов в сфере

публичного управления, хотя уже само по себе право на жизнь и охрану здоровья подразумевают в том числе и административно-правовой механизм своего обеспечения.

Ключевые слова: административная правоспособность, административная дееспособность, административная правосубъектность, биотехнологии, охрана здоровья.

FUTURISM OF MEDICAL BIOTECHNOLOGY AND ADMINISTRATIVE LEGAL PERSONALITY

Evgeniy B. Luparev*, Elena V. Epifanova
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Luparev E.B., Epifanova E.V. Futurism of medical biotechnology and administrative legal personality. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(4):82–88. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-82-88>

CONTACT INFORMATION:

Evgeniy B. Luparev*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 11.11.2021

The article has been accepted for publication: 11.12.2021

Date of publication: 29.12.2021

Annotation: The aim of this work is to review the problems of little-studied phenomena in the theory of administrative law, namely, the problems of administrative and legal regulation of biotechnological activities.

Accordingly, the tasks of the work are the following blocks of problems: issues of administrative legal personality in connection with the development of biotechnology; state control and supervision in the field of biotechnology; administrative responsibility for violation of legislation in the field of biotechnology.

Due to the fact that the development of biotechnologies in the world is uneven, and the exchange of information is carried out (albeit with certain national restrictions), biotechnologies are exported, one of the main research methods was the method of comparative comparative studies along with general philosophical heuristic methods. In addition, the research methodology is based on a combination of comparative analysis of legal concepts with natural science phenomena.

The principal result of this work is the idea that modern biotechnological development in the medium term will lead to a change in views at the time of the emergence of legal personality, the recognition of its individual elements as subjects that have arisen in the modern sense. The legislator and the law enforcement officer are faced with the question of the rights of a surrogate mother to decide at their own discretion the issue of performing an abortion, regardless of the interests of the customer, as well as what methods are used by state bodies to publicly protect this kind of "half-subjects" (or developing subjects, special subjective phenomena sui generis). At the same time, we are aware that administrative legal capacity is not the rights and obligations in the field of public administration themselves, but the potential (abstract) ability to have them, that is, a certain ability for administrative legal ownership. Consequently, at this level of comprehension, there is no need to talk about the specific rights of the disputed categories of subjects in the field of public administration, although the very right to life and health protection imply, among other things, an administrative and legal mechanism for its provision.

Keywords: administrative capacity, administrative capacity, administrative personality, biotechnology, health protection.

Введение

Активное развитие биотехнологий «бросает вызов» законодателям, правоприменителям и научному юридическому сообществу не только России, но и большинства стран мира вне зависимости от того, насколько в конкретной стране развиты биотехнологии. Стремительность распространения биотехнологий требует фундаментального теоретического понимания того, в какой степени объекты, полученные путем биотехнологических процессов «вписываются» в сложившуюся систему представлений о субъектах административного права, о содержании административных правоотношений, объектом которых выступает публичный интерес в сфере биотехнологий и, конечно же, о контроле и надзоре со стороны публичной администрации за результатами и методами биотехнологий.

Хотя российское законодательство и использует понятие «биотехнологии»¹, но важным вводным обстоятельством текущей работы выступает понимание того, что российское законодательство не дает понятия термина «биотехнология», хотя в теоретических отечественных [6; 8] и зарубежных работах существует более или менее выработанный консенсус по данному вопросу [13, с. 3–25].

Исследование охватывает, наряду с Россией, опыт стран, наиболее активно использующих биотехнологии: Великобритания, США, Франция, Германия, Китай, Бразилия.

Методы исследования

Российская наука административного права нацелена на как на теоретическое обоснование нормотворческой и правоприменительной практики, так и на совершенствование фундаментальных основ правового регулирования управленческой деятельности государства. Данный тезис предопределяет использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы, а также методов сравнительного правоведения в контексте изучения опыта иностранных государств в сфере публично-правового регулирования биотехнологий.

Результаты исследования

Оценивая в целом административно-правовое регулирование развития биотехнологий в России, мы констатируем, что в среднесрочной перспективе с большой степенью вероятности произойдет признание некоторых объектов биотехнологий (искусственных эмбрионов) ограниченно правоспособными субъектами. Это следует из общей логики косвенной публично-правовой защиты эмбрионов на так называемых поздних сроках беременности.

Из данного результата следует, что субъектом административной ответственности могут стать юридические лица, являющиеся биотехнологическими корпорациями, осуществляющими искусственное выращивание эмбрионов человека вне утробы матери и имеющие возможность прервать биотехнологический процесс. Исследования Zernicka-Goetz, M. и соавторов [16, с. 878–887] наглядно иллюстрируют возможности создания искусственной утробы матери, принадлежность которой необходимо нормативно определить.

Осознавая невозможность абсолютно запретить развитие биотехнологий в части, касающейся медицинской деятельности, мы также отдаем себе отчет в том, что требуется единый межгосударственный подход к определению границ возможного биотехнологического вмешательства в организм человека с учетом общепризнанных прав человека. В конкретном государстве с учетом исторических, религиозных и иных морально-этических догм, подходы к ограничению биотехнологических исследований с участием организма человека могут различаться.

Таким образом, в недалекой перспективе может измениться подход к понятию «право на жизнь», «право на охрану здоровья». Само понятие «рождение» претерпит изменение юридической трактовки.

Научная дискуссия

Традиционно, в российской правовой теории термином «административная правосубъектность» обозначается комплекс абстрактных явлений, определяющих потенциальные возможности лица: иметь публичные управленческие права и обязанности; приобретать публичные управленческие права и нести обязанности; нести административную ответственность. Административная правосубъектность отчасти начинает приобретать черты легального правового явления благодаря тому, что часть 7 статьи 5 Кодекса административного судопроизводства РФ

¹ См., например: Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16. Ст. 1815; Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 24 (Часть I). Ст. 4188.

применительно, правда, к административной процессуальной правосубъектности определяет структуру и содержание данного понятия.

Ключевой проблемой, определяющей связь такого абстрактного понятия, как административная правоспособность с реальным правовым регулированием является проблема отправной точки возникновения административной правоспособности.

Хотим мы того или нет, но фактическое признание законодателем наступления ограниченной административной правоспособности в виде ограничения аборт на поздних сроках беременности уже имеет место быть. В контексте данного исследования нас интересуют хотя и связанные с указанным правовым регулированием обстоятельства, но относящиеся к сфере биотехнологий в медицине. Речь идет об особенностях правосубъектности эмбрионов, выращиваемых в утробе суррогатных матерей, а также искусственно выращиваемых эмбрионов.

На суррогатных матерей распространяются общие условия и ограничения, связанные с вынашиванием ребенка с той лишь особенностью, что они выполняют эту миссию в соответствии с гражданско-правовым договором. Но допускает ли договор возможность суррогатной матери самостоятельно решать вопрос о искусственном прерывании беременности на ранних сроках в порядке статьи 56 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»? Впрочем, этот вопрос выходит за рамки публично-правового регулирования.

Отталкиваясь от того, что вопреки мнению некоторых авторов [7, с. 14] право нельзя считать низшим пределом нравственности, мы сталкиваемся с разными идеологическими и религиозными концепциями, лежащими в основе правового регулирования медицинских биотехнологий и понимания права на жизнь.

Возможно ли в мировом масштабе добиться единообразия в данном вопросе? Наш ответ – нет. Вся история человечества характеризуется идеологическим (включая религиозное) многообразием. Каждая официальная или традиционная (если речь идет о светских государствах к коим относится и Россия) для данной страны религия (религии) имеют разное отношение к моменту начала жизни, способам возникновения жизни и праву на жизнь народившихся. Более того, даже научные эксперименты с эмбрионами по-разному воспринимаются господствующей идеологией и, соответственно, находят свое отражение в национальном законодательстве. Если говорить о России, то отечественное законодательство, судя по всему, «мечется» между навязываемыми извне догмами неортодоксального христианства и возрожденным православным отношением к моменту начала жизни. Ситуация усугубляется разными трактовками признанных в России традиционных религий, таких как ислам, буддизм и иудаизм момента начала права на жизнь.

Представители современной юридической науки более категоричны и конкретны в данном вопросе. Так, А.М. Зайцева, анализируя многочисленные работы специалистов в области эмбриологии, приходит к выводу о том, что «объективно жизнь человека начинается с момента зачатия, и, по нашему мнению, с этого момента государством должно гарантироваться естественное право человека на жизнь» [4, с. 19; 5, с. 35]. Косвенным подтверждением наличия противоречивых взглядов на вопрос о публичной правоспособности эмбрионов является норма части 3 статьи 70 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», которая позволяет врачу в том числе по этическим мотивам отказаться от искусственного прерывания беременности.

Иностранное законодательство, например часть 1 статьи 6 Хартии основных прав и свобод Чешской Республики провозглашает право на жизнь и охрану здоровья до рождения¹.

Румынское законодательство, по сведениям Aluas M., Gherman C.D., Dumitrescu C.I. не защищает права эмбрионов, но открывает широкую дискуссию в румынской юридической науке по этому поводу [9, с. 695]. Аналогичная ситуация в Чили и иных странах Латинской Америки [15, с. 903].

Итальянская доктрина ищет компромисс между правами на научные исследования эмбрионов и защитой человеческого достоинства [10, с. 197].

Но общепризнанным является факт наличия такого рода теоретической и практической проблемы [12].

Вместе с тем, нормативно не урегулирован вопрос о правосубъектности искусственно выращиваемых посредством биотехнологий эмбрионов. Согласимся с мнением Д.А. Беловой о том, что «принцип уважения человеческой жизни должен быть заложен в основу норм, императивно определяющих порядок и пределы осуществления научных исследований в отношении эмбрионов человека» [1, с. 129]. Не все авторы идут по концептуальному пути признания эмбрионов субъектами

¹ [сайт]. [процитировано 21 октября 2021]. Доступно: <https://www.psp.cz/docs/laws/listina.html>

права. Так, Ю.Ф. Дружинина считает, что «эмбрион in vitro все же должен рассматриваться как объект, а не субъект права. Возникающие здесь возражения морально-этического характера вполне могут быть решены путем придания ему особого правового режима, учитывающего все соответствующие аспекты, как это сделано, например, с животными, отнесение которых к числу вещей кажется неприемлемым именно на этическом уровне» [3, с. 133].

Еще одним вопросом в этой связи является вопрос об определении судьбы искусственно полученных эмбрионов. Существует общий запрет на использование эмбрионов в промышленных целях. Интерес к эмбриону с промышленной точки зрения обусловлен возможностями эмбриональных стволовых клеток трансформироваться путем биотехнологического воздействия в клетки любых типов. В России Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) «О биомедицинских клеточных продуктах» запрещает специальное выращивание эмбрионов для биомедицинских целей. Тем самым законодатель подтверждает, что эмбрион априори не должен быть лишен дальнейшего развития и жизни.

Но как определять судьбу множества эмбрионов, остающихся после процедуры ЭКО (экстракорпорального оплодотворения)? Очевидно, что на этом этапе развития общества право на жизнь приобретает только эмбрион, отобранный медиками для дальнейшего развития. Германский профессор Reinhard Merkel утверждает, что такого рода выборочные аборт хотя и не наказуемы, но несут в себе саморазрушительное противоречие между предусмотренным германским законодательством правом эмбриона на жизнь и легальностью выборочного аборта [11, с. 54]. При этом мы должны помнить о том, что в Германии относительно недавно, с 2007 по 2017 годы, была фактически разрушена стратегия так называемого «немецкого компромисса», либеральная концепция которого предусматривала культивацию стольких оплодотворенных ооцитов, сколько необходимо, чтобы получить точное количество эмбрионов, которые планируется перенести (максимум три) [18, с. 409]. Соответственно, в Германии опять ставится вопрос о принятии закона о репродуктивной медицине. Хотя в большинстве европейских стран установлен 14-дневный лимит на научные эксперименты с оплодотворенной яйцеклеткой, еще не перешедшей в стадию эмбриона, юридическая доктрина на базе современных естественнонаучных подходов показала возможность сдвинуть в большую сторону указанные сроки [17, с. 3], то есть отодвинуть момент возникновения частичной правоспособности.

В этой связи О.В. Горбунова пишет: «Запрет на использование человеческих эмбрионов в исследовательских или промышленных целях, по мнению диссертанта, не должен быть абсолютным. В поиске компромисса между этическими проблемами использования эмбрионов человека и необходимостью развития медицинской науки определяющими должны быть воля пациентов, жертвующих свои эмбрионы и пациентов, принимающих лечение с их использованием» [2, с. 20]. Налицо – типичная позиция цивилиста, оценивающего эмбрион, как вещь, как объект права. Но в случае с множественностью эмбрионов, полученных в результате ЭКО, О.В. Горбунова, похоже, близка к адекватному пониманию ситуации.

Другими словами, только компромиссные решения о судьбе множественных эмбрионов отражают реалии сегодняшнего дня.

Важно заметить, что некоторые теоретические концепции, в частности, германские, считают абсурдными предложения о наделении правами эмбриона 2PN - клеток, гамет, hESC-клеток, hiPSC-клеток и соматических клеток человека лишь в силу нормативного критерия тотипотентности (т.е. способности развиваться в рожденного человека) [14, с. 644].

Список использованной литературы:

1. Белова Д.А. Правовая природа эмбриона in vitro. *Lex russica (Русский закон)*. 2019;(6):122–130. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.122-130>
2. Горбунова О.В. Договор хранения эмбрионов человека при применении вспомогательных репродуктивных технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020.
3. Дружинина Ю.Ф. Правовой режим эмбриона in vitro. *Журнал российского права*. 2017;(12):129–140. https://doi.org/10.12737/article_5a200506899599.19842755

References:

1. Belova D.A. [Legal Nature of the Embryo in Vitro]. *Lex russica (Russkii zakon) = Lex Russica*. 2019;(6):122–130. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.122-130> (In Russ.)
2. Gorbunova O.V. [Agreement for the storage of human embryos when using assisted reproductive technologies]: autoref. dis. ... cand. jurid. sciences'. Ulyanovsk, 2020. (In Russ.)
3. Druzhinina Yu.F. [Legal regime of the embryo in vitro]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian law*. 2017;(12):129–140. https://doi.org/10.12737/article_5a200506899599.19842755 (In Russ.)

4. Зайцева А.М. Начало жизни человека как граница конституционной правоспособности. *Конституционное и муниципальное право*. 2012;(10):17–24.
5. Зайцева А.М. Ограничение естественного права на жизнь в позитивном праве. *Конституционное и муниципальное право*. 2015;(9):33–44.
6. Основы биотехнологии: краткий курс лекций для студентов III курса направления подготовки 19.03.01 Биотехнология / Сост.: Е.А. Фауст // ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ». Саратов, 2015.
7. Силуянова И.В. Этика врачевания. Современная медицина и православие. М., 2001.
8. Шлейкин А.Г., Жилинская Н.Т. Введение в биотехнологию: Учеб. пособие. СПб.: НИУ ИТМО; ИХиБТ, 2013.
9. Aluas M., Gherman C.D., Dumitrescu C.I. Is the human embryo legally defined and protected? Causes and consequences. *Romanian journal from morphology and embryology*. 2017;58(2):695–700.
10. Marzocco V. The italian constitutional court and the legal status of the embryo. *Biolaw journal-rivista di biodiritto*. 2016;(2):197–208.
11. Merkel R. The legal status of the human embryo. *Reproductive BioMedicine Online*. 2007;14(6):54–60. [https://doi.org/10.1016/S1472-6483\(10\)60728-6](https://doi.org/10.1016/S1472-6483(10)60728-6)
12. Moraes C.A., Amaro M., Lara F. Building foundations for the future: the legal personality of the embryo and its rights. *Revista brasileira de direito*. 2020;16(2). <https://doi.org/10.18256/2238-0604.2020.v16i2.3852>
13. Muzaffar S., Prasad B.D. History of biotechnology. *Plant biotechnology: principles, methods and appendices*. 2018;1:3–25. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000467364100001>
14. Schickl H. 2PN cell donation in Germany. Or: How the German Embryo Protection (Act) undermines itself. *Bioethics*. 2019;33(6):644–652. <https://doi.org/10.1111/bioe.12595>
15. Scholarship J.P., Lecaros A., Gonzalez P., Sanhueza P. Medical, ethical and legal issues in cryopreservation of human embryos. *Revista medica de Chile*. 2014;142(7):903–908.
16. Shahbazi M.N., Zernicka-Goetz M., Deconstructing and reconstructing the mouse and human early embryo. *Nature Cell Biology*. 2018;20(8):878–887. <https://www.nature.com/articles/s41556-018-0144-x.pdf>
17. Vergallo G.M. Freedom of Scientific Research and Embryo Protection Under Italian and European Court of Human Rights' Jurisprudence. Brief European Legislation Overview. *European journal of health law*. 2021;28(1):3–25. <https://doi.org/10.1163/15718093-BJA10036>
18. Ziller V. Interpretation of the Embryo Protection Act. The "German compromise". *Gynakologe*. 2017;50(6):409–413. <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s00129-017-4079-2.pdf>
4. Zaitseva A.M. [The beginning of human life as the boundary of constitutional legal capacity]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2012;(10):17–24. (In Russ.)]
5. Zaitseva A.M. [Restriction of the natural right to life in positive law]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2015;(9):33–44. (In Russ.)]
6. [Fundamentals of biotechnology: a short course of lectures for students of the third year of the direction of training 19.03.01 Biotechnology] / Comp.: E.A. Faust // Saratov GAU. Saratov, 2015. (In Russ.)]
7. Siluyanov I.V. [Ethics of healing. Modern Medicine and Orthodoxy]. Moscow, 2001. (In Russ.)]
8. Shleikin A.G., Zhilinskaya N.T. [Introduction to biotechnology: Textbook]. St. Petersburg: ITMO Research Institute; IHiBT, 2013. (In Russ.)]
9. Aluas M., Gherman C.D., Dumitrescu C.I. Is the human embryo legally defined and protected? Causes and consequences. *Romanian journal from morphology and embryology*. 2017;58(2):695–700.
10. Marzocco V. The italian constitutional court and the legal status of the embryo. *Biolaw journal-rivista di biodiritto*. 2016;(2):197–208.
11. Merkel R. The legal status of the human embryo. *Reproductive BioMedicine Online*. 2007;14(6):54–60. [https://doi.org/10.1016/S1472-6483\(10\)60728-6](https://doi.org/10.1016/S1472-6483(10)60728-6)
12. Moraes, C.A., Amaro M., Lara F. Building foundations for the future: the legal personality of the embryo and its rights. *Revista brasileira de direito*. 2020;16(2). <https://doi.org/10.18256/2238-0604.2020.v16i2.3852>
13. Muzaffar S., Prasad B.D. History of biotechnology. *Plant biotechnology: principles, methods and appendices*. 2018;1:3–25. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000467364100001>
14. Schickl H. 2PN cell donation in Germany. Or: How the German Embryo Protection (Act) undermines itself. *Bioethics*. 2019;33(6):644–652. <https://doi.org/10.1111/bioe.12595>
15. Scholarship J.P., Lecaros A., Gonzalez P., Sanhueza P. Medical, ethical and legal issues in cryopreservation of human embryos. *Revista medica de Chile*. 2014;142(7):903–908.
16. Shahbazi M.N., Zernicka-Goetz M., Deconstructing and reconstructing the mouse and human early embryo. *Nature Cell Biology*. 2018;20(8):878–887. <https://www.nature.com/articles/s41556-018-0144-x.pdf>
17. Vergallo G.M. Freedom of Scientific Research and Embryo Protection Under Italian and European Court of Human Rights' Jurisprudence. Brief European Legislation Overview. *European journal of health law*. 2021;28(1):3–25. <https://doi.org/10.1163/15718093-BJA10036>
18. Ziller V. Interpretation of the Embryo Protection Act. The "German compromise". *Gynakologe*. 2017;50(6):409–413. <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s00129-017-4079-2.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лупарев Евгений Борисович*
доктор юридических наук, профессор, академик

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniy B. Luparev*
Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the Eurasian

Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4336-9495>

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

Academy of Administrative Sciences, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4336-9495>

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

Епифанова Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6611-8031>

Author ID: 57200340983

Elena V. Epifanova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6611-8031>

Author ID: 57200340983

**ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС:
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

**CIVIL PROCEDURE:
ARBITRATION PROCESS:**

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-89-97>

**РОЛЬ ОБЩЕИЗВЕСТНЫХ ФАКТОВ В СОВРЕМЕННОМ
АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

М.А. Мазуренко

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Мазуренко М.А. Роль общеизвестных фактов в современном арбитражном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(4):89–97. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-89-97>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Мазуренко Максим Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: gppmp@law.kubsu.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.09.2021

Статья принята к печати: 01.11.2021

Дата публикации: 29.12.2021

Аннотация: В статье рассматривается проблема установления в процессе судебного доказывания общеизвестных фактов, как обстоятельств, исключавших необходимость их доказывания. Актуальность исследования связана с тем, что легальное и доктринальное толкование понятия «общеизвестный факт» в российском праве не менялось на протяжении длительного периода времени. Вместе с тем, источники, из которых суд может получить информацию об общеизвестных обстоятельствах, значительно изменились, с учетом процессов глобальной информатизации общественных отношений. Целью исследования автор ставит выяснение роли, которую играют общеизвестные факты в современном арбитражном судопроизводстве России, с учетом возможности использования судами общедоступных источников информации в процессе доказывания.

В статье автор анализирует судебную практику окружных арбитражных судов по вопросу установления общеизвестных фактов, а также обращается к исследованиям американских ученых-юристов в области применения доктрины судебной осведомленности (judicial notice), которая также связана с установлениями судами фактов, не подлежащих доказыванию на основании их общеизвестности. Кроме того, в статье описаны данные и результат эксперимента, проведенного в рамках изучения студентам 4 курса юридического факультета Кубанского Государственного Университета (уровень подготовки: бакалавриат) дисциплины «Арбитражный процесс», относительно использования современных информационных источников, для установления общеизвестных фактов в судебном процессе.

В результате проведенного исследования было выяснено, что арбитражные суды устанавливают в качестве обстоятельств, не подлежащих доказыванию, не только факты, обладающие свойствами «общеизвестности», но и факты, сведения о которых можно получить из общедоступных источников, например, из публикаций в средствах массовой информации и сети Интернет. В этой связи роль общеизвестных обстоятельств в современном арбитражном процессе приобрела иное, более масштабное значение. Анализ зарубежной научной литературы в области применения доктрины судебной осведомленности показал, в целом, положительное отношение к

использованию в качестве фактов, не подлежащих доказыванию, сведений из общедоступных источников, в том числе сети Интернет.

По итогам исследования, автор приходит к выводу о необходимости отражения походов судебной практики на законодательном уровне и предлагает внести изменения в ч. 1 ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, изложив ее в следующей редакции: «Не нуждаются в доказывании обстоятельства дела, признанные арбитражным судом общеизвестными, в том числе опубликованные в общедоступных источниках информации».

Ключевые слова: арбитражный процесс, арбитражный суд, доказывание, общеизвестный факт, общеизвестные обстоятельства, судебная осведомленность, общедоступная информация, интернет.

THE ROLE OF COMMON KNOWLEDGE FACTS IN MODERN ARBITRATION LITIGATION

Maksim A. Mazurenko

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Mazurenko M.A. The role of common knowledge facts in modern arbitration litigation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(4):89–97. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-89-97>

CONTACT INFORMATION:

Maksim A. Mazurenko, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of Civil Procedure and International Law department of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: gppmp@law.kubsu.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 30.09.2021

The article has been accepted for publication: 01.11.2021

Date of publication: 29.12.2021

Annotation: The article deals with the problem of establishing common knowledge facts in the process of judicial proof, as circumstances that precluded the need for their proof. The relevance of the study is since the legal and doctrinal interpretation of the concept of "common knowledge facts" in Russian law has not changed for a long period of time. At the same time, the sources from which the court can obtain information about common knowledge circumstances have changed significantly, considering the processes of global informatization of public relations. The author of the study is to clarify the role played by common knowledge facts in modern arbitration litigation in Russia, considering the possibility of courts using publicly available sources of information in the process of proof.

In the article, the author analyzes the judicial practice of district arbitration courts on the issue of establishing common knowledge facts and refers to the research of American legal scholars in the field of application of the doctrine of judicial notice, which is also related to the establishment of facts by courts that are not subject to proof because of their common knowledge. In addition, the article describes the data and the result of an experiment conducted as part of the study of the 4th year students of the Faculty of Law of Kuban State University (training level: bachelor's degree) of the discipline "Arbitration process", regarding the use of modern information sources to establish common knowledge facts in the judicial process.

As a result of the conducted research, it was found that arbitration courts establish as circumstances that are not subject to proof not only facts that have the properties of "common knowledge", but also facts about which information can be obtained from publicly available sources, for example, from publications in the media and the Internet. In this regard, the role of common knowledge facts in the modern arbitration process has acquired a different, more ambitious significance. The analysis of foreign scientific literature in

the field of application of the doctrine of judicial notice has shown, in general, a positive attitude to the use of information from publicly available sources, including the Internet, as facts that are not subject to proof.

Based on the results of the study, the author comes to the need to reflect the trends of judicial practice at the legislative level and proposes to amend part 1 of article 69 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, stating it in the following wording: "The circumstances of the case recognized by the arbitration court as common knowledge, including those published in publicly available sources of information, do not need to be proved".

Keywords: arbitration process, arbitration court, proof, common knowledge fact, common knowledge circumstances, judicial notice, publicly available information, Internet.

Введение

Согласно части 1 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) обстоятельства, признанные судом общеизвестными, не нуждаются в доказывании¹. Общеизвестные факты традиционно входят в институт доказывания гражданского процесса и характеризуются своей бесспорностью. Такие факты не могут быть поставлены под сомнения участниками судебного процесса, поэтому суд принимает их в качестве доказательств по делу без соблюдения требований о необходимости доказывания всех обстоятельств судебного спора по правилам ч. 1 ст. 65 АПК РФ. Перечень общеизвестных фактов настолько широк, что нет возможности зафиксировать его в законе. Общеизвестными могут быть события, в том числе знаменательные, исключительные природные явления, архитектурные особенности населенных пунктов и т. п. Общеизвестны и физические, химические технологические свойства и признаки вещей и материалов [3, с. 26]. В доктрине судебного доказывания США используется термин «судебная осведомленность» (judicial notice), который применим к фактам, схожим с общеизвестными в российском гражданском процессе. Судебная осведомленность – это процесс, посредством которого лицо, устанавливающее факт в ходе судебного разбирательства, принимает определенные обстоятельства как истинные без необходимости проведения формальной процедуры доказывания [10, с. 227]. Так, правило 201 Федеральных правил о доказывании США устанавливает, что принимаемый к судебной осведомленности факт известен в пределах территориальной юрисдикции суда, либо может быть точно и легко определен при обращении к источникам, чья точность не вызывает разумных сомнений². К судебной осведомленности может относиться факт, который, касается экономики, промышленности, истории, языка, науки или другой человеческой деятельности и общеизвестный в обществе, поэтому не требует подтверждения [2].

Для того чтобы факт мог быть отнесен к числу «общеизвестных» о нем должен быть осведомлен состав суда, рассматривающий конкретное дело [6, с. 21]. Такие факты могут быть теми, о которых судья имеет либо фактические, либо приобретенные знания. [12, с. 22]. В то же время общеизвестный факт признается законом основанием для освобождения от доказывания не только потому, что обстоятельство широко известно, а потому, что оно истинно и широко известно. Истинность обстоятельства выступает причиной, а его широкая известность – следствием, а не наоборот [4].

Таким образом, для установления обстоятельства, не подлежащего доказыванию, суд должен обладать сведениями об общеизвестном факте, который является истинным и не может быть поставлен под сомнение. В этом контексте имеет решающее значение источник информированности суда об общеизвестном факте. С учетом глобальной информатизации всех процессов жизнедеятельности за последние десятилетия, с достаточной уверенностью можно утверждать, что количество источников, из которых суд может установить сведения об общеизвестных фактах, значительно возросло, причем с такой прогрессией, которая ранее еще не была известна субъектам правоприменения. Например, как утверждает американский исследователь проблемы Г. Сигал: «с появлением Интернета перечень судебных усмотрений расширился, включив в него более широкий спектр источников, «точность которых не может быть обоснованно поставлена под сомнение»» [14, с. 525].

Приведённые обстоятельства обуславливают актуальность проблемы и необходимость установления той роли, которую занимают общеизвестные факты в процессе доказывания в российском гражданском процессе в современных условиях информационной эпохи. В работе

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г., с изм. от 16.11.2021 г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Federal Rules of Evidence (December 1, 2014) [сайт]. [процитировано 12 сентября 2021]. Доступно: <https://www.uscourts.gov/sites/default/files/Rules%20of%20Evidence>

автор обращается к исследованиям российских и американских процессуалистов в данной области, а также к практике окружных арбитражных судов РФ. Выбор практики именно арбитражных судов обусловлен характером экономических споров и определённой спецификой общеизвестных фактов для данной категории дел.

Методы исследования

Для достижения поставленных целей автор использует общенаучные методы (анализ и синтез) и эмпирические методы (сравнение и эксперимент).

Так в ходе исследования обращено внимание на работы российских ученых-процессуалистов в области доказывания, а также исследования американских юристов в сфере доктрины судебной осведомленности, таких как: Г. Сигал, Дж. Вигмор, Дж. Беллин, А. Фергюсон и др. Проведено сравнение подходов российского и зарубежного доктринального толкования проблемы.

Кроме того, автором проанализировано более 50 постановлений окружных арбитражных судов РФ за период с 2008 по 2021 год, на основании чего сделан вывод о практической стороне применения общеизвестных фактов в процессе судебного доказывания.

Так же в ходе преподавания дисциплины «Арбитражный процесс» студентам 4 курса юридического факультета Кубанского Государственного Университета (уровень подготовки: бакалавриат), был осуществлен эксперимент, в части применения в арбитражном процессе положений ч. 1 ст. 69 АПК РФ, данные и результат которого подробно описаны в разделе «Научная дискуссия».

Результаты исследования

В результате проведенного исследования было выявлено достаточно активное применение арбитражными судами положений ч. 1 ст. 69 АПК РФ. Однако, с учетом глобального, общесовременного процесса активного формирования и широкомасштабного использования информационных ресурсов, суды стали устанавливать в качестве обстоятельств, не подлежащих доказыванию, не только факты, обладающие свойствами «общеизвестности», но и факты, сведения о которых можно получить из общедоступных источников, например, из публикаций в средствах массовой информации и сети Интернет. В этой связи роль общеизвестных обстоятельств в современном арбитражном процессе не только не снизилась, но и приобрела иное, более масштабное значение.

Анализ зарубежной научной литературы в области применения доктрины судебной осведомленности (judicial notice) показал, в целом, положительное отношение к использованию в качестве фактов, не подлежащих доказыванию, сведений из общедоступных источников, в том числе сети Интернет.

Проведенный эксперимент, в рамках изучения дисциплины «Арбитражный процесс» студентами 4 курса юридического факультета (уровень подготовки: бакалавриат), показал нежелание учащимися устанавливать общеизвестный факт на основании личных знаний или сведений из открытых источников, что, по-видимому, обусловлено отсутствием регламентации такой возможности в нормативных актах и учебной литературе для соответствующего уровня подготовки.

Для закрепления, выработанных подходов судебной практики, предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 69 АПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Не нуждаются в доказывании обстоятельства дела, признанные арбитражным судом общеизвестными, в том числе опубликованные в общедоступных источниках информации».

Следует отметить, что схожий принцип института доказывания уже имеет закрепление пп. 1 п. 1 ст. 111 Налогового кодекса РФ, в котором указано, что обстоятельствами, исключающими вину лица в совершении налогового правонарушения, признается совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, вследствие стихийного бедствия или других чрезвычайных и непреодолимых обстоятельств (указанные обстоятельства устанавливаются наличием общеизвестных фактов, публикаций в средствах массовой информации и иными способами, не нуждающимися в специальных средствах доказывания)¹.

Научная дискуссия

В начале дискуссии следует отметить первый проблемный вопрос применения общеизвестных фактов в судебном доказывании, выявленный на уровне доктринального толкования. Проблема установления судебного усмотрения об общеизвестном факте всегда заключалась в том, чтобы сбалансировать его эффективность в рамках модели состязательного правосудия [9, с. 1143]. С одной стороны, высказывается мнение о том, что на практике имеется недостаточно внятное понимание категории общеизвестных фактов, практикой не выработаны критерии признания фактов общеизвестными. В связи с признанием вышеуказанных фактов общеизвестными суды освобождают

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

обязанное лицо от доказывания. Соответственно, другая сторона не может данные факты оспорить [5, с. 80]. По мнению других исследователей, несмотря на принятие судом общеизвестных фактов без доказательств, противоположная сторона или иное лицо, участвующее в деле, вправе представлять доказательства, опровергающие общеизвестные факты [6, с. 21]. Практическое решение данной проблемы можно проиллюстрировать на примере постановления президиума Суда по интеллектуальным правам по конкретному делу. В кассационной жалобе заявитель ссылался на недоказанность известности Свердловской области обычному российскому потребителю и необоснованное принятие судом первой инстанции сведений о данном субъекте Федерации в качестве общеизвестного факта. Отклоняя данный довод суд кассационной инстанции указал, что вхождение Свердловской области в число субъектов РФ отражено в Конституции РФ, которая была принята многонациональным народом России, а ее содержание общеизвестно гражданам страны, а следовательно, обычным потребителям. При этом среди лиц, не имевших в силу возраста возможности принять участие в принятии Конституции РФ, ее содержание в целом и федеративное устройство РФ в частности изучаются в рамках школьного курса обществознания¹.

На этом примере видно, что участник спора попытался оспорить в суде вышестоящей инстанции установленный судом общеизвестный факт, при этом кассационный суд отклонил данный довод, не ограничиваясь указанием на ч. 1 ст. 69 АПК РФ, а привел убедительное обоснование того, почему этот факт является общеизвестным. Для дальнейшей дискуссии нам важно отметить из каких источников суд получил информацию об общеизвестном факте и его истинности. Во-первых, это Конституция РФ (значимость и официальный статус данного документа не вызывают сомнений), а также «школьный курс обществознания» (здесь, по всей видимости, суд руководствуется личным житейским опытом, что, в целом, не опровергает истинности суждения).

В другом деле суд признал общеизвестным фактом нахождение водного объекта на определенной территории, указав в качестве источника, полученных сведений атлас Владимирской области для рыболовов, охотников, туристов и автомобилистов, опубликованного в 2003 году².

В следующих судебных актах обнаружено установление судом общеизвестных фактов из менее очевидных источников, чем указанные в вышеизложенных примерах, но эти источники, безусловно, связаны с преобладанием информационной среды в современном обществе. Речь идет о сведениях, опубликованных в средствах массовой информации, в том числе в сети Интернет.

В одном деле суд, со ссылкой на ч. 1 ст. 69 АПК РФ, признал не подлежащими доказыванию сведения, изложенные в решении Якутской городской Думы, поскольку этот документ был официально опубликован³.

В другом случае арбитражный кассационный суд прямо отметил, что сведения о фактах, опубликованных в средствах массовой информации, относятся к общеизвестным обстоятельствам и не нуждаются в доказывании⁴.

Сведения, размещенные в автоматизированной информационной системе профессионального объединения страховщиков, так же, по мнению другой судебной коллегии, являются общедоступными и общеизвестными⁵.

¹ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.10.2019 г. по делу № СИП-669/2018 [сайт]. [процитировано 19 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f5db334d-bf3d-469c-8a32-699dbb40841e/c3b53482-0adc-45f7-ab4d-ccc04c99d780/SIP-669-2018_20191028_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.08.2016 г. № Ф01-2669/2016 по делу № А11-6108/2014 [сайт]. [процитировано 19 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2ddc1b89-7139-42b4-85ff-636ab751322b/7a0e4fc8-b042-4394-ba03-6530bc9f6afd/A11-6108-2014_20160804_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

³ Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12.04.2012 г. по делу № А58-3844/11 [сайт]. [процитировано 19 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a0303c11-7df5-4c06-b84e-8357f453e1f0/d0f2dcf0-7dc2-4400-93ae-c26557eae9f8/A58-3844-2011_20120412_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.06.2015 г. № Ф04-19470/2015 по делу № А46-14000/2014 [сайт]. [процитировано 19 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f257c7e1-4cff-481c-b4b4-0455308961bc/fc6b283e-c78b-4993-9d1a-3b4763e21fde/A46-14000-2014_20150626_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.01.2018 г. № Ф05-19597/2017 по делу № А40-43592/2017 [сайт]. [процитировано 19 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6d167fc1-e2ab-44eb-85ce-9674009723be/48d844d7-e245-4ae5-b4a0-32a4a7ac23d7/A40-43592-2017_20180111_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

В значительном количестве постановлений кассационных судов также говорится о принятии в качестве общеизвестных фактов сведений, полученных из сети Интернет. Так, например, суд установил аффилированность двух юридических лиц друг к другу на основании данных веб-сайта одной из компаний и отметил данное обстоятельство как общеизвестное¹.

В других постановлениях суды подтвердили общеизвестность таких фактов как: сведения о выдаче лицензии на право управления многоквартирными домами, размещенные на сайте управления государственного жилищного надзора Белгородской области²; сведения Публичной кадастровой карты официального сайта Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в сети Интернет³; расположение домов на конкретной улице города, на основании информации с веб-сайта картографического сервиса⁴.

В некоторых делах суды признавали общеизвестной и не подлежащей доказыванию информацию, размещенную на сайте самого арбитражного суда⁵, а также на сайте федерального суда общей юрисдикции в системе ГАС «Правосудие»⁶.

В ходе исследования также выявлены случаи отказа судов в признании общеизвестных фактов на основании данных сети Интернет, однако отрицательной практики по данной проблематике гораздо меньше, чем положительной. Так, суды отказались освобождать от доказывания в силу общеизвестности факты, полученные на официальном сайте Федеральной службы судебных приставов⁷; сведения о деятельности компании, раскрытые на сайте самой компании⁸; сведения о стоимости имущества, размещенные на сайте продавца аналогичного товара⁹.

Автором отмечено достаточно частое обращение судов к информации, размещенной публично и установление таких сведений в качестве общеизвестных фактах. Безусловно, быстрый поиск подобной информации сокращает время рассмотрения дела и удобен для суда во всех

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.04.2021 г. № Ф09-1183/21 по делу № А76-27602/2020 [сайт]. [процитировано 21 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7a35e56c-4fcd-4f2b-aaf0-43df4e6e120d/64b0cacf-217f-4eff-8b85-3e36caa605e1/A76-27602-2020_20210415_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.06.2016 г. № Ф10-1706/2016 по делу № А08-5179/2015 [сайт]. [процитировано 21 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/33d64f51-403b-4584-8aeb-fb4735f658d2/d4567081-fdec-42e9-8a7d-76bf2f31e2a8/A08-5179-2015_20160630_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.11.2014 г. № Ф05-12592/2014 по делу № А41-66844/2013 [сайт]. [процитировано 21 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/bd8556c4-e7fd-4391-b328-7966e79e671b/c2b3cf64-9b09-4e46-b364-f9e166089942/A41-66844-2013_20141127_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

⁴ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 26.10.2012 г. № 05АП-8149/2012 по делу № А51-5894/2012 [сайт]. [процитировано 21 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/28d8a60c-f904-4a0b-85bd-2e3bd0f2924d/ddf11eff-38cd-4856-b152-c27fb7036cdf/A51-5894-2012_20121026_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.12.2014 г. № Ф05-14748/2014 по делу № А40-91547/14-23-602 [сайт]. [процитировано 21 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e961146d-43be-47bf-ab05-200102094424/de2eebdb-5907-4b88-8677-52ae1e0a1f6c/A40-91547-2014_20141225_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.06.2020 г. № Ф08-4796/2020 по делу № А32-23904/2019 [сайт]. [процитировано 21 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0d56a28a-be3d-49e0-b321-e232d31ab3c9/f4040d09-37a8-4009-add1-98eef25e7f81/A32-23904-2019_20200630_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.11.2021 г. № Ф07-12364/2021 по делу № А56-14043/2019 [сайт]. [процитировано 21 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1dd16020-34aa-4142-863d-b491f0e1edd8/ee0875b4-58cb-4749-9c44-5e4d356fbfb/A56-14043-2019_20211119_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.06.2020 г. № Ф04-1695/2020 по делу № А45-30237/2019 [сайт]. [процитировано 21 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a9f1c53e-f08a-4a98-a291-d03ea2bf5f55/6e242d5e-9b6e-426f-9243-54a4dd948f8c/A45-30237-2019_20200619_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

⁹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02.03.2021 г. № Ф08-178/2021 по делу № А32-52667/2018 [сайт]. [процитировано 21 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e7558979-bfc9-4ec7-a451-804047e8e67c/6ad7dd22-39d9-453d-995c-fbee84a9478a/A32-52667-2018_20210302_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

отношениях, но является ли такая общедоступная информация общеизвестной? И относится ли она к тем обстоятельствам, которые заложены законодателем в норму ч. 1 ст. 69 АПК РФ?

Следует отметить, что установление общеизвестного факта предназначено для упрощения судебных разбирательств, признавая, что есть некоторые вещи, настолько общеизвестные или не подлежащие оспариванию, что требовать доказательства их существования было бы пустой тратой времени и ресурсов [8, с. 43]. Следовательно, в доказывании таких обстоятельств не должно быть никакой разумной необходимости. Между тем, что касается сведений, публикуемых в средствах массовой информации, еще советский ученый-юрист К.С. Юдельсон отмечал, что не все помещенные в печати сведения могут быть использованы в качестве источника общеизвестности. Несмотря на высокий авторитет советской печати, только те сведения могут быть использованы в целях освобождения от доказывания, которые имеют официальный характер (в широком смысле) [7, с. 542].

В то же время, приведённые высказывания характерны для менее информационно-активного периода времени. Сегодня получение сведений из средств массовой информации не обусловлено приобретением печатного издания, а может быть реализовано путем моментального доступа к ресурсам сети Интернет. Кроме того, использование информации общедоступной в мировом масштабе стирает «границы» как критерии классификации общеизвестных фактов, сформированные ранее советским ученым С. Н. Абрамовым, который считал, что «в одном случае факт, известен большинству жителей района, в другом – целой области, в третьем – всего государства, и, всемирно известный факт». [1, с. 183].

Например, по одному из дел окружной арбитражный суд установил общеизвестный факт того, что Гонконг является составной частью Китая (специальный административный район)¹. Вероятно источником информации о таком факте является основной закон Гонконга, а именно Конституция специального административного региона Китайской Народной Республики Гонконг. Вероятно, состав суда, рассматривающий дело и лица в нем участвующие были знакомы с данным документом, однако, если бы такой факт не был бы им известен, это не лишало бы факт вхождения Гонконга в состав Китая характера общеизвестности. В том числе, потому что Конституция Гонконга размещена в общедоступном источнике и с ней можно ознакомиться на соответствующем официальном сайте из любой точки планеты².

В западной доктрине вопрос использования Интернет-ресурсов в качестве источника сведений для судебной осведомленности исследуется достаточно давно и в целом характеризуется положительно. Например, отмечается, что в настоящее время существуют новые источники информации, которые предоставляют точные факты для судебной осведомленности [11, с. 611]. Хотя судам разумно изучать Интернет-источники для судебной осведомленности с некоторой осторожностью и долей скептицизма, они не должны отвергать такие источники по единственной причине, что они находятся в сети [8, с. 48]. При обращении к веб-сайту за необходимой информацией адвокату не нужно беспокоиться о том, будет ли Интернет сотрудничать, отстаивать привилегию Пятой поправки или исказить свою историю. Google Maps сотрудничает со всеми на равных условиях – они не меняют свою информацию в зависимости от запроса [9, с. 1165].

В исследовании, посвященном использованию судебной осведомленности на основании данных, полученных в сети Интернет, американские юристы Дж. Беллин, А. Фергюсон приводят «возможно, самый изобретательный пример судебного усмотрения на сегодняшний день», в котором описывают, как суд США «зашел на веб-сайт Почтовой службы Соединенных Штатов» и на основании почтового идентификатора отследил почтовое отправление участника спора в суд, на основании чего принял решение по делу [9, с. 1160]. При этом, следует отметить, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» прямо указано на возможность отслеживания судебной корреспонденции в системе отслеживания регистрируемой почтовой корреспонденции на официальном сайте ФГУП «Почта России»³.

¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.05.2016 г. № Ф03-1744/2016 по делу № А51-20002/2015 [сайт]. [процитировано 21 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ee2e963b-563f-4686-9ccc-092ff6b2faf0/94470dcd-5da2-4bf5-a81b-4a0eaea930c0/A51-20002-2015_20160517_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

² [сайт]. [процитировано 21 сентября 2021]. Доступно: <https://www.basiclclaw.gov.hk/en/basiclaw/chapter1.html>

³ О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном

Несмотря на некоторую спорность обращения к информации, размещенной в публичных источниках, для получения сведений об общеизвестных фактах, можно полагать, что устранение такой возможности может быть достигнуто только посредством определенного законодательного запрета. В противном случае само удобство в получении такой информации приведёт к увеличению тенденции использования сведений из информационных баз в судебных актах в качестве обстоятельств, не подлежащих доказыванию. Возможно, что такие случаи будут преобладать с формированием более молодого поколения правоприменителей, которые будут готовы к использованию современных информационных источников.

В этой связи следует упомянуть, в качестве экспериментального метода познания проблематики, следующие обстоятельства. В рамках преподавания автором статьи дисциплины «Арбитражный процесс» студентам 4 курса юридического факультета Кубанского Государственного Университета (уровень подготовки: бакалавриат), было предложено проведение деловой игры, по условиям которой, студенты были разделены на команды «истцов» и «ответчиков», а также выбрана коллегия судей в составе трех человек. На протяжении нескольких практических занятий, в условиях, приближенных к реальным, рассматривалось дело, по фабуле которого, истцы – владельцы акций акционерного общества (ответчик) оспаривали сделку по продаже, принадлежащего ответчику здания магазина. Истцы, в частности, указывали, что ответчик продал здание магазина, расположенного в экономически активной части города и на вырученные денежные средства, приобрел аналогичный объект, но находящийся на значительном удалении от центра города. В предмет доказывания по делу входили обстоятельства экономической обоснованности такой сделки для акционерного общества.

Можно предположить, что в описанной ситуации в реальном судебном процессе суд мог применить ч. 1 ст. 69 АПК РФ либо признав общеизвестным факт более выгодного нахождения магазина в центре города, чем на его окраине, либо использовать сведения их сети Интернет о покупательной привлекательности районов города (например, так поступил арбитражный суд в конкретном деле)¹. Однако, в смоделированной ситуации, учащиеся решили получить необходимую для правильного рассмотрения дела информацию от лица, обладающего специальными познаниями в этой области, вызвав в судебное заседание специалиста.

Следует отметить, что в описанном эксперименте приняли участие студенты 4 курса уровня подготовки «бакалавриат». Для данной категории учащихся характера подготовка к практическим занятиям с использованием нормативно-правовых актов, прежде всего АПК РФ, и учебной литературы, ориентированной на соответствующий уровень подготовки. При этом в указанных источниках не отражена возможность установления в качестве обстоятельств, не подлежащих доказыванию, сведений из общедоступных источников. Подходы судебной практики и материалы зарубежной научной литературы могли использоваться студентами с меньшей долей вероятности, что, скорее всего, и повлияло на исход эксперимента.

В завершении дискуссии, следует отметить и согласить с мнением о том, что студент, который постоянно прерывает свои уроки истории из-за сомнений в том, существует ли Земля на самом деле, вызывает сомнения, не относящиеся к исторической дисциплине. Точно так же правовая система не выиграет, если судья поставит под сомнение, например, объективность правил грамматики [13, с. 5]. Общеизвестные факты, как обстоятельства, освобождаемые от доказывания, продолжают играть важную роль как в российской, так и зарубежной процессуальной мысли. Судебная практика не только не избегает данного института, но и трактует его в новом формате, относя к неподлежащему доказыванию факты не только общеизвестные, но и содержащиеся в общедоступных источниках. В этой связи следует согласиться с мнением о том, что в настоящий момент ограничиваться теоретическим осмыслением понятия «общеизвестные обстоятельства» недостаточно. Назревшая необходимость расширения круга обстоятельств, объективно не нуждающихся в доказывании по общим правилам, объясняется усиливающейся потребностью в процессуальной экономии, в разработке наиболее эффективных методов реализации основных задач судопроизводства [2, с. 139].

Список использованной литературы:

References:

1. Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс. М., 1. Abramov S.N. [The Soviet civil trial]. М., 1952. (In

производстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

¹ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 29.04.2010 г. № Ф03-2069/2010 по делу № А04-3405/2009 [сайт]. [прочитано 21 сентября 2021]. Доступно: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ffbd3d49-c866-4983-839a-9c8f1bb82978/b734136c-1ccc-4792-97ba-48018b9a1f9b/A04-3405-2009_20100429_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

- 1952.
2. Гусякова Е.А. Общеизвестные факты как обстоятельства, не подлежащие доказыванию в гражданском судопроизводстве. *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*. 2017;(4-2):128–139.
3. Зайцев И., Афанасьев С. Бесспорные обстоятельства в гражданских делах. *Российская юстиция*. 1998;(3).
4. Ильин А.В. Установление судами первой и апелляционной инстанций общеизвестности обстоятельства. *Закон*. 2017;(7).
5. Потапенко Е.Г. Оптимизация гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права. *Вестник гражданского процесса*. 2021;(3):70–108.
6. Решетникова И.В. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе. Москва: Норма: ИНФРА-М; 2020.
7. Юдельсон К.С. Проблемы доказывания в советском гражданском процессе. Москва – Екатеринбург, 2005.
8. Barger C.M. Challenging judicial notice of facts on the Internet under Federal Rule of Evidence 201. *USFL Rev*. 2013;48:43.
9. Bellin J., Ferguson A. Trial by Google: Judicial Notice in the Information Age. *Northwestern University Law Review*. 2014.
10. Bick J. Judicial Notice and the Internet: The Legal Reasoning and Technical Basis for Taking Judicial Notice of the Fact that Internet Pages Display from the Top-Left-Hand Corner Out. *Washburn LJ*. 2012;52:225.
11. Hoffmeister T. Investigating jurors in the digital age: One click at a time. *U. Kan. L. Rev*. 2011;60:611.
12. Manchester C. Judicial Notice and Personal Knowledge. *Mod. L. Rev*. 1979;42.
13. Sanderson H. Postmodernism and judicial notice: How common is common knowledge? *Alternative Law Journal*. 2021.
14. Segal G.W. Clashing Standards in the Courtroom: Judicial Notice of Scientific Facts. *Colum. JL & Soc. Probs*. 2017;51:523.
15. Wigmore J.H. A pocket code of the rules of evidence in trials at law. Little: Brown; 1910.
- Russ.))
2. Gusyakova E.A. [Common knowledge facts as circumstances not subject to proof in civil proceedings]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya TulSU. Economic and legal sciences*. 2017;(4-2):128–139. (In Russ.))
3. Zajcev I., Afanas'ev S. [Indisputable circumstances in civil cases]. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*. 1998;(3). (In Russ.))
4. Il'in A.V. [The establishment by the courts of the first and appellate instances of the common knowledge circumstances]. *Zakon = Law*. 2017;(7). (In Russ.))
5. Potapenko E.G. [Optimization of civil procedural legislation in the direction of ensuring a balance of specialization and unification of procedural law]. *Vestnik grazhdanskogo processa = Bulletin of Civil Procedure*. 2021;(3):70–108. (In Russ.))
6. Reshetnikova I.V. [Handbook of proof in arbitration proceedings]. Moscow: Norma: INFRA-M; 2020. (In Russ.))
7. Yudel'son K.S. [Problems of proof in the Soviet civil process]. Moskva – Ekaterinburg, 2005. (In Russ.))
8. Barger C.M. Challenging judicial notice of facts on the Internet under Federal Rule of Evidence 201. *USFL Rev*. 2013;48:43.
9. Bellin J., Ferguson A. Trial by Google: Judicial Notice in the Information Age. *Northwestern University Law Review*. 2014.
10. Bick J. Judicial Notice and the Internet: The Legal Reasoning and Technical Basis for Taking Judicial Notice of the Fact that Internet Pages Display from the Top-Left-Hand Corner Out. *Washburn LJ*. 2012;52:225.
11. Hoffmeister T. Investigating jurors in the digital age: One click at a time. *U. Kan. L. Rev*. 2011;60:611.
12. Manchester C. Judicial Notice and Personal Knowledge. *Mod. L. Rev*. 1979;42.
13. Sanderson H. Postmodernism and judicial notice: How common is common knowledge? *Alternative Law Journal*. 2021.
14. Segal G.W. Clashing Standards in the Courtroom: Judicial Notice of Scientific Facts. *Colum. JL & Soc. Probs*. 2017;51:523.
15. Wigmore J.H. A pocket code of the rules of evidence in trials at law. Little: Brown; 1910.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мазуренко Максим Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8913-6208>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maksim A. Mazurenko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of Civil Procedure and International Law department of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8913-6208>